
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»



ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО
ЖУРНАЛ
№ 2 (14) 2018

Издательство
«МГИМО-Университет»
2018

Редакционная коллегия:

Главный редактор, Председатель редакционной коллегии – Иовенко Валерий Алексеевич,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – отв. секретарь – Ивушкина Татьяна Александровна,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – Евтеев Сергей Валентинович,
канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Smirnova Ludmila – PhD, prof. (Mount Saint Mary College, New York, USA);

Алексахин Алексей Николаевич – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Балдицын Павел Вячеславович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);

Гладкова Елена Львовна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГЛУ);

Гуревич Татьяна Михайловна – д-р культурологии, к.филол.н., профессор (Россия, Москва, МГИМО);

Иванов Николай Викторович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Кизима Марина Прокофьевна – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Лосева Наталья Владимировна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Набати Шахрам Сирус – к.филол.н., доцент (Исламская республика Иран, Решт, Гилянский университет);

Позднякова Елена Михайловна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Пономаренко Евгения Витальевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Репенкова Мария Михайловна – д-р филол.н., доцент (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);

Храмченко Дмитрий Сергеевич – д-р филол.н., доцент, проф. (Россия, Тула, ТГПУ им. Л.Н. Толстого).

Чеснокова Ольга Станиславовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, РУДН);

Штанов Андрей Владимирович – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Шубина Эльвира Леонидовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Ястребова Елена Борисовна – канд. пед. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО).

Филологические науки в МГИМО: Журнал. № 2 (14) 2018 / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 141 с.

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных ученых, педагогов, аспирантов и магистрантов. Выходит ежеквартально.

Рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация; переводоведение; инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков; литературоведение и лингвокультурология.

В журнал принимаются статьи на 10 языках: русском, английском, немецком, французском, испанском, итальянском, китайском, японском, арабском, хинди.

Журнал включен в Перечень ВАК (с 6 июня 2017 г.) по специальностям «10.01.00 Литературоведение», «10.02.00. Языкознание»; EBSCO, РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

ISSN 2410-2423

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2018

© Коллектив авторов, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Кабанова А.С.	
К вопросу о дублетности инфинитива и супина в современном румынском языке	5
Костюхин А.А.	
Когнитивная систематизация темпоративного поля в современном турецком языке	14
Котенякина И.Б., Дружков Я.М.	
Народная этимология как источник пополнения лексического фонда испанского языка	23
Мухаметзянова Л.Р.	
Функции названий периодических изданий	33
Нагуманова В.А.	
Бинарная оппозиция «СВОЙ–ЧУЖОЙ» в метафорическом представлении России в СМИ Германии ..	40
Раздорская Н.В.	
Специфика виртуальной коммуникации японцев в социальных сетях	45
Степанова М.А.	
К вопросу о варьировании семантических компонентов значения слова „VERNÜNFTIG“ и их актуализации в контексте немецкого политического дискурса	54
Хайруллина Р.Х., Бергер В.П.	
Образ человека в мифологической картине мира (на материале русского, казахского и английского языков)	61
Чернышева Л.Н.	
Некоторые аспекты именного словообразования в современном амхарском языке	68
Чеснокова О.С., Радович М., Техерина Ледесма Г.	
Observaciones sobre la toponimia boliviana	75
Чиронов С.В.	
Метаязыковая модификация ассертивных речевых актов в японском языке	82
Шубина Э.Л.	
Псевдопартиитивные именные группы типа eine Art+Adj+N в немецком литературном языке XVII-XX вв.	93

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Андрюхина Т.В.	
Концептуальная метафора и развитие когнитивной компетенции студентов-международников	101
Полянская И.Э.	
От НОМО LUDENS к НОМО COMPETENS: упражнения на ситуативное взаимодействие как инструмент комплексного развития коммуникативной компетенции	112

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бреева Т.Н.	
Гетеротопия живописного экфрасиса в романе Дины Рубиной «Белая голубка Кордовы»	120
Мельников М.В., Морозова М.А.	
Политкорректность в английском языке и актуальность ее изучения в вузе	127
Шуйская Н.М.	
Два романа – два документа эпохи («О Мария» Синана Антуна и «Франкенштейн в Багдаде» Ахмада Саадави)	135

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

A.S. Kabanova	
ON THE PROBLEM OF THE DOUBLET PHENOMENON OF THE INFINITIVE AND THE SUPINE IN CONTEMPORARY ROMANIAN	5
A.A. Kostyukhin	
COGNITIVE SYSTEMATIZATION OF THE TEMPORATIVE FIELD IN MODERN TURKISH LANGUAGE	14
I.B. Kotenyatkina, Ya.M. Druzhkov	
FOLK ETYMOLOGY AS A SOURCE OF THE NEW LEXICAL ITEMS IN SPANISH	23
L.R. Mukhametzyanova	
THE TITLES FUNCTION IN PERIODICAL PUBLICATIONS	33
V.A. Nagumanova	
BINARY OPPOSITION US/THEM IN THE METAPHORICAL REPRESENTATION OF RUSSIA IN GERMAN MEDIA	40
N.V. Razdorskaya	
SPECIFICATION OF VIRTUAL COMMUNICATION OF THE JAPANESE IN SOCIAL NETWORKS	45
M. Stepanova	
ON VARIATION OF SEMANTIC COMPONENTS IN THE MEANING OF „VERNÜNFTIG“ IN GERMAN POLITICAL DISCOURSE.	54
R.Kh. Khayrullina, V.P. Berger	
HUMAN CHARACTER IN THE MYTHOLOGICAL WORLD VIEW (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN, KAZAKH AND ENGLISH LANGUAGES)	61
L.N. Chernysheva	
SOME ASPECTS OF NOMINAL WORD FORMATION IN MODERN AMHARIC	68
O. Chesnokova, Radović Marija, Tejerina Ledesma Guido Ramiro	
NOTES ON BOLIVIA PLACE NAMES	75
S.V. Chironov	
METALINGUISTIC MODIFICATION OF ASSERTIVE SPEECH ACTS IN JAPANESE	82
E.L. Shubina	
PSEUDO-PARTITIVE NOMINAL GROUPS OF THE TYPE EINE ART+ADJ+N IN THE GERMAN LITERARY LANGUAGE OF THE XV11-XX CENTURIES	93

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENT APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

T.V. Andryukhina	
CONCEPTUAL METAPHOR AND EMPROVING STUDENTS' COGNITIVE COMPETENCE	101
I.E. Polianskaya	
FROM HOMO LUDENS TO HOMO COMPETENS: EXERCISES IN INTERACTION AS A TOOL FOR A COMMUNICATIVE COMPETENCE DEVELOPMENT	112

LITERATURE AND LINGUOCULTUROLOGY

T.N. Breeva	
HETEROTOPY OF PAINTING EKFRASIS IN DINA RUBINA'S NOVEL «THE WHITE DOVE OF CORDOBA»	120
M.V. Melnikov, M.A. Morozova	
POLITICAL CORRECTNESS IN THE ENGLISH LANGUAGE AND RELEVANCY OF ITS STUDY IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS	127
N.M. Shujskaya	
TWO NOVELS AS TWO HISTORICAL DOCUMENTS (“AVE MARIA” BY SINAN ANTOON AND “FRANKENSTEIN IN BAGHDAD” BY AHMED SAADAWI)	135

К ВОПРОСУ О ДУБЛЕТНОСТИ ИНФИНИТИВА И СУПИНА В СОВРЕМЕННОМ РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ

А.С. Кабанова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматриваются общие синтаксические функции инфинитива и супина в современном румынском языке. Эти две неличные формы глагола остаются предметом острых дискуссий по причине своей необычной диахронической трансформации – в процессе эволюции румынского языка долгий инфинитив подвергся субстантивации, а отглагольное существительное (именной супин), напротив, постепенно трансформировалось в глагольный супин. В результате этого процесса в румынском языке появились и сосуществуют две сходные неличные формы глагола, которые употребляются в одних и тех же синтаксических позициях. Большинство исследований, рассматривавших проблематику инфинитива и супина в румынском языке, было посвящено их конкуренции с конъюнктивом, а целью данной работы является исследование их синтаксического поведения и выявление взаимоотношений внутри этой пары. Предпринятый в статье сравнительно-сопоставительный анализ общих синтаксических позиций инфинитива и супина и их дистрибуции внутри каждой из позиций позволил сделать вывод о том, что инфинитив и супин обладают богатым набором общих синтаксических функций, но между ними нет полного функционального сходства. Каждая форма имеет собственный набор семантико-грамматических характеристик, разную валентность, сочетаемость и стилистическую приуроченность, что определяет её синтаксическое поведение.

Ключевые слова: современный румынский язык, неличная форма глагола, инфинитив, супин.

Без преувеличения можно сказать, что в системе неличных форм глагола румынского языка инфинитив и супин занимают особое место. Эти глагольные формы традиционно пользуются повышенным вниманием лингвистов, так как, несмотря на свою функциональную близость, они обладают рядом существенных отличий. С одной стороны, и инфинитив, и супин выполняют по большей части одинаковые синтаксические функции в предложении и, с семантической точки зрения, сближаются с существительным, однако в грамматическом аспекте эти вербоиды оказываются полярно противоположными друг другу, ведь одна форма (инфинитив) обладает рядом глагольных морфологических характеристик (выражает время и залог), а другая

(супин), напротив, лишена словоизменительных грамматических категорий, характерных для глагола как части речи. Если же обратиться к истории возникновения и развития этих глагольных форм, то и здесь обнаружится немало как общих черт, так и любопытных противоречий. Так, румынский инфинитив привлекал многих крупных лингвистов, в первую очередь, как форма «исчезающая» [22, с. 75-77] или «вытесняемая» [21, с. 161] конъюнктивом. Подобные прогнозы относительно будущего румынского инфинитива появлялись тогда, когда исследователи рассматривали языковые процессы в румынском языке сквозь призму тенденций, общих для балканской языковой общности (ведь инфинитив оказался полностью вытеснен в таких языках, как ново-

греческий, болгарский и албанский). Действительно, в процессе развития румынского языка исконный «долгий» латинский инфинитив (с суффиксом *-re*) также вышел из глагольной системы и подвергся полной и окончательной субстантивации. Однако параллельно с этим процессом в качестве глагольной формы возникла и стала употребляться краткая форма инфинитива (без *-re*), хотя сфера её употребления в приглагольной позиции была значительно сужена конъюнктивом. В связи с этими особенностями эволюции румынского глагола особенно важной в аспекте нашего исследования представляется история возникновения и развития румынского супина, ведь супин, некогда существовавший в латыни, не сохранился ни в одном романском языке. Преемственность между румынским вербоидом и латинским супином также маловероятна¹, но тогда возникает вопрос, откуда появился румынский супин? Наиболее последовательной в ответе на данный вопрос выглядит попытка объяснения его возникновения, известная в лингвистической науке как теория «вторичной инфинитивации», автором которой являлся отечественный исследователь в области балканистики М. А. Габинский. По мнению лингвиста, румынский супин не был унаследован напрямую из латыни, а возник в более поздний период как ещё один инфинитивный дублет на фоне ослабления позиций первичного инфинитива. Новая глагольная форма представляла собой тип «предлог + причастное имя действия»² (например, *de făcut*), которая постепенно стала употребляться в позициях, нехарактерных для имени, что привело к утрате ею категории падежа и превращению в глагольную форму [1, с. 54-56]. Таким образом, мы можем говорить о противоположных эволюционных процессах для инфинитива и супина – в ходе развития румынского языка исконный инфинитив перешёл в разряд существительных, а супин, напротив, превратился из именной формы в глагольную³. В современном румынском языке два типа супина (супин-неличная форма глагола и супин-существительное) продолжают сосуществовать. В одном предложении они могут сле-

довать друг за другом: *Renunță la fumat* (супин), *pentru că fumatul* (существительное) *dăunează sănătății* «Откажись от курения, так как курение вредит здоровью» [2, с. 10]. Причём чёткого формального разграничения этих двух типов супина, как в случае с долгим и кратким инфинитивом, в современном языке не существует. Принадлежность формы к глагольной или именной системе выводится из контекста, например, по наличию/отсутствию артикля⁴ или, наоборот, прямого дополнения. Ввиду отсутствия словоизменительных категорий глагола у супина, некоторые исследователи не различали именную и глагольную формы супина и не рассматривали последний в качестве вербоида [8, с. 42].

Необходимо отметить, что хотя теория «вторичной инфинитивации», в результате которой в румынском языке мог появиться супин, не получила большой популярности среди лингвистов, тем не менее, в современной лингвистической науке практически повсеместно отрицается происхождение румынского супина от латинского и отмечается семантико-синтаксический параллелизм супина и инфинитива. Таким образом, мы видим, что на определённом этапе развития румынского языка появились две функционально близкие друг другу неличные формы глагола, занимающие одни и те же синтаксические позиции в предложении. И эти синтаксические позиции инфинитив и супин были вынуждены «оттвёвываться» у получившего широкое распространение конъюнктива.

В современном румынском языке инфинитив и супин действительно продолжают конкурировать с конъюнктивом, но пока остаётся без ответа другой, не менее важный вопрос, существует ли острая конкуренция этих форм между собой, или же каждая из них заняла определённую синтаксическую «нишу» в языке, и, следовательно, доводы об их «вытеснении» или «исчезновении» более не актуальны? Возможно, представленный в статье сравнительно-сопоставительный анализ особенностей синтаксической сочетаемости и семантики инфинитива и супина в общих для них позициях в предложении позволит пролить свет

¹ Уже в начале эпохи Империи супин для живого разговорного латинского языка был формой мёртвой [7, с. 274].

² Сравни с препозитивной частицей *a*, появившейся при краткой форме румынского инфинитива и восходящей к латинскому предлогу *ad*, изначально употреблявшемся при герундии, а потом перешедшим и на инфинитив: [4, с. 37], таким образом, и инфинитив, и супин восходят к падежным формам имени действия.

³ Превращение супина в глагольную форму, видимо, произошло достаточно поздно – первые письменные источники, в которых при супине появляется прямое дополнение, датируются концом XVII века [10, с. 161].

⁴ Отметим, что именной супин не обладает полнотой грамматических характеристик существительного (в отличие от долгого инфинитива) – он не употребляется с неопределённым артиклем и не имеет формы множественного числа, хотя единичные примеры такого употребления (во множественном числе) можно встретить в ранних письменных источниках [9, с. 259].

на решение этой проблемы и определить степень дублетности этих форм.

Инфинитив и супин способны к независимому употреблению – могут выполнять функцию подлежащего в предложении и в этой позиции нередко выступают как взаимозаменяемые глагольные формы. Ср.: (*E*) *ușor de spus, dar greu de făcut* 'Легко **сказать**, но трудно **сделать**' (супин) / *E ușor a scrie versuri...* (Em.Crit., с. 224) 'Легко **писать** стихи...' (инфинитив). При переводе на русский язык румынские конструкции с инфинитивом и супином в субъектной функции передаются инфинитивом. Примечательно, что конструкций типа «глагол 'быть' + модальное наречие + супин» (*e ușor de spus* 'легко **сказать**', *imposibil de ghicit* 'невозможно **догадаться**' и др.), где супин выполняет функцию подлежащего, довольно много в паремийном фонде – в пословицах и поговорках. Также супин играет роль подлежащего в устойчивом словосочетании *rămâne de văzut*⁵, которое на русский язык переводится поговоркой «поживём – **увидим**». Как видно из примеров, для разговорного современного румынского языка супин в субъектной функции остаётся живым и довольно распространённым явлением, в то время как инфинитив в роли подлежащего характерен скорее для письменной речи. Особенно частотны сочетания инфинитива с глаголом *a însemna* 'значить': *a iubi înseamnă a ierta* 'любить значит прощать'. К тому же, подобные конструкции могут с лёгкостью трансформироваться – краткая форма может замещаться долгой, т. е. собственно инфинитив – отглагольным существительным: *iubirea înseamnă iertare* 'любовь значит прощение'. Смысл фразы при этом не меняется, и на русский язык будет переводиться практически идентично – уже не инфинитивом, а существительным (**любовь**). Однако замещение данной позиции супином уже невозможно, так как конструкции типа *de iubit înseamnă** не характерны для румынского языка. В целом, и супин и инфинитив способны играть роль подлежащего только в безличных конструкциях, но при этом обе глагольные формы могут иметь при себе прямое дополнение – ср.: *rămâne de stabilit* (супин) *adevărul* 'остаётся **выяснить** (установить) **правду**' и *se poate spune orice* 'можно **сказать что угодно**'. Правда, в случае с супином такие конструкции представляют некоторую двусмысленность, так как при вынесении прямо-

го дополнения супина в начало возможна уже иная синтаксическая трактовка: *Adevărul rămâne de stabilit* можно перевести как '**Правда** остаётся **быть установленной**'. Ввиду отсутствия у супина категории залога, однозначно вывести из контекста, страдательное или действительное у него значение, невозможно. Если у супина значение действительного залога, то он играет роль подлежащего в предложении с инверсией (*Adevărul rămâne de stabilit* '**Правду** остаётся **выяснить**'), но если он выражает значение страдательного залога, тогда слово **правда** выполняет функцию не прямого дополнения, а подлежащего, и супин при нём становится именной частью составного сказуемого (*Adevărul rămâne de stabilit* '**Правда** остаётся **быть установленной**'). В случае, если прямое дополнение инфинитива будет вынесено вперёд, разночтений в синтаксической схеме предложения не будет. В конструкции типа *Orice poate fi spus* 'Что угодно может **быть сказано**' инфинитив выражает страдательный залог и становится частью сказуемого⁶. Таким образом, наличие у инфинитива грамматической категории залога порой позволяет точнее определять его синтаксические функции в предложении.

Ещё одна синтаксическая позиция, характерная для имени существительного, с которым функционально и семантически сближаются инфинитив и супин, – это дополнение. Надо отметить, что академическая грамматика румынского языка с формальной точки зрения дробит сложное глагольное сказуемое на простое глагольное сказуемое (модальный или фазисный глагол) и прямое дополнение (инфинитив или супин). Это те самые приглагольные позиции, из которых анализируемые вербоиды наиболее часто вытесняются конъюнктивом. Тем не менее, в сочетании с рядом модальных и фазисных глаголов в современном румынском языке регулярно употребляются именно инфинитив и супин. В функции прямого дополнения супин выступает в сочетании с глаголом *a avea* 'иметь': *Se avem de făcut în caz de incendiu* 'Что нам **нужно делать** в случае пожара', в то время как инфинитив может сочетаться с глаголом *a avea* с предлогом *de* (по сути, образуя уже косвенное дополнение, хотя и беспредложное употребление возможно): *Coreea de Nord avertizează că președintele ales al SUA va avea de-a face cu un «stat nuclear»* [16] 'Северная Корея предупреждает, что избранный президент США

⁵ Инфинитив также может сочетаться с глаголом *a rămâne*, но подобные конструкции носят более книжный характер.

⁶ В румынской синтаксической традиции такие позиции в предложении принято считать дополнением.

будет **иметь дело** с «ядерным государством». В рассмотренных синтаксических конструкциях значения супина и инфинитива не идентичны – конструкция с супином обладает модальной семантикой, т. е. выражает значение долженствования, а конструкция с инфинитивом не имеет выраженного модального компонента, что очевидно при переводе на русский язык: ср. '**должны делать**' / '**будет иметь дело**'. В целом, сочетания супина с модальными глаголами не характерны для румынского языка, ведь в самой этой форме имплицитно присутствует модальность, так что сочетания супина с глаголом быть (*a fi*) имеют значение долженствования: *este de reținut* 'надо **запомнить**'. Иная ситуация складывается вокруг инфинитива – его сочетания с глаголом *a putea* 'мочь' встречаются очень часто не только в письменной, но и в разговорной речи. С семантической точки зрения, конструкции *pot să spun* (с конъюнктивом) и *pot spune* (с инфинитивом) 'могу **сказать**' практически ничем не отличаются друг от друга. В безличных же конструкциях инфинитив оказывается даже предпочтительней: *se poate spune* 'можно **сказать**'. Особенностью данной конструкции является максимальная слитность глагола 'мочь' с инфинитивом, ведь между этими двумя компонентами не допускается присутствие каких-либо ещё слов, даже инфинитивной частицы *a*.

Как было отмечено выше, сочетания супина и инфинитива с фазисными глаголами румынскими синтаксистами принято рассматривать в качестве простого глагольного сказуемого с прямым или косвенным дополнением. Примечательно, что некоторые фазисные глаголы проявляют избирательность в выборе между инфинитивом и супином. Так, глагол *a începe* 'начинать' сочетается только с инфинитивом: *...abia după ore reappare imaginea lui și încep a plînge...* [12, с. 90] 'через несколько часов его образ предстаёт [предо мной] вновь, и я **начинаю плакать**'. Отметим, что супин как неличная форма глагола не сочетается с этим глаголом, при этом супин-существительное возможен в этой позиции: *Trebuia să înceapă cititul și scrisul* досл. 'Он должен был начать **чтение и писание**' [6, с. 92]. Вместе с тем, сочетания супина с такими фазисными глаголами, как *a se apuca* 'начать, взяться', *a termina* 'прекратить', *a se opri* 'остановиться' характерны как для письменной,

так и для устной речи: *Trebuie să-și termine întîi de scris declarația* [14, с. 35]. 'Сначала он должен **закончить писать** свои показания' (здесь супин в функции прямого дополнения) или *Din când în când, Leana se oprea din cântat, își lăsa alăuta pe genunchi și asculta și ea* [11, с. 80] 'Время от времени, Ляна **прекращала петь**, клала лютню себе на колени и тоже слушала' (здесь супин в функции косвенного дополнения). Кроме того, возможны сочетания супина и инфинитива и с другими (не только модальными и фазисными) глаголами. Например, *M-am plictisit de așteptat* 'Мне надоело **ждать**' (супин) или *...atunci nu mai rezista de-a le scrie pe hîrtie...* [14, с. 32] '... тогда он уже не мог удержаться, чтоб не **написать** их на бумаге (досл. не удержался **написать** – инфинитив)'. Примечательно, что с глаголами типа *a crede* 'полагать', *a pretinde* 'претендовать' и др., которые обычно сочетаются с индикативом, а не конъюнктивом, в последнее время всё чаще стал употребляться инфинитив⁸: *Bunăoară, marxismul pretindea a fi descoperit legea unei concordanțe între anumite faze de dezvoltare tehnologică și economică...* [18, с. 100] 'Однажды марксизм претендовал на то, что открыл (досл. претендовал **открыть**) закономерность определённых соответствий между фазами технологического и экономического развития...'

Инфинитив и супин также способны играть роль косвенного дополнения в предложении, сочетаясь не только с глаголом, но и с прилагательным. Примеров подобного употребления супина множество, как в письменной, так и разговорной речи, причём супин может сочетаться с прилагательным не только при помощи предлога *de*: *demn de luat în considerație* 'достойный **быть принятым** во внимание', *gata de plecat* 'готовый **уехать**', *moale la pipăit* 'мягкий на **ощупь**'. Некоторые из этих прилагательных демонстрируют более широкую сферу сочетаемости – так, с прилагательным *gata* 'готовый' могут сочетаться как супин, так и инфинитив, и отглагольное существительное (долгий инфинитив), причём, с семантической точки зрения, эти сочетания будут синонимичны друг другу: *gata de plecat* (супин), *gata de a pleca* (инфинитив), *gata de plecare* (существительное) 'готовый **уехать**'. В то же время прилагательное *demn* 'достойный' обычно предпочитает сочетания с супином (*demn de urmat* 'достойный **подражания**', *demn de citit* 'достойный

⁷ Конструкции глагола *a avea* 'иметь' с инфинитивом со значением долженствования присутствуют и в современном языке, но особенно они были распространены в XIX веке: *N-am niciodată a-l vedea* [15, с. 167] 'Я никогда не **должен** его **видеть**'.

⁸ Подобные конструкции встречаются и в более ранних текстах, например, в прозе Эминеску: *...cred a relua adevăratele mele vestimente* [14, с. 65] '... я **думаю** вновь **надеть** свою настоящую одежду'.

прочтения»), а с инфинитивом уже проявляет большую избирательность – или сочетается с инфинитивом глагола ‘быть’⁹ (*demn de a fi în Cartea Recordurilor* ‘достойный **быть** в книге рекордов’), или с инфинитивами, выражающими страдательный залог (*demn de a fi citit* ‘достойный **быть прочитанным**’). А прилагательные типа *moale / tare* ‘мягкий / твёрдый’, *plăcut* ‘приятный’ и др. сочетаются только с супином (*tare la pipăit* ‘твёрдый на **ощупь**’, *plăcut de ascultat* ‘приятный для **прослушивания**’), причём на месте супина может оказаться долгий инфинитив, т. е. существительное (*moale la pipăire* ‘мягкий на **ощупь**’, *plăcut de ascultare* ‘приятный для **прослушивания**’), но не собственно глагольный краткий инфинитив.

В атрибутивной функции инфинитив и супин воспроизводят модель «существительное + существительное». Для супина атрибутивная функция является одной из наиболее частых синтаксических позиций. Эта глагольная форма, в отличие от инфинитива, может служить определением и к абстрактным, и к конкретным существительным: *La un moment dat a apărut mașina de tocat carne* [23, с. 133] ‘В определённый момент появилась мясорубка (досл. **машина для рубки мяса**)’ или *Se creează o vînzoleală de nedescris...* [23, с. 30] ‘Начинается суматоха, **не поддающаяся описанию**...’. Причём, определяя конкретные существительные, супин может иногда выражать значение долженствования (*o treabă de făcut* ‘дело, которое **нужно сделать**’, *o scrisoare de trimis* ‘письмо, которое **нужно отправить**’), но чаще он лишён модальной семантики и обозначает предназначение предмета (*un fier de călcat* ‘утюг’, *o mașină de spălat* ‘**стиральная** машина’, *o mașină de tăiat iarbă* ‘газонокосилка’, *o perie de curățat geamuri* ‘щётка для **чистки** стекол’). В целом, для супина более характерны сочетания с конкретными существительными, хотя примеры атрибутивных сочетаний супина с абстрактными существительными отнюдь не единичны: ... *reveni Matilda cu o nouă năvală de plâns* [20, с. 63] ‘...опять принялась Матильда под новым **натиском слёз** (досл. под натиском **плача**)’.

Инфинитив в функции определения может появляться только при абстрактных существительных, т. е. в данной синтаксической позиции сфера его употребления несколько сужена, по сравнению с супином. Отметим, что ещё сравнительно недавно атрибутивные сочетания инфинитива в румынском языке рассматривались некоторыми

исследователями как непродуктивные [3, с. 169], однако современный материал свидетельствует об обратном – в настоящий момент неуклонно растёт употребление инфинитива в сочетании с абстрактными существительными (прежде всего, в письменной речи – художественной литературе и публицистике) [24, с. 24]. Приведём несколько примеров подобного употребления: *Aici e vorba despre a asista la o sinucidere* [23, с. 100] ‘Здесь **речь** идёт **о присутствии** при самоубийстве (досл. **речь о присутствовать**)’; *Mult timp am căutat tot felul de mijloace pentru a strânge bani* [23, с. 106] ‘Долгое время я искал всевозможные **средства [чтобы] скопить деньги**’. В функции определения можно встретить и инфинитив прошедшего времени: *Îi admir înțelepciunea de a se fi gândit la toate, inclusiv la cheltuielile de înmormîntare* [23, с. 107] ‘Я восхищаюсь его **мудростью продумать** всё [заранее], в том числе расходы на похороны’. Примечательно, что инфинитив и супин практически не встречаются в «перекрёстных» позициях – они крайне редко определяют одни и те же абстрактные существительные, демонстрируя избирательность в сочетаемости (нельзя перевести **мудрость продумать** как *înțelepciunea de gândit** вместо *înțelepciunea de a se fi gândit* или **присутств. слёз** (досл. **натиск плача**) как *năvală de a plânge** вместо *năvală de plâns*).

Ещё одной позицией, характерной для обеих форм в предложении, является позиция обстояательства цели. Для инфинитива из всего спектра обстоятельственных функций позиция обстоятельства цели является наиболее распространённой, ввиду того, что инфинитив по своей природе имеет целевую направленность. В этой функции инфинитив выступает в сочетании с предлогами *pentru* ‘для’ или *spre* ‘для’: *Ieronim sentisese pe patu-i și dedese-ntr-o parte perdeaua de la fereastră, spre a se uita cum luna apunea în râu...* [12, с. 96] ‘Иероним растянулся на кровати и отодвинул в сторону занавеску, **чтобы посмотреть**, как луна погружается в реку...’ или *Transportatorii au convins Guvernul să modifice legislația pentru a elimina concurența «pirăților» rutieri și a serviciilor gen Uber* [17] ‘Перевозчики убедили правительство изменить законодательство **с целью уничтожения** (досл. **чтобы уничтожить**) конкуренции со стороны дорожных «пиратов» и служб типа Убер’. Несколько реже в функции обстоятельства цели встречается супин, хотя данную синтаксическую позицию у него нельзя назвать слабой:

⁹ Возможно потому, что супин от глагола *a fi* ‘быть’ образовать нельзя (формы типа *de fost** считаются нелитературными).

A așteptat să descrească luna, să nu mai iasă Oana la scăldat în toiu! nopții... [11, с. 66] 'Он ждал, чтобы луна пошла на убыль и Оана больше не ходила купаться среди ночи...'

Отметим, что список общих синтаксических позиций румынского инфинитива и супина был бы неполным без упоминания о предикативных функциях этих глагольных форм. Ввиду их семантической близости с именем существительным, обе формы способны выполнять функцию именной части составного именного сказуемого: *a iubi înseamnă a ierta* 'любить значит **прощать**' (инфинитив) или *casa este de vândut* 'дом, который **надо продать**' (супин). Как было отмечено выше, супин в сочетании с глаголом *a fi* 'быть' нередко выражает значение долженствования, хотя в случае с отрицательной формой супина модальность отсутствует и супин по значению сближается с именем прилагательным: *căldura este de nesuportat* 'жара **невыносимая**', что очевидно и при переводе на русский язык. Таким образом, спектр значений супина в позиции именной части составного именного сказуемого оказывается шире, чем у инфинитива, причём супин семантически сближается с существительным только в конструкциях типа *această perie este de curățat geamuri* 'эта щётка – для **чистки** стекол', где и на русский язык он передаётся существительным¹⁰ (*чистка*). В примерах же типа *casa este de vândut* 'дом, который **надо продать**' или *căldura este de nesuportat* 'жара **невыносимая**' сочетания супина с глаголом 'быть' переводятся на русский язык либо придаточным предложением (*который надо продать*), либо прилагательным (*невыносимая*). Примечательно, что при сохранении модальности супин больше проявляет себя как глагольная форма, в то время как при утрате модальности он сближается с именными частями речи.

Предикативные функции инфинитива и супина не ограничиваются позицией именной части составного именного сказуемого, ведь эти формы, в отличие от других неличных форм глагола румынского языка (причастия и герундия) способны и к независимому употреблению в качестве простого глагольного сказуемого. Подобные конструкции, как правило, представляют собой приказ, высказанный в жёсткой форме: *A nu se rupe florile!* 'Не **рвать** цветы!' (инфинитив); *De rezolvat primele cinci exerciții!* 'Сделай **(реши)** первые пять упражнений!' (супин). Иногда эти

формы в позиции простого глагольного сказуемого имеют характер рекомендации: *De notat că nimeni n-a fost împotriva*. 'Заметим (досл. [надо] **заметить**), что никто не был против' (супин); *A se păstra la loc uscat și răcoros*. 'Хранить в сухом, прохладном месте' (инфинитив). По мнению исследователей, подобное употребление инфинитива (со значением рекомендации) пришло в румынский язык из французского языка сравнительно недавно, и поэтому долгое время практически не присутствовало в разговорной речи [19, с. 417-418]. Употребление супина в функции простого глагольного сказуемого также является атрибутом скорее письменной речи, но в отличие от инфинитива, супин в данной синтаксической позиции может присоединять придаточное предложение (*De notat că nimeni n-a fost împotriva*. 'Заметим (досл. [надо] **заметить**), что никто не был против'), что для инфинитива-рекомендации не характерно (нельзя сказать *a nota că**...).

Проведённый анализ синтаксических функций общих для инфинитива и супина показывает, что в большинстве рассмотренных конструкций исследуемые единицы не так часто выступают в качестве взаимозаменяемых форм, хотя в лингвистической литературе приводилось немало доводов в пользу их дублетности. В этих общих позициях, перечень которых даётся ниже, есть конструкции, в которых обе формы оказываются синонимичными друг другу, однако в большей части конструкций были выявлены факторы, чётко разграничивающие их употребление.

Так, в позиции подлежащего в составе конструкции глагола 'быть' и модального наречия (*e greu/ușor* 'трудно/легко' и др.) возможны и супин, и инфинитив, однако сочетания с супином преобладают как в разговорной, так и в письменной речи. В то же время при глаголе *a însemna* 'значить' в роли подлежащего предпочтение отдаётся инфинитиву.

В функции дополнения при некоторых глаголах и прилагательных (типа *a se arisa* 'взяться' или *gata* 'готовый') возможны обе формы, однако многие глаголы и прилагательные проявляют избирательность – сочетаются только с инфинитивом или супином. Например, среди фазисных глаголов глагол *a începe* 'начинать' присоединяет только инфинитив (*începe a cânta* 'начинает **петь**'), а глаголы *a termina*, *a sfârși* 'заканчивать' – только супин (*termină de scris* 'заканчивает **писать**'). Также и прилагательные типа *plăcut* 'при-

¹⁰ Однако и здесь супин ведёт себя как глагольная форма, т. к. имеет прямое дополнение – *de curățat geamuri* 'досл. **чистить** стекла'.

ятный', *moale* 'мягкий', *tare* 'твёрдый' сочетаются только с супином (*plăcut de ascultat* 'приятный для прослушивания').

В атрибутивной функции сфера сочетаемости супина оказывается шире, чем у инфинитива, т. к. последний употребляется только при абстрактных существительных, а супин может играть роль определения, как при абстрактных, так и при конкретных существительных. Более разнообразным оказывается и спектр значений супина в функции определения – он может обладать модальной семантикой (*o problemă de dezbătut* 'проблема, которую надо обсудить') или выражать предназначение предмета без значения долженствования (*o hârtie de scris* 'писчая бумага'). Однако, несмотря на ограничение сочетаемости, функция определения для инфинитива на сегодняшний день является одной из наиболее распространённых. Число отвлечённых существительных, предпочитающих инфинитив в роли определения, неизменно растёт¹¹. При этом немногие абстрактные существительные допускают и инфинитив, и супин в атрибутивной позиции (например, существительное *stare* 'состояние'), большинство же из них способны сочетаться только с одной из форм.

Среди обстоятельственных функций «перекрёстной» позицией для обоих вербоидов является функция обстоятельства цели, однако более распространённой она оказывается у инфинитива, хотя и в семантике супина присутствует целевое значение.

В составе составного именного сказуемого инфинитив и супин зачастую предпочитают разные связочные глаголы или при одном и том же связочном глаголе выражают разные значения (так, в сочетании с глаголом 'быть' инфинитив семантически сближается с существительным, а супин может выражать большую глагольность, т. к. обладает значением долженствования).

Наконец, обе формы способны играть роль простого глагольного сказуемого, причём подобное употребление более характерно для письменной речи. Отметим, что наблюдается некоторая стилистическая дифференциация в использовании инфинитива и супина в функции простого глагольного сказуемого. Так, например, инфинитив часто встречается в разного рода инструкци-

ях и ссылках (*a se păstra la loc răcoros* 'хранить в прохладном месте'), в то время как супин в подобных контекстах не используется.

Предпринятый нами анализ не подтверждает получившую в XX веке широкое распространение гипотезу о постепенном исчезновении инфинитива из румынского языка, а также гипотезу об отсутствии супина в системе румынских неличных форм глагола. На наш взгляд, прогнозы об исчезновении инфинитива не оправдываются уже потому, что в контексте романской языковой семьи румынский язык обнаруживает тенденцию не только к сохранению, но и к расширению сферы употребления этой глагольной формы. Во многом об этом свидетельствует актуализация конструкций с инфинитивом в атрибутивной функции и в позиции дополнения в современном румынском языке. Также было бы необоснованным оспаривать глагольность супина в современном румынском языке, рассматривая его исключительно как существительное. Несмотря на то, что супин в большинстве европейских языков был вытеснен инфинитивом, для румынского языка эта глагольная форма остаётся явлением живым, как для разговорной, так и для письменной речи. Доказательством этому служит обилие синтаксических функций (в том числе, предикативных), в которых возможно употребление супина с самой разнообразной семантикой. В современном румынском языке наблюдается тенденция не к упрощению (когда вербоиды утрачивают глагольность и переходят в разряд имён), а к компликации и диверсификации системы неличных форм глагола, что характерно для языков, достигших достаточно высокого уровня развития. Мы видим, что инфинитив и супин обладают широким спектром общих синтаксических позиций, однако между ними нет полного функционального сходства. Несмотря на то, что в ряде конструкций оба вербоида выступают в качестве взаимозаменяемых единиц, интенсивного вытеснения одной формы другой не наблюдается во многом ввиду того, что каждая форма обладает собственным «списком» наиболее характерных для неё приглагольных и приименных позиций и зачастую используется в разных функциональных стилях речи.

⁹ Присубстантивный инфинитив продолжает быть одной из наиболее продуктивных моделей в современном румынском языке [6, с. 77]

Список литературы

1. Габинский М. А. Возникновение инфинитива как вторичный балканский языковой процесс. Л.: Наука, 1967. 279 с.
2. Кабанова А. С. Неличные формы глагола в современном румынском языке: комплексный анализ: автореферат дис. канд. филол. наук. М.: Изд-во «МГИМО-Университет» 2012. 18 с.
3. Лухт Л. И. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Румынский язык, М.: Наука, 1970. 218 с.
4. Реферовская Е. А. Истоки аналитизма романских языков, М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 152.
5. Свешникова Т. Н. Некоторые наблюдения над синтаксисом приглагольного и присубстантивного инфинитива в балканских языках. Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М.: Наука, 1984. С. 69-79.
6. Свешникова Т. Н. Основные типы конструкций с отглагольным именем в балканских языках. Сов. славяноведение №2, 1979. С. 80-94.
7. Таривердиева М. А. Неличные формы латинского глагола и модальность. // Colloquia Classica et Indogermanica – IV. Труды ИЛИ РАН – Т. IV. Ч. 1. СПб., 2008. С. 261-274.
8. Caragiu-Marioțeanu M. Moduri nepersonale. Studii și cercetări lingvistice, XIII, 1, 1962. P. 24-44.
9. Dragomirescu A. Observații despre supinul nominal și relația cu infinitivul nominal în texte din secolul al XVI-lea. Lucrările celui de-al cincilea Simpozion Internațional de Lingvistică, București: Editura Univers Enciclopedic Gold, 2015. P. 252-263.
10. Dragomirescu A. Particularități sintactice ale limbii române în context romanic. Supinul, București: Editura Muzeului Național al Literaturii Române, 2013. P. 294.
11. Eliade M. Pe strada mântuleasa. Madrid: Caiete inorogului, 1968. P. 127.
12. Eminescu M. Cezara. Proză literară. București: Editura pentru literatura. 1964. P. 398.
13. Eminescu M, Criticilor mei. Poezii antume. Pitești: Editura Paralela 45, 2006. P. 237.
14. Eminescu M, Sărmanul Dionis. Proză literară. București: Editura pentru literatura. 1964. P. 398.
15. Gheție I. Istoria limbii române literare, București, 1978. P. 267.
16. <http://www.mediafax.ro>
17. <https://www.profit.ro>
18. Iliescu Adrian-Paul. Introducere în politologie. București, 2002. P. 176.
19. Iordan I. Limba română contemporană, București: Min. învățămîntului, 1956. P. 830.
20. Rebreanu L. Ciuleandra. Chișinău: Ed. Cartier, 2007. P. 136.
21. Rosetti, Al. Istoria limbii române, vol. I, ediția a treia, revăzută și adăugită, București: Editura Științifică. 1960. P. 228.
22. Sandfeld-Jensen, Kristian. Der Schwund des Infinitivs in Rumänischen und in den Balkansprachen. Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache, IX, 1902. P. 75-77.
23. Teodorovici L. D. Circul nostru vă prezintă. Iași: Polirom, 2007. P.215.
24. Vilceanu R. A. Scurtă privire asupra infinitivului în limba română actuală. Analele Universității de Vest din Timișoara. Seria științe filologice, LI-LII, Editura Universității de Vest din Timișoara, 2013-2014. P. 19-27.

Сведения об авторе:

Кабанова Анна Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языков стран Центральной и Юго-Восточной Европы МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика румынского языка, сравнительная грамматика романских языков, синтаксис и художественный перевод. E-mail: anna_kabanova@mail.ru.

ON THE PROBLEM OF THE DOUBLET PHENOMENON OF THE INFINITIVE AND THE SUPINE IN CONTEMPORARY ROMANIAN

Anna S. Kabanova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow,
119454, Russia.

The Abstract: *This paper focuses on the common syntactic usage of the Infinitive and the Supine in the contemporary Romanian language. These two non-finite verbal forms continue to represent an extremely debated issue, because of their unusual diachronic change – in the process of the evolution of Romanian the long Infinitive has been nominalized while the verbal Noun (nominal Supine), on the contrary, has developed gradually into the verbal Supine. As a result of this process in the Romanian language have*

appeared and coexist two non-finite verbal forms which are often used in the same syntactic positions. Most studies regarding the problems of the Infinitive and the Supine were dedicated to the competition of these forms with the Conjunctive, but the goal of this paper is to research the syntactic behavior of these two forms and the relationship within this pair. The comparative analysis of the common syntactic positions of the Infinitive and the Supine and of their distribution within every syntactic position allowed us to draw the conclusion that the Infinitive and the Supine have a rich set of common syntactic functions, but there is no complete functional similarity between them. Each form demonstrates its own list of semantic-grammatical characteristics, different valence, compatibility and stylistic selectivity that determines its syntactic behavior.

Key Words: *the contemporary Romanian language, non-finite verbal form, the Infinitive, the Supine.*

References

1. Gabinskii M. A. Voznikovenie infinitiva kak vtorichnyi balkanskii iazykovoi protsess. [The Emergence of the infinitive as a secondary Balkan language process]. Leningrad: Nauka [Science], 1967, p. 279.
2. Kabanova A. S. Nelichnye formy glagola v sovremennom rumynskom iazyke: kompleksnyi analiz: avtoreferat dis. kand. filol. nauk [The non-finite verbal forms in the contemporary Romanian language: complex analysis. Doct. Diss] Moscow: MGIMO-Universitet [MGIMO-University] 2012. p.18.
3. Lukht L.I. Sravnitel'no-sopostavitel'naya grammatika romanskikh iazykov. Rumynskii iazyk. [Comparative grammar of the Romance languages. The Romanian language]. Moscow: Nauka [Science], 1970. p. 218.
4. Referovskaia E. A. Istoki analitizma romanskikh iazykov [The origins of analytism of the Romance languages]. Moscow: LKI, 2007, p. 152.
5. Sveshnikova T. N. Nekotorye nabludeniia nad sintaksisom priglagoľnogo i prisubstantivnogo infinitiva v balkanskikh iazykakh. Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Iazyk v etnokul'turnom aspekte. [Some observations over the verbal and the nominal syntactic constructions with the infinitive in the Balkan languages. Slavic and Balkan linguistics. Language in ethnocultural aspect]. Moscow, 1984. pp. 69-79.
6. Sveshnikova T. N. Osnovnye tipy konstruktssii s otglagoľnym imenem v balkanskikh iazykakh. [The main types of verbal noun constructions in the Balkan languages]. Sov. slavianovedenie. [Soviet Slavic studies] no. 2, 1979. pp. 80-94.
7. Tariverdieva M.A. Nelichnye formy latinskogo glagola i modal'nost'. [The non-finite verbal forms of the Latin verb and modality].// Colloquia Classica et Indogermanica – IV. Trudy ILI RAN [Proc. ILI RSA] – V. IV. P. 1. S.-Petersburg, 2008. p. 261-274.
8. Caragiu-Marioțeanu M. Moduri nepersonale. Studii și cercetări lingvistice, XIII, 1, 1962. P. 24-44.
9. Dragomirescu A. Observații despre supinul nominal și relația cu infinitivul nominal în texte din secolul al XVI-lea. Lucrările celui de-al cincilea Simpozion Internațional de Lingvistică, București: Editura Univers Enciclopedic Gold, 2015. P. 252-263.
10. Dragomirescu A. Particularități sintactice ale limbii române în context romanic. Supinul, București: Editura Muzeului Național al Literaturii Române, 2013. P. 294.
11. Eliade M. Pe strada mântuleasa. Madrid: Caiete inorogului, 1968. P. 127.
12. Eminescu M. Cezara. Proză literară. București: Editura pentru literatura. 1964. P. 398.
13. Eminescu M. Criticilor mei. Poezii antume. Pitești: Editura Paralela 45, 2006. P. 237.
14. Eminescu M, Sărmanul Dionis. Proză literară. București: Editura pentru literatura. 1964. P. 398.
15. Gheție I. Istoria limbii române literare, București, 1978. P. 267.
16. <http://www.mediafax.ro>
17. <https://www.profit.ro>
18. Iliescu Adrian-Paul. Introducere în politologie. București, 2002. P. 176.
19. Iordan I. Limba română contemporană, București: Min. învățămîntului, 1956. P. 830.
20. Rebreanu L. Ciuleandra. Chișinău: Ed. Cartier, 2007. P. 136.
21. Rosetti, Al. Istoria limbii române, vol. I, ediția a treia, revăzută și adăugită, București: Editura Științifică. 1960. P. 228.
22. Sandfeld-Jensen, Kristian. Der Schwund des Infinitivs in Rumänischen und in den Balkansprachen. Jahresbericht des Instituts für rumänische Sprache, IX, 1902. P. 75-77.
23. Teodorovici L. D. Circul nostru vă prezintă. Iași: Polirom, 2007. P.215.
24. Vilceanu R. A. Scurtă privire asupra infinitivului în limba română actuală. Analele Universității de Vest din Timișoara. Seria științe filologice, LI-LII, Editura Universității de Vest din Timișoara, 2013-2014. P. 19-27.

About the author:

Anna S. Kabanova – PhD, Senior Lecturer of Department of Languages of Central and South-Eastern European Countries, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: Romanian grammar, comparative grammar of the Romance languages, syntax and literary translation. E-mail: anna_kabanova@mail.ru.

★ ★ ★

КОГНИТИВНАЯ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ТЕМПОРАТИВНОГО ПОЛЯ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

А.А. Костюхин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматриваются некоторые новые подходы к решению проблемы формализации грамматических показателей системы времён в современном турецком языке, вводится понятие аффиксов прошедшего времени, уточняется значение некоторых времён. По формальным признакам расширяется сама система времён, в частности, добавлено так называемое «близкое будущее время». При этом делается попытка уточнить наименование каждого времени.

Формализованный подход к классификации системы времён, то есть подход, основанный на учёте формальных признаков того или иного грамматического явления, позволил свести всю систему времён всего к двум темпоративным полям, в которых функционируют 16 времён, оформленных аффиксами настоящего или прошедшего времени. Проводится чёткая параллель между двумя этими полями.

Такой подход может облегчить работу программистам при решении задач машинного перевода, а также упростить задачу обучающимся неязыковым вузов по овладению грамматическим материалом в ходе изучения турецкого языка.

Ключевые слова: современный турецкий язык, категория времени, аффиксы сказуемости, машинный перевод.

На современном этапе развития человечества в повседневную жизнь прочно вошли различного рода автоматизированные переводчики. Но пользователи редко остаются довольными совершенством машинного перевода, поскольку зачастую из выданного компьютером текста, к сожалению, удаётся понять лишь общий смысл. Появилась даже профессия, а вернее специализация переводчиков – переводчик с машинного языка. Наибольшее число трудностей при переводе и, соответственно, наибольшее число ошибок приходится на грамматику. Это происходит, по мнению исследователей, из-за её неоднозначности. Любой естественный язык и особенно его грамматика плохо поддаются формализации. Компьютер, у которого отсутствует сознание, оперирует не понятийными категориями, а формальными признаками [8; 9].

Автором данной статьи ставится задача на примере грамматической категории времени в современном турецком языке показать, как можно на понятном компьютеру языке систематизировать формальные признаки, отражающие основные особенности темпоративного поля.

Язык не является некой застывшей структурой. Он развивается, совершенствуется. Особенно динамичной системой является его лексический состав. Всё новое находит своё отражение в словарях. Грамматика претерпевает меньшие изменения, но они всё-таки происходят. Однако формальное закрепление новых грамматических явлений происходит по истечении значительного периода времени или совсем не происходит. Важно также отметить, что могут возникать новые взгляды и на уже имеющиеся грамматические структуры. Эти взгляды не всегда соответствуют

положениям фундаментальной науки, но носят прикладной практический характер, облегчающий учебный процесс подготовки переводчиков или расширяющий возможности машинного перевода, максимально формализуя грамматический материал.

С этой точки зрения заслуживает внимание система времён в современном турецком языке. Если сравнить описания этой системы в грамматиках французского тюрколога Ж. Дени (1921 г.) [2] и советского учёного-лингвиста А.Н. Кононова (1956 г.) [4], в учебниках советского и российского тюрколога П.И. Кузнецова [6] разных годов издания, а также в его диссертации на соискание степени доктора филологических наук [7], турецкого исследователя Э. Гениша (2008 г.) [1], то мы не найдём сколь-либо существенных различий в описании системы времён турецкого языка. Почти за сто лет особых изменений во взглядах учёных практически не произошло. По этому поводу П.И. Кузнецов пишет: «Часть авторов воспринимает времена индикатива как причастия в финитной позиции; другие, наоборот, отвергают само существование причастий в системе турецкого глагола. Эти «разночтения» не исключают, однако, известного единства взглядов, демонстрируемого тюркологами в принципиальном вопросе о так называемом именном характере тюркского спряжения и об именном происхождении тюркского глагола»¹.

Уделяется большое внимание изучению происхождения формальных показателей того или иного грамматического явления. Однако при написании учебников иностранного языка для лиц, желающих овладеть им, а также для программистов важен прежде всего современный срез, актуальное состояние системы языка, в том числе и системы времён. Можно констатировать, что существующая систематизация темпоративного поля в турецком языке регулярным образом демонстрирует серьёзный диссонанс с реальной речевой (в том числе и переводческой) практикой, что становится особенно актуальным в рамках определённых дискурсов.

Известный филолог Г.А. Золотова при исследовании категории времени считает «целесообразным разграничить в глаголах грамматические формы времени, выраженные соответствующими морфемами и на самом деле редко связанные с моментом речи, и текстовые функции видовре-

менных форм, определяемые их ролью в движении текстового, событийного времени» [3].

В последние несколько лет проблеме изучения системы времён в современном турецком языке в рамках переводоведения уделяет большое внимание молодой, но уже зарекомендовавший себя как серьёзный учёный А.В. Штанов [10; 11]. Его учебник и другие работы могут внести существенный вклад в написание программного обеспечения в интересах машинного перевода.

Формализованная система времён в современном турецком языке нашла своё отражение в учебнике автора настоящей статьи [5]. Она трижды прошла апробацию в учебном процессе и продемонстрировала достаточно высокую эффективность, облегчая обучающимся усваивать грамматический материал.

По нашему мнению, по первичным формальным признакам в **современном турецком языке** можно выделить два темпоративных поля: поле настоящего времени и поле прошедшего времени, хотя по утверждению известного тюрколога П.И. Кузнецова, поля прошедшего и настоящего в **праформе** турецкого языка были неделимы [6].

Спряжение глаголов в турецком языке осуществляется при помощи аффиксов сказуемости. Во всех грамматиках и учебниках зафиксированы аффиксы сказуемости двух категорий: 1-ой категории, которые служат для образования настоящего времени, и 2-ой категории, которые служат в том числе для образования прошедшего времени. Аффиксы сказуемости 1-ой категории предлагается назвать аффиксами сказуемости настоящего времени. Их сводная таблица будет выглядеть следующим образом:

Число Лицо	Единственное	Множественное
1-oe	-(y)ım, -(y)im, -(y)um, -(y)üm	-(y)ız, -(y)iz, -(y)uz, -(y)üz
2-oe	-sin, -sin, -sun, -sün	-sınız, -siniz, -sunuz, -sünüz
3-e	-dir, -dir, -dur, -dür -tir, -tir, -tur, -tür	-dırlar, -dirler, -durlar, -dürler -tırlar, -tirler, -turlar, -türler

Аффиксы 2-ой категории представлены в следующей таблице:

Число Лицо	Единственное	Множественное
1-oe	-m	-k
o	-n	-nız, -niz, -nuz, -nüz
3-e	-	-lar, -ler

¹ Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/sistema-funktsionalnykh-form-glagola-v-sovremennom-turetskom-yazyke#ixzz50sahV6hz>

Прошедшее время образуется путём присоединения этих аффиксов к форме прошедшего времени вспомогательного глагола **“imek”** («быть»):

Единственное число		Множественное число	
1-е лицо	idi+m	1-е лицо	idi+k
2-е лицо	idi+n	2-е лицо	idi+niz
3-е лицо	idi	3-е лицо	idi+ler

Раньше он произносился и писался отдельно от сказуемого (в именном сказуемом это

Единственное число				Множественное число			
лицо	гласная	звонк. согл.	глух. согл.	лицо	гласная	звонк. согл.	глух. согл.
1-е	-ydim -ydim -ydum -ydüm	-dim -dim -dum -düm	-tim -tim -tum -tüm	1-е	-ydik -ydik -yduk -ydük	-dik -dik -duk -dük	-tik -tik -tuk -tük
2-е	-ydın -ydın -ydun -ydün	-dın -dın -dun -dün	-tın -tın -tun -tün	2-е	-yđınız -yđınız -yđunuz -yđünüz	-đınız -đınız -đunuz -đünüz	-tınız -tınız -tunuz -tünüz
3-е	-ydi -ydi -ydu -ydü	-di -di -du -dü	-ti -ti -tu -tü	3-е	-ydılar -ydiler -ydular -ydüler	-dılar -diler -dular -düler	-tılar -tiler -tular -tüler

В поле настоящего времени и в поле прошедшего времени функционирует лишь именное сказуемое, принимая аффиксы настоящего или прошедшего времени. Таким образом, для именных сказуемых аффиксы сказуемости будут являться формальными показателями времени первого уровня. Будущее время именного сказуемого образуется лексическим способом или с использованием вспомогательных глаголов, на которые распространяются правила, предусмотренные для глаголов.

Грамматические формы категории времени глагола образуются, как правило, путём присоединения к основе глагола аффикса причастия или иного показателя искомого времени и аффиксов сказуемости настоящего или прошедшего времени. Таким образом, для глагольных сказуемых аффиксы сказуемости будут являться формальными показателями времени первого уровня, а аффиксы причастия или иного показателя искомого времени – формальными показателями времени второго уровня.

Рассмотрим систему времён глагольного сказуемого.

В турецком языке имеется три формы для выражения действия, происходящего в настоящем для субъекта времени, но действуют они как в поле настоящего, так и в поле прошедшего времени, принимая соответственно аффиксы сказуе-

явление иногда можно наблюдать и сейчас). В настоящее время данный глагол утратил самостоятельное значение, пишется слитно со сказуемым, подчиняется закону гармонии гласных и согласных, стал безударным, что даёт основание считать указанный вспомогательный глагол сложным аффиксом, который предлагается называть аффиксом сказуемости прошедшего времени. Сводная таблица выглядит следующим образом:

мости настоящего и прошедшего времён. Предлагается этим временам присвоить следующие наименования:

- длительное настоящее время,
- длительное настоящее время в прошлом,
- конкретное настоящее время,
- конкретное настоящее время в прошлом,
- абстрактное настоящее (настоящее постоянное) время,
- абстрактное настоящее время в прошлом.

Длительное настоящее время образуется от основы глагола путём присоединения аффикса длительного настоящего времени, представляющего собой комбинацию аффиксов инфинитива и местного падежа, а также личных аффиксов настоящего времени, и означает действие, осуществляемое в течение какого-либо длительного периода времени.

Neyle meşgulsün?	Ты чем занят?
Doktora tezlerini yaz+makta+yım.	Я пишу докторскую диссертацию.
Türkçe öğren+mekte+yim.	Я изучаю турецкий язык.

Здесь аффикс **“-yım”** является формальным показателем первого уровня, а аффикс **“-makta”** – второго уровня.

Длительное настоящее время не может использоваться при наличии в предложении указа-

ния на конкретное время: завтра, сегодня, сегодня утром, сегодня вечером, этой ночью и т. п. Это важно учитывать при создании программ для машинного перевода.

Длительное настоящее время в прошлом образуется от основы глагола путём присоединения аффикса длительного настоящего времени, а также личных аффиксов прошедшего времени, и означает действие, осуществляемое в течение какого-либо длительного периода времени в прошлом.

O zaman neyle meşguldün?	Ты чем тогда был занят?
O zaman doktora tezlerini yaz+makta+ydım.	Я тогда писал докторскую диссертацию.
O zaman Türkçe öğren+mekte+ydım.	Я тогда изучал турецкий язык.

Здесь аффикс “-ydım” является формальным показателем первого уровня, а аффикс “-makta” – второго уровня.

Из приведённых примеров видно, что формальный показатель первого уровня чётко относит глагол к полю настоящего или прошедшего времени, а формальный показатель второго уровня уточняет, что для субъекта действия актуальным является темпоративное поле настоящего времени.

Конкретное настоящее время служит для обозначения действия, происходящего в момент говорения, и представляет собой причастие конкретного настоящего времени, оформленное личным аффиксом настоящего времени.

Автором предлагается ввести в научный оборот понятие «причастия конкретного настоящего времени», которое образуется путём присоединения к основе глагола ударного аффикса, имеющего четыре фонетических варианта:

-iyor, -iyor, -uyor, -üyor

При этом важно помнить, что если **основа глагола** заканчивается **на гласную**, то эта гласная **выпадает!**

beke → bekl → bekl + iyor

Причастие конкретного настоящего времени в функции причастия используется пока довольно редко, поскольку ещё до недавнего времени оно таковым не считалось, а вышеупомянутый аффикс до сих пор в научной литературе называется «аффиксом настоящего времени на -yor», то есть основа глагола, оформленная этим аффиксом, считается основой настоящего времени. В

частности, у П.И. Кузнецова мы читаем: «Заметим, что форму -yor не следует считать причастием (тем более что морфема -yor никогда не входит в состав глаголов в позиции определения)»².

Однако в последнее время наметилась устойчивая тенденция приобретения этой грамматической конструкцией признаков причастия: **okuyor adam** (читающий в данный момент человек); **havada 24 saat kalabiliyor uçak** (летательный аппарат, способный в течение 24 часов оставаться в воздухе).

Предлагаемый автором вариант аффикса в четырёх исполнениях вместо принятого в настоящее время одновариантного аффикса «-yor» также может способствовать упрощению процесса программирования в интересах машинного перевода.

Примеры образования конкретного настоящего времени:

Ne yap+iyor+sun?	Ты что делаешь?
Kitap ok+uyor+um.	Читаю книгу.
Seni bekl+iyor+um.	Жду тебя.

Форма конкретного настоящего времени постепенно становится универсальной грамматической формой настоящего времени в турецком языке. Тем не менее, некоторая разница между длительным и конкретным настоящими временами сохраняется. Длительное настоящее время указывает на действие, которое уже началось и продолжается, тогда как конкретное настоящее время может отражать действие, которое ещё не началось.

Конкретное настоящее время в прошлом образуется путём присоединения к причастию конкретного настоящего времени личных аффиксов прошедшего времени и означает действие, происходившее в момент говорения в прошлом.

Конкретное настоящее время в прошлом служит для описания фона, на котором развивались какие-либо события в прошлом, и переводится на русский язык глаголом несовершенного вида.

O zaman ne yapıyordun?	Что ты делал тогда?
O zaman kütüphanede oturyordum ve bir kitap okuyordum.	Я тогда сидел в библиотеке и читал какую-то книгу.

Абстрактное настоящее время образуется путём присоединения к причастию абстрактного настоящего времени аффиксов сказуемости настоящего времени.

² Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/sistema-funktsionalnykh-form-glagola-v-sovremennom-turetskom-yazyke#ixzz50sjtmin>

Ben başlar+ım.	Я начинаю.
Sen götürür+sün.	Ты уносишь.

Абстрактное настоящее время в турецком языке, в отличие от конкретного настоящего времени, употребляется для передачи действий, свойственных тому или иному явлению, протекающему без строго определённых временных рамок, или носящему регулярный, повторяющийся характер.

Абстрактное настоящее время	Конкретное настоящее время
Güneş doğuda doğar, batıda batar. Солнце встаёт на востоке, садится на западе.	Bakın doğuya, güneş doğuyor. Посмотрите на восток, солнце восходит.
Sonbaharda yapraklar dökülür. Осенью листья опадают.	Yaprak ne kadar güzel dökülüyor! Как красиво падает лист!

Абстрактное настоящее время в прошлом образуется путём присоединения к причастию абстрактного настоящего времени аффиксов сказуемости прошедшего времени.

Ben başlar+dım.	Я начинал.
Sen götürür+dün.	Ты уносил.

Оно употребляется для передачи действий, свойственных тому или иному явлению, протекавшему без строго определённых временных рамок, или носившему регулярный, повторяющийся характер в прошлом.

Ne değişti? Güneş o zaman da doğuda doğardı, batıda batardı.	Что изменилось? Солнце и тогда вставало на востоке, садилось на западе.
Her gün saat altıda uyanırdım.	Я каждый день просыпался в шесть часов.
Bu elbise size çok yakıştırdı.	Этот костюм был вам очень к лицу.
Kahve sever miydiniz?	Вы любили кофе?

Прошедшее время глагола – это время, обозначающее, что процесс, названный глаголом, осуществляется до момента речи или иной точки отсчёта. В турецком языке имеется четыре грамматические формы прошедшего времени глагола. Предлагается этим временам присвоить следующие наименования:

- категорическое³ прошедшее время,
- категорическое прошедшее время в прошлом,
- результативное прошедшее время,
- результативное прошедшее время в прошлом.

Категорическое прошедшее время означает действие, совершённое или совершавшееся

в прошлом. Предлагается считать, что данная форма глагола в турецком языке образуется не путём присоединения к основе глагола аффикса причастия какого-либо времени и личного аффикса, а путём присоединения личного аффикса прошедшего времени непосредственно к основе глагола.

Число Лицо	Единственное число	Множественное число
1 лицо	-dım, -dim, -dum, -düm	-dik, -dik, -duk, -dük
2 лицо	-dın, -din, -dun, -dün	-dınız, -diniz, -dunuz, -dünüz
3 лицо	-dı, -di, -du, -dü	-dılar, -diler, -dular, -düler

При этом безударные по своей природе личные аффиксы становятся ударными. Если основа глагола оканчивается на гласный звук, между ней и личным аффиксом прошедшего времени никаких промежуточных звуков не появляется. Впрочем, ударение для машинного перевода не несёт определяющего значения.

Категорическое прошедшее время соответствует прошедшему времени глагола не только совершенного, но и несовершенного вида в русском языке.

Sonra eve gittim.	Затем я поехал домой.
Dün akşam sinemaya gitim.	Вчера вечером я ходил в кино.

Сравните употребление конкретного настоящего времени в прошлом и категорического прошедшего времени.

Конкретное настоящее время в прошлом	Категорическое прошедшее время
Dün saat on birde ne yapıyordunuz? Что вы делали вчера в одиннадцать часов?	Dün ne yapıyorsunuz? Что вы делали вчера?
Kütüphanede oturuurdum ve bir kitap okuyurdum. Я сидел в библиотеке и читал книгу	Evde kaldım, kitap okudum, televizyon seyrettim. Был дома, читал книгу, смотрел телевизор.

Категорическое прошедшее время в прошлом служит для обозначения прошедшего действия, совершившегося до определённого момента в прошлом. В письменном языке эта грамматическая форма малоупотребительна. Она встречается настолько редко, что в последнее время даже не включается в школьные учебники и грамматики турецкого языка в самой Турции. Но в устном общении, особенно в восточных провинциях страны, она достаточно продуктивна.

Категорическое прошедшее время в прошлом образуется путём присоединения аффиксов ска-

³ Автором используется термин, принятый учёными-туркологами, в том числе П.И. Кузнецовым [6].

зуюмости прошедшего времени к глаголам, уже стоящим в категорическом прошедшем времени. Существует два варианта присоединения этих аффиксов.

verdi + ydim	verdim + di
verdi + ydin	verdin + di
verdi + ydi	verdi + ydi
verdi + ydik	verdik + ti
verdi + ydiniz	verdiniz + di
verdi + ydiler	verdiler + di

Прошедшее результативное время образуется от причастия прошедшего результативного времени путём присоединения аффиксов сказуемости настоящего времени и служит для обозначения действия, совершённого в прошлом, но результат которого мы наблюдаем в настоящем.

	Единственное число	Множественное число
1-е лицо	Ben görmüş+üm.	Biz görmüş+üz.
2-е лицо	Sen görmüş+sün.	Siz görmüş+sünüz.
3-е лицо	O görmüş.	Onlar görmüş+ler.

В чём разница между категорическим прошедшим и прошедшим результативным временами? Первое из них передаёт сведения о свершившемся факте в прошлом, указывает на то, что для говорящего важно само действие. В то время как при употреблении прошедшего результативного времени говорящему важен результат этого действия.

Категорическое прошедшее время (факт)	Прошедшее результативное время (результат)
Ahmet geldi mi? Ахмет пришёл (приходил)?	Ahmet gelmiş mi? Ахмет пришёл (он здесь)?
Evet, geldi ama gitti. Да, приходил, но ушёл.	Evet, gelmiş. Onu çağırayım mı? Да, пришёл. Позвать?

Представляет интерес употребление указанных двух времён в средствах массовой информации. В заголовках используется только категорическое прошедшее время, а в тексте сообщения – прошедшее результативное.

Категорическое прошедшее время (заголовок сообщения)	Прошедшее результативное время (текст сообщения)
T.C. Başbakanı'nın başındaki heyet Moskova'ya geldi.	T.C. Başbakanı'nın başındaki heyet dün akşam geç saatlerinde resmi bir ziyaret için Moskova'ya gelmiştir.
Делегация во главе с премьер-министром ТР прибыла в Москву.	Вчера поздно вечером делегация во главе с премьер-министром ТР прибыла в Москву с официальным визитом.

Прошедшее результативное время в прошлом образуется от причастия прошедшего

результативного времени путём присоединения к нему аффиксов сказуемости прошедшего времени и означает действие, предшествующее действию, совершённое в прошлом. При этом следует отметить, что это время практически вытеснило собой категорическое прошедшее время в прошлом.

Etüt ödevini yapmış mısınız? İki gün önce yapmıştık.	Вы выполнили домашнее задание? Выполнили ещё два дня тому назад.
Dün bir arkadaşımızın ziyaretine gittik. Meğer kendisi biz gelmeden bir saat önce evden ayrılmıştı.	Вчера мы пошли навестить одного нашего товарища. А он, оказывается, ушёл из дома за час до нашего прихода.

Будущее время глагола в современном турецком языке выражается несколькими грамматическими конструкциями и служит для описания событий или действий в будущем. Предлагается этим временам присвоить следующие наименования:

- близкое будущее время,
- близкое будущее время в прошлом,
- категорическое будущее время,
- категорическое будущее время в прошлом,
- конкретное будущее время,
- конкретное будущее время в прошлом.

Близкое будущее время образуется от основы глагола путём присоединения грамматического показателя близкого будущего времени, представляющего собой комбинацию аффикса инфинитива и послелога “üzere”, а также личных аффиксов настоящего времени, и означает действие, которое вот-вот совершится.

Öğrenci İskender nerededir? Где студент Александр?	Gelmek üzeredir. Он вот-вот придёт.
Ne yapıyorsun? Ты что делаешь?	Yatağa girmek üzereyim. Вот-вот лягу в постель.

Близкое будущее время в прошлом образуется от основы глагола путём присоединения грамматического показателя близкого будущего времени в прошлом, представляющего собой комбинацию аффикса инфинитива и послелога “üzere”, а также личных аффиксов прошедшего времени, и означает действие, которое вот-вот должно было совершиться в прошлом.

Öğrenci İskender neredeydi? Где был студент Александр?	Gelmek üzereydi. Он вот-вот должен был прийти.
Ne yapıyordun? Ты что делал?	Yatağa girmek üzereydim. Вот-вот собирался лечь в постель.

Категорическое будущее время образуется от причастия категорического будущего времени путём присоединения к нему личных аффиксов настоящего времени и означает действие, которое совершится (должно совершиться) в будущем. Оно выражает долженствование, решимость или даже приказание. Но чаще соответствует форме несовершенного вида русского глагола. Говорящий как бы не отвечает за результат предстоящих действий.

Yarın sinemaya gidecek + iz = gideceğiz.	Завтра мы пойдём (должны, намерены, хотим, планируем пойти) в кино.
Gelecek misiniz?	Вы придёте?
Yarın benimle geleceksiniz!	Завтра пойдёте со мной!
1. bölük tek ağaç yönüne taarruz edecektir!	1-ой роте наступать в направлении одиноко стоящего дерева!

Категорическое будущее время в прошлом образуется от причастия категорического будущего времени путём присоединения к нему личных аффиксов прошедшего времени и означает действие, которое должно было совершиться как перспективное в прошлом.

Ertesi gün sinemaya gidecek+tik=gidecektik.	На следующий день мы собирались пойти в кино.
Gelecek miydiniz?	Вы должны были прийти?
1. bölük tek ağaç yönüne taarruz edecekti.	1-ая рота должна была наступать в направлении одиноко стоящего дерева.

Конкретное будущее время – это будущее время единичного действия. Оно в отличие от категорического будущего времени не передаёт оттенка долженствования и намерения. И если глагол, стоящий в категорическом будущем времени, как правило, переводится на русский язык глаголом несовершенного вида, то глагол, стоящий в конкретном будущем времени, переводится глаголом совершенного вида.

Образуется путём присоединения к причастию абстрактного настоящего времени аффиксов сказуемости настоящего времени и по форме совпадает с конструкцией абстрактного настоящего времени. Значение определяется контек-

стом. В отечественной лингвистике эти два времени известны под общим наименованием: **настоящее-будущее время**.

Сравним значения конкретного и категорического будущих времён.

Конкретное будущее время	Категорическое будущее время
Selâmettin Bey saat dokuzdan evvel gelmez. Селяметтин Бей не придёт раньше 9 часов.	Selâmettin Bey saat dokuzdan evvel gelmeyecek. Селяметтин Бей не должен прийти раньше 9 часов.
Bunu yaparsanız ve yaparız. Мы это будем делать (должны делать) и сделаем.	

Конкретное будущее время в прошлом образуется путём присоединения к причастию абстрактного настоящего времени аффиксов сказуемости прошедшего времени. Оно приобрело значение сослагательного наклонения и утратило при этом связь со временем, в котором происходит действие. Время определяется основным сказуемым предложения.

Ben bunu yapardım ama, isteğim yoktu.	Я бы это сделал, но у меня не было желания.
Ben bunu yapardım ama, vaktim yoktur.	Я бы это сделал, но у меня нет времени.
Ben bunu yapardım ama, akşamları ders çalışırım.	Я бы это сделал, но по вечерам я делаю уроки.
Ben bunu yapardım ama, bu akşam çalışıyorum.	Я бы это сделал, но сегодня вечером я делаю уроки.
Ben bunu yapardım ama, bu akşam tiyatroya gideceğim.	Я бы это сделал, но сегодня вечером я пойду в театр.

В целом, предлагаемая когнитивная систематизация темпоративного поля в современном турецком языке способствует максимальной формализации грамматического материала и делает возможным его использование в интересах создания прикладных программ для машинного перевода как с турецкого языка на русский, так и с русского языка на турецкий. Кроме того, данный подход может помочь обучающимся в неязыковых вузах овладеть системой времён в современном турецком языке.

Итоговая сводная таблица времён прилагается ниже.

Прошедшее время				Настоящее время		
Формальный показатель времени первого уровня						
аффиксы сказуемости прошедшего времени				аффиксы сказуемости настоящего времени		
Прошедшее время в прошлом	Собственно прошедшее время	Настоящее время в прошлом	Будущее время в прошлом	Прошедшее результативное время	Собственно настоящее время	Будущее время
Формальный показатель времени второго уровня аффиксы причастия или иного показателя искомого времени						
-ıydı	-dı					
-mıştı				-mış		

Прошедшее время				Настоящее время		
Формальный показатель времени первого уровня						
аффиксы сказуемости прошедшего времени				аффиксы сказуемости настоящего времени		
Прошедшее время в прошлом	Собственно прошедшее время	Настоящее время в прошлом	Будущее время в прошлом	Прошедшее результативное время	Собственно настоящее время	Будущее время
Формальный показатель времени второго уровня аффиксы причастия или иного показателя искомого времени						
		-maktaydi			-makta	
		-yordu			-yor	
		-irdi			-ir	
			-mak üzereydi			-mak üzere
			-irdi			-ir
			-acaktı			-acak

Список литературы

1. Гениш Эйюп. Грамматика турецкого языка. М.: ЛКИ, 2008.
2. Дени Жан, Grammaire de la Langue Turque (dialecte osmanli), Paris, 1921.
3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова. М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. 2-е изд. М.: Наука 2004.
4. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М. -Л.: Издательство АН СССР, 1956.
5. Костюхин А.А. Современный турецкий язык : учебник : часть 2 (с мультимедийным приложением) / А.А. Костюхин. Москва: МО РФ, 2017.
6. Кузнецов П.И. Учебник турецкого языка. М.: ИД «Муравей-Гайд», 2000.
7. Кузнецов П.И. Система функциональных форм глагола в современном турецком языке. Автореферат на соискание степени доктора филологических наук. 1982 г. Электронный ресурс. Режим доступа <http://www.dissercat.com/content/sistema-funktsionalnykh-form-glagola-v-sovremennom-turetskom-yazyke>
8. Нелюбин Л.Л. Компьютерная лингвистика и машинный перевод: Методическое пособие. М.: Изд-во ВЦП, 1991. 152 с.
9. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). М.: Флинта: МПСИ, 2006. 416 с.
10. Штанов А.В. Модальность временных глагольных форм как важная составляющая предикативного содержания текста в переводе / А.В. Штанов // Филологические науки в МГИМО: Сб. научных трудов / МГИМО(У) МИД России; Отв. ред. Л.Г. Кашкурович. М.: МГИМО, 2002. С. 100-114.
11. Штанов А.В. Турецкий язык : учебник : В 4 ч. Ч. 2. В 2 кн. Кн. студента / А.В. Штанов. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России ; каф. языков стран Ближнего и Среднего Востока. – М. : МГИМО-Университет, 2014. 787 с.

Сведения об авторе:

Костюхин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика турецкого языка, аудирование иноязычной речи, лингвострановедение, художественный перевод.
E-mail: kaa_knl@bk.ru.

COGNITIVE SYSTEMATIZATION OF THE TEMPORATIVE FIELD IN MODERN TURKISH LANGUAGE

A.A. Kostyukhin

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow,
119454, Russia.

The Abstract: *In the article there are considered new approaches to the solution of the problem of formalization of grammatical indices of the time system in modern Turkish language, the author introduces the concept of affixes of the past time, specifies the meaning of certain times, and adds the so called near future time.*

The formalized approach to the classification of the time system, that is, the approach based on the formal features of a particular grammatical phenomenon, has made it possible to reduce the whole system of time to just two temporative fields, in which 16 times are worked out with affixes of the present or past time. A clear parallel is made between these two fields.

Such an approach can facilitate the work of programmers in solving the problems of machine translation, and also simplify the task for students of non-linguistic universities to acquire grammatical material in the course of studying the Turkish language.

Key Words: *modern Turkish language, category of time, predictability affixes, machine translation.*

References

1. Genish Eyyup. Grammatika turetskogo iazyka [Grammar of the Turkish language]. M.: LKI, 2008.
2. Deni Zhan. Grammaire de la Langue Turque (dialecte osmanli), Paris, 1921.
3. Zolotova, G.A., Onipenko, N.K., Sidorova, M.Yu. Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka [Communicative grammar of Russian]. M. 1998, 2-e izd. M. 2004.
4. Kononov A.N. Grammatika sovremennogo turetskogo literaturnogo iazyka [Grammar of the modern Turkish literary language]. M. -L.: [Izdatelstvo AN SSSR Publishing house of the USSR Academy of Sciences], 1956.
5. Kostiukhin A.A. Sovremenny turetskii iazyk : uchebnik : chast 2 (s multimediiynym prilozheniem) [Modern Turkish: Tutorial: Part 2 (with multimedia application)] / A.A. Kostiukhin. Moskva : MO RF, 2017.
6. Kuznetsov P.I. Uchebnik turetskogo iazyka [Textbook of the Turkish language]. M. : ID «Muravey-Gayd», 2000.
7. Kuznetsov P.I. Sistema funktsionalnykh form glagola v sovremennom turetskom iazyke. Avtoreferat na soiskanie stepeni doktora filologicheskikh nauk [The system of functional forms of verb in modern Turkish. Abstract of the thesis on the competition of degree of doctor of philological sciences]. 1982. Available at: <http://www.dissercat.com/content/sistema-funktsionalnykh-form-glagola-v-sovremennom-turetskom-azyke>
8. Neliubin L.L. Komp'yuternaia lingvistika i mashinnyi perevod: Metodicheskoe posobie [Computer Linguistics and Machine Translation: A Toolkit]. M.: Izd-vo VTsP, 1991. 152 s.
9. Neliubin L.L., Huhuni G.T. Nauka o perevode (istoriia i teoriia s drevneishikh vremen do nashikh dnei) [The science of translation (history and theory from ancient times to our days)]. M.: Flinta: MPSI, 2006. 416 s.
10. Shtanov A.V. Modal'nost' vremennykh glagolnykh form kak vazhnaia sostavliaiushchaia predikativnogo sodержaniia teksta v perevode [Modality of temporary verbal forms as an important component of the predicative content of the text in translation] / A.V. Shtanov // Filologicheskie nauki v MGIMO: Sb. nauchnykh trudov / MGIMO(U) MID Rossii; Otv. red. L.G. Kashkurevich. M.: MGIMO, 2002. S. 100-114.
11. Shtanov A.V. Turetskiy iazyk : uchebnik : V 4 ch. Ch. 2. V 2 kn. Kn. Studenta [Turkish language: a textbook] / A.V. Shtanov. Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnoshenii (un-t) MID Rossii [Department of Languages of the Near and Middle East of MGIMO] ; kaf. iazykov stran Blizhnego i Srednego Vostoka. M. : MGIMO-Universitet, 2014. 787 s.

About the authors:

Kostiukhin Alexander – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of Languages of the Near and Middle East of MGIMO (Russia, Moscow). Sphere of scientific and professional interests: grammar of the Turkish language, listening to foreign speech, country study and literary translation. E-mail: kaa_knl@bk.ru.

* * *

НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

И.Б. Котеняткина, Я.М. Дружков

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6

Данная статья посвящена влиянию народной этимологии на словообразование в испанском языке. Анализ существующих трудов на данную тему, а также словарей и корпусов испанского языка позволяет изменить представление об исследуемом языковом феномене как о неверном этимологическом толковании. Предлагается рассмотреть особенности народной этимологии в испанском языке в рамках словообразования. Знание данных особенностей повышает адекватность различных типов перевода, а также меняет подход в преподавании испанской лексикологии. В статье приводятся аргументы в пользу понимания народной этимологии в контексте этимологии научной как своеобразное исключение из определённых закономерностей эволюции языка. Отмечается необходимость восприятия народной этимологии как одного из основных источников пополнения лексического запаса языка, что в диахронической перспективе открывает экстралингвистические взаимосвязи, способные обеспечить точность перевода, в частности, когда речь идёт о переводах текстов не современного языкового среза.

Ключевые слова: испанский язык, народная этимология, словообразование, лексикология, фонетика, семантика, ономастика, первичное значение, стилистика.

Испанский язык, как и любой другой язык, обладает своим лексическим фондом. Под лексическим фондом понимается «лексическая база языка, наиболее устойчивый пласт его лексики, куда вошли в первую очередь первообразные, наиболее важные и необходимые, прочно вошедшие в жизнь народа и общепотребительные наименования предметов, явлений, процессов, связанных с реальной действительностью» [16].

Как и в любом языке, эта лексическая база постоянно обновляется, пополняется новыми единицами. Процесс обогащения лексического фонда принято называть словообразованием, или словопроизводством [Там же]. Этот процесс неразрывно связан и с этимологией, как с наукой, изучающей происхождение конкретной единицы. Так как пополнение лексического фон-

да является непрерывным процессом, можно говорить об актуальности заданной темы.

Этимология, представляемая в данной статье как объект исследования, является областью языкознания, не имеющей единой и чёткой теоретической базы, в особенности в отношении того, что касается народной этимологии.

Предметом же нашего исследования является народная этимология как источник пополнения лексического запаса испанского языка, что значительно сужает определение, однако не отменяет необходимости описания общих этимологических процессов и механизмов образования новых лексических единиц в определённом промежутке диахронического среза.

Посредством анализа механизмов словообразования в рамках народной этимологии возможен пересмотр подхода к народной этимологии,

как к лингвистическому отклонению. Вместе с этим становятся реальными смена ракурса исследования феномена народной этимологии и подтверждение тезиса о необходимости восприятия народной этимологии не как проблемы, но как существующей реальности, которая сама по себе является вкладом в лексический фонд как испанского, так и любого другого языка.

Для решения поставленных задач мы обратимся к трудам отечественных и зарубежных лингвистов, таких как Н. В. Крушевский, Р. О. Шор, М. Секо, А. Самбони, К. Балдингер и других.

Изначальный метод древней этимологии был основан на анаграмме (игре слов), поиске похожих слов и связывании их, тем самым заключая в себе означаемое как нечто неразрывно связанное со словом. Один из самых известных примеров – труд Исидора Севильского (около 560-636 гг.), под названием «Этимологии». Данная работа представляет собой энциклопедию, в основе которой лежит этимология, понимаемая автором как толкование сущности слова или имени посредством его происхождения [3, с. 263].

Упоминается этимология и в ещё более ранних источниках, о которых упоминает и сам Исидор Севильский (напр.: «*Hanc Aristóteles symbolon, Cicero adnotationem nominavit, quia nomina et verba rerum nota facit exemplo posito; utputa «flumen» quia fluendo crevit, a fluendo dictum»*). Сам Марк Туллий Цицерон (106 – 43 гг. до н.э.) в своём трактате «Academia» (Академия), ссылаясь на древнегреческих философов, отмечает, что «они занимались толкованием слов, то есть объясняли, почему каждая вещь называется именно так. Эту науку они называли этимологией и использовали её результаты как некие символы и знаки вещей, способствующие доказательствам и заключению о том, что они хотели разъяснить» [9, с. 30].

Начиная с XIX века этимология понимается как «история слов», что отделяет её от семантики собственными методами и объектом исследования, основанными в свою очередь на сравнительно-историческом методе. Повлияла на это и теория Ф. де Соссюра о языковом знаке.

Язык для Ф. де Соссюра – это система произвольных знаков, подобная любой другой знаковой системе: «Язык есть система знаков, выражающих идеи, а, следовательно, его можно сравнить с письмом, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т.п.». Языковой знак, по Ф. де Соссюру, с одной стороны, полно-

стью произволен, а с другой стороны, обязателен для каждого языкового коллектива: «Если по отношению к изображаемой им идее означающее представляется свободно выбранным, то, наоборот, по отношению к языковому коллективу, который им пользуется, оно не свободно, оно навязано». Следующим образом Ф. де Соссюр описывает социальную обусловленность языкового знака: «Языку как бы говорят: «Выбирай!», но добавляют: «Ты выберешь вот этот знак, а не другой» [7, с. 373].

В этом смысле этимология является неотъемлемой составляющей языковой системы, так как поиск исконного означаемого, то есть этимона, а также изучение означающего – её прямая задача.

Вместе с этим, становится невозможным называть этимологическими, в научном смысле этого слова, «Этимологии» Исидора Севильского, так как они, неся прежде всего дидактический характер, представляют свободное толкование лексических единиц. Однако народной этимологией называть труд раннесредневекового учёного так же некорректно, потому что, по его же словам, «Этимология есть происхождение слов, когда сущность слова или имени раскрывается посредством объяснения» (*Etymologia est origo vocabulorum cum vis verbi vel nominis per interpretationem colligitur*) [2, с.9].

В современном языкознании этимология – это наука, целью которой является выявление этимона, первоначального значения и формы слова. Рассматривая этимологию самого слова «этимология», (ἐτυμολογία, от ἐτύμον – истина и λόγος – слово, учение) [20], можно сказать, что она является чётким примером естественного стремления человека к истине и поиска этой истины. Однако если этимология основывается в этом поиске на выявленных и проверенных закономерностях фонетических и семантических изменений, представляя исследователю самый объективный результат, то этимология народная, по мнению современных учёных, напротив, определяется спонтанной, субъективной мотивацией, не требующей научного объяснения.

Появление новых лексических единиц чаще всего связано с новыми открытиями, изобретениями, и, в первую очередь, с необходимостью придать новому содержанию определённую языковую форму. Чаще всего эта форма имеет связь с каким-либо уже известным феноменом, и образуется посредством ассоциативной цепочки (*berrojo – cerrojo (от cerrar)*). Однако мотивация образования новых лексических единиц может

различаться в зависимости от рассматриваемого языка.

Эта мотивация в разных языках также напрямую зависит от языковой картины мира, специфичной для каждого языкового общества. Народная этимология также неразрывно связана с языковой картиной мира, однако является более частным случаем, так как включает в себя не только общие культурные черты определённого этноса, но и особенности каждого говорящего.

Термин «народная этимология» появился в научной литературе в начале второй половины девятнадцатого века. Впервые он был упомянут в работе немецкого историка и лингвиста Эрнста Форстеманна (Ernst Förstemann) «Über deutsche volksetymologie» в 1852 году. Целью данного труда было продемонстрировать, что ещё до появления научной этимологии, существовала этимология народная. Подобная этимологическая активность, по мнению автора, заключается в определённых лексических деформациях языка, которые происходят под влиянием ошибочного суждения «народа». Данные суждения, согласно Э. Форстеманну, были попытками поиска изначального этимона. Если же это приводило к изменению формы, то было следствием того, что «народ никогда не останавливается на теории и сразу переходит к практике» [7, с. 3].

В этом смысле с ним соглашается испанский филолог и историк Менендес Пидаль (Menéndez Pidal) в своём пособии по исторической грамматике (*Manual de gramática histórica española*), где целую главу посвящает данной теме: «*el error, la falsa interpretación de los fenómenos lingüísticos, es un importante factor en la evolución del lenguaje*» (Ошибка, неверное толкование лингвистических феноменов, является важным фактором эволюции языка¹) [9, с. 190].

Прежде чем перейти к детальному описанию народной этимологии, рассмотрим, что обозначают составляющие этого термина по отдельности, так как даже на первый взгляд данное понятие объединяет в своём инструментарии несколько различных областей наук.

Если мы обратимся к лингвистическому словарю В.Н. Ярцевой, то обнаружим, что этимологию можно понимать как раздел языкознания, изучающий происхождение слов, само происхождение слова, или же совокупность исследовательских приёмов для раскрытия происхождения слова, и результат этого раскрытия [17, с. 597].

В этом контексте определение «народный» отражает, в первую очередь, «ненаучный» подход в этимологии, предлагая оппозицию «обыватель-лингвист». Таким образом, в науке народная этимология всегда предполагает ошибку, с точки зрения исторической реальности, связанную с недостатком образования, умственных способностей [6, с. 19].

В этой связи парадоксальным является приведение во многих трудах современных лингвистов примеров, утративших свою актуальность. Многие вопросы народной этимологии становятся вопросами языкового изменения, например, преобладания употребления одного варианта слова над другим. Тем не менее, в настоящее время отмечается, что большинство таких примеров не являются показательными, так как «народный» вариант свидетельствует в первую очередь о необразованности говорящего.

Однако только при наличии определения «народный» появляется возможность рассматривать этимологию не только в ретроспективе, уходя в изучение словообразования в прошлом, работая с уже полученным языковым материалом, но и в перспективе развития языка. Поэтому, если речь идёт о народной этимологии, необходимо иметь в виду непрерывность действия этимологического аппарата во времени. Данный факт ещё раз подтверждает основной тезис Ф. де Соссюра о том, что «в каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему, и эволюцию; в любую минуту язык есть и живая деятельность, и продукт прошлого» [9, с. 34].

Сам учёный признаёт, что, как правило, между означающим и означаемым не существует видимой связи, однако это не исключает «вторичную мотивацию» формы, которая при последующем анализе зачастую приобретает экспликативный характер [11, с. 307]. Поиск же такой видимой связи и ошибочное её определение – одна из основных черт народной этимологии.

Итак, в настоящее время народную этимологию понимают как попытку восстановить связь между означающим и означаемым ненаучным путём, посредством народной этимологии, понимаемой как совокупность ненаучных исследовательских приёмов.

Альберто Самбони (Alberto Zamboni) определяет народную этимологию как феномен, относящийся к говорящему, основывающийся на

¹ Здесь и далее перевод наш. – Я.Д.

схожести формы слова и связывающий одну определённую форму с другой, в отсутствии при этом какой-либо этимологической связи [Ср. 14 с. 146].

Помимо существующего в настоящее время термина, есть ещё ряд других, отражающих более или менее точно описываемый лингвистический феномен: ложная этимология, ассоциативная этимология, вторичная этимология, паретимология, лексическая аналогия. Тем не менее, каждый из этих терминов указывает лишь на частный аспект, входящий в понятие народной этимологии. Так, термин «ложная этимология» указывает в первую очередь на изначально неверный поиск этимона. «Ассоциативная этимология» и «лексическая аналогия» подразумевают участие ассоциативного мышления в этом поиске. «Вторичная этимология» имеет в виду неверное толкование обывателем уже известное происхождение лексической единицы.

Вслед за Хуаном Мануэлем Секо, под термином народная этимология мы будем понимать «обобщённое изменение семантики и формы» [10, с. 21]. Данное определение, по мнению испанского филолога, носит чисто описательный характер и освобождает исследователя от выявления противоречий в уже выдвинутых теориях о народной этимологии. Это позволяет также использовать каждую из этих теорий без ущерба для другой, что значительно расширяет возможности исследования. В своей работе лингвист отмечает, что в современном понимании «народная этимология» содержит две основных идеи. Первая – «альтернативная этимологическая атрибуция» (*la atribución etimológica alternativa*), которая подразумевает, что говорящие, испытывая естественное любопытство к языку, ищут этимологическое объяснение используемой лексической единицы, основывая свои гипотезы на псевдофилологическом размышлении, которому не свойственны ни методы, ни материалы, используемые этимологией «научной». Вторая идея – «параморфическая интерференция» (*interferencia paramórfica*), то есть создание у говорящего ассоциации между лексическими единицами или их частями, независимо от наличия между ними настоящей этимологической связи, или же отсутствия таковой. При этом, вследствие такой ассоциации и смешивании форм, происходит существенное изменение формы лексической единицы или же значения.

Однако такой подход определяет народную этимологию как феномен, имеющий в своём

основании лишь околонучную этимологию, опирающуюся на параморфическую интерференцию как на единственный способ словообразования.

Среди российских лингвистов одним из первых, кто обратил внимание на это языковое явление, стал Н. В. Крушевский. В «Русском филологическом вестнике» (1879 г.) была опубликована его статья «Об «анalogии» и народной этимологии», где учёный раскрывает сущность данного явления в языке и аргументировано доказывает несостоятельность терминов.

«Лингвистов, признающих аналогю и «народную этимологию» и сознательно объясняющих этими факторами явления языка, не особенно много, ещё меньше работ, посвящённых аналогии и народной этимологии», – пишет он [2, с. 111].

Эпитет «народная», по мнению Н. В. Крушевского, не имеет никакого обоснования, так как всякая лексическая единица производится и преобразуется народом. Учёный предлагает называть такие преобразования ассимиляцией, которую определяет как «естественный языковой процесс, состоящий в устранении более слабых элементов в языке и замена их более сильными» [Там же].

Однако подобный подход ограничивает значение исследуемого предмета, так как народная этимология, в понимании западных учёных, может определять как языковой процесс, по версии Н.В. Крушевского, так и результат данного процесса, одновременно с методом этимологического исследования и ошибочным толкованием этимологии.

Тем не менее, с того момента, когда народная этимология начинает считаться объектом лингвистического, а точнее, этимологического исследования, она становится не «неправильной» этимологией, но одним из путей формирования лексического фонда языка.

Однако остаётся не до конца ясным, с какого момента лексическую единицу, преобразованную вследствие народной этимологии, можно считать составляющей лексического фонда языка. В то же время возникают вопросы о необходимости фиксирования таких единиц, так как отражение в словарях используемой и постоянно меняющейся в настоящее время лексики просто невозможно. Вместе с этим невозможен и отказ от постоянного анализа новых и изменённых лексических единиц, так как без такого анализа языковая картина мира будет некорректна, что

может усугубить ситуацию вплоть до языковой катастрофы.

Так или иначе, в словообразующем аспекте народная этимология неразрывно связана с определёнными изменениями на различных уровнях: семантическом, фонологическом, морфологическом и других. В зависимости от того, где происходят эти изменения и чем они мотивированы, можно говорить о классификации соответствующих механизмов появления новой лексической единицы.

Хотя во многих случаях остаётся неясной первопричина произошедшего изменения, можно говорить о преобладании одного или другого источника, спровоцировавшего последующее изменение [22].

Учёный Стивен Ульман (Stephen Ullmann) выделяет 4 типа изменений, которые могут возникнуть под влиянием народной этимологии:

- изменение содержания, но не формы (означаемого, но не означающего);
- изменение формы, но не значения (означающего, но не означаемого);
- изменение формы и значения (означающего и означаемого);
- изменение орфографическое, но не фонетическое.

В то же время, все данные изменения являются следствием одного из факторов, которые мы рассмотрим ниже. Часто, как уже было сказано, невозможно определить какой из факторов послужил причиной для данного изменения. Тем не менее, можно утверждать, что в случае изменения только формы таким фактором является фонетическое искажение. В случае же с изменением одного содержания – потеря первичного значения лексической единицы.

Одновременно с этим любой из представленных С. Ульманом типов изменений, возникающих как следствие народной этимологии, указывает на возможные уровни возникновения последней:

- сообщение адресанта не соответствует норме по своей форме (напр.: употребление *tapar* в значении *tapiar*);
- сообщение адресанта не соответствует норме по содержанию (напр.: употребление *prisión* в значении *presión*);
- сообщение адресанта не соответствует норме по форме и содержанию (напр.: употребление *departamento* в значении *apartamento* и наоборот);
- искажение формы при восприятии сообщения адресатом;

- искажение содержания при восприятии сообщения адресатом;

- искажение формы и содержания при восприятии сообщения адресатом.

Одним из основных источников пополнения лексического фонда испанского языка являются также заимствования, происходившие в истории формирования самого языка и не избежавшие влияния народной этимологии. Это касается, в первую очередь, субстратов пиренейского полуострова, латинского языка и, в частности, латинского культурного суперстрата.

Во-первых, следует отметить фонетическое искажение, причиной которого могут стать различные факторы, из-за которых происходит утрата первичной мотивации, что приводит к новому толкованию лексической единицы: *presión* > *prisión*; *tapar* > *tapiar*; *desnucar* > *desnunciar*; *vacante* > *vagante*.

Несомненно, в данных примерах именно изменение значения играет ключевую роль, однако мы можем говорить о фонетическом искажении как о предпосылке к последующей частичной или полной утрате значения. Условия, создаваемые специфичной для каждого языка артикуляцией, обеспечивают подобные фонетические изменения.

Впрочем есть и такие примеры, при анализе которых сложно предположить фонетическое изменение: *helicóptero* > *alicóptero*; *zanahoria* > *cenahoria*; *girasol* > *mirasol*; *sandalias* > *andalias*.

Здесь вернее будет предположение о потере первичной мотивации лексической единицы как о предпосылке к искажению формы слова, что и оправдывает термин «ассоциативная этимология».

В испанском языке народная этимология проявляется и на уровне фразеологизмов, которые содержат в себе несуществующие имена собственные и топонимы, образованные от близких по аналогии значений лексических единиц, или наоборот; топонимы употребляются в новом значении, что также говорит о расширении лексического запаса языка.

Новые имена собственные появляются или же приобретают новые значения в силу схожести с известными реалиями. Другими словами, некоторые имена собственные (чаще, имена святых), приобретают вторичную мотивацию и двойное содержание посредством изменения на морфологическом уровне.

Más vale Santo Tomás que San Donato: обыгрывается схожая форма имен собственных с глаголами *tomar* (брать) и *donar* (давать).

Ser como San Babilés: наличие двух, следующих друг за другом *b* создаёт ассоциацию с известным выражением *ser bobo* (быть дураком).

Hoy es San Acá y San Allá: наречия *acá* и *allá* (здесь и там, букв.: тут и там) становятся именами собственными, что делает более образным смысл фразы *mucho ir y venir de las gentes*.

Ir a Villavieja – *envejecer* (стареть);

Estar (vivir) en Babia – *ser un babieca o un bobalicón, estar distraído de lo que se trata* (отвлекаться от темы разговора);

Ser el alcalde de Ronquillo – *roncar* (храпеть);

Ser una cosa de Valdivias o del Valdivieso – *ser de balde* (быть бесплатным).

Очевидно, что каждый топоним семантически мотивирован. Другими словами, между означающим и означаемым топонима существует такая же арбитрарная взаимосвязь, что и между другими элементами языка. Только историческая эволюция языка, или смена так называемой «почвы», могут порвать связь между означающим и означаемым, создавая условия для того, чтобы топоним стал лишь идентификационным знаком, лишённым собственного означаемого [16, с. 529]. В связи с тем, что народная этимология является попыткой восстановить связь означаемого с означающим, можно говорить о её непосредственном влиянии на формирование новых топонимов.

Например, *Olmeda de las Fuentes*, известный муниципалитет в Испании в провинции Мадрид, является настоящим названием исторического места, ранее был известен под именем *Olmeda de la Cebolla*. В 1953 году начался процесс смены названия, в конце которого он и приобрёл настоящую форму.

Вероятнее всего, смена названия произошла из-за неверной этимологической интерпретации слова *cebolla*. Сам же топоним приобрёл данную форму посредством адаптации арабского диминутива со значением *гора, ġabal*, таким образом, *ġubaila* – горка, холм. В определённый исторический период в Средние Века, вслед за Реконкистой в XI веке, жители поселения, не зная значение *ġubaila*, произносили топоним как *dzobella* или *chobella*. Затем следовал поиск паронима, которым и стала единица *tseballa*, а в дальнейшем *cebolla* [17]. Из этого можно сделать вывод, что верным топонимом должно было стать *Olmeda del Montecito*, лишённое неверных ассоциаций и подкреплённое, помимо всего прочего, особенностями местности (неподалеку от населённого пункта находится возвышенность).

В случае такого арабского топонима, как *Guarromán* в Хаэне, название не имеет ничего общего с *guarro* (*cerdo*) или же свиноводством. Однако верный этимологический анализ лежит на поверхности: аналогичный корень можно найти в топонимах *Guadalimar*, *Guadalquivir*, где *wad* означает *río* (река). Второй элемент также можно найти в топониме *Guadarromán* (река в Кордове), где *arrumán* – гранат [12].

Также в Андалусии зарегистрировано использование *Aqualmedina* в качестве топонима *Guadalmedina*, и *Aqualporcún* вместо *Guadalporcún*. В данном случае подобное изменение можно назвать противоположным предыдущему, неверному толкованию – гиперкоррекцией, произошедшей вследствие академического давления и проведения постоянной параллели между *wad* и *река, вода* [Там же].

Рассмотрев этимологические механизмы словообразования, можно сделать вывод, что термин «народная этимология» чаще всего подразумевает некий смешанный тип механизмов изменения на различных уровнях. Тем не менее, среди лексических единиц, образованных в следствие народной этимологии, можно выделить слова, образованные и закрепившиеся в лексическом словаре, в связи с чем некоторые из случаев можно назвать продуктивными.

Следствие такого изменения – схожесть лексических единиц как на фонетическом, так и на семантическом уровне. Примером этого явления могут служить единицы, выделенные Менендесом Пидалем и уже ставшие классическими в объяснении феномена народной этимологии: *cementerio*, *cerrojo* и *nigromantia* [18, с. 191].

Словарь Королевской Академии Испанского языка отмечает, что слово *cementerio* пришло в язык из латинского, который, в свою очередь, заимствовал его в греческом [13]. В последнем, *κοιμητήριον*, что значит *спальня, опочивальня*, не имеет ничего общего с *cemento* (цемент). Таким образом, можно утверждать, что фонема *-n-*, отсутствующая в корне слова, является следствием проведения аналогии с *cemento*. Это доказывает тот факт, что в английском языке существует лексическая единица *cemetery*, где данной аналогии не наблюдается.

Cerrojo (засов) происходит от латинского *vericulum* (короткое копье). Согласно установленным закономерностям формирования лексических единиц испанского языка, логично предполагать образование такой формы, как *verrojo*, под влиянием аналогии с глаголом *cerrar* (закры-

вать), что приводит к варианту существующей формы лексической единицы [18, с. 192].

Несомненно, данные примеры не в полной мере являются показательными, так как существуют в лексическом запасе испанского языка целые века. Однако даже в настоящее время народная этимология продолжает пополнять словарь новыми лексическими единицами.

Менендес Пидаль также относит к механизмам словообразования народной этимологии такой феномен, как гиперкоррекция (*ultracorrección*) [Там же, с. 193]. Он объясняет данное явление тем, что в узуальном лексическом запасе могут одновременно находиться правильная и «народная» форма слова (напр.: *albóndigas* > *almóndigas*), что может вызвать определённые трудности у носителей языка, не обладающих достаточной лингвистической компетенцией. Например, такие единицы как *comido*, *comida*, *cansado*, *pasado* и так далее существуют наравне с просторечными единицами *comío*, *comía*, *cansao*, *pasao* и так далее. В таком случае, желая показаться грамотным, использующий просторечные единицы может совершить ошибку, разделяя конечные гласные согласным [d] (например, вместо слов *mío*, *tardío*, *correo*, *Bilbao* говорить *mido*, *tardido*, *corredo*, *Bilbado*).

Известны также случаи использования народной этимологии в качестве создания определённого художественного образа. Так, в романе Мигеля де Сервантеса народная этимология и её механизмы становятся одним из ключевых приёмов иронии.

Лео Шпитцер (Leo Spitzer), известный австрийский лингвист, посвятил целую статью под названием «Лингвистический перспективизм в Дон Кихоте» (*Perspectivismo lingüístico en el Quijote*) анализу народной этимологии в «Дон Кихоте». Он отмечает различные механизмы народной этимологии, которые были воссозданы Сервантесом для создания нужного ему эффекта. Так, в тех диалогах, где Дон Кихот прерывает Санчо Панса или других персонажей, чтобы исправить их, Сервантес, по мнению австрийского ученого, прибегает к этимологическим дублетам.

При этом невозможно не обратить внимание на работу переводчика, задача которого усложняется поиском аналогичных дублетов в русском языке. В связи с этим рассмотрим отрывки из произведения «Хитроумный идадьго Дон Кихот Ламанчский» в оригинале [14] с переводом Н.М. Любимова [4, 5]: *cris* > *eclipse* (I часть, 12

глава). «*Principalmente decían que sabía la ciencia de las estrellas, y de lo que pasaban allá en el cielo el sol y la luna, porque puntualmente nos decía el **cris** del sol y de la luna. Eclipse se llama, amigo, que no **cris**, el escurecerse esos dos luminares mayores, dijo Don Quijote*» (Говорят, он лучше всего знал науку о звёздах, знал, что там на небе делают солнце и луна: ведь он нам точно предсказывал солнечные и лунные **смятения**. Потемнение этих двух великих светил именуется **затмением**, а не **смятением**, друг мой, – поправил его Дон Кихот); *estil* > *estéril* (I часть, 12 глава). «(...) *asimesmo adivinaba cuando había de ser el año abundante o **estil**. Estéril queréis decir, amigo, dijo Don Quijote. Estéril, o estil, respondió Pedro, todo se sale allá*». (Ещё он угадывал, какой будет год: **недородный** или дородный. Ты хочешь сказать – **урожайный** или неурожайный, друг мой, – заметил Дон Кихот. **Дородный** или **урожайный** – это что в лоб, что по лбу, – возразил Педро).

Народная этимология в произведении Сервантеса играет важную роль в создании образа персонажа. «Санчо увеличивает количество слов, так как весь его словарный запас сохраняет лишь приближённые варианты реальных единиц. Эти слова постоянно меняются, потому что Санчо не в состоянии запомнить их. Санчо впадает в то, что лингвисты называют **народной этимологией**, то есть, изменяет слова согласно возникающим у него в голове ассоциациям» [21].

Таким образом, народная этимология, используемая как стилистический приём, также свидетельствует о пополнении лексического фонда, однако лишь в рамках определённого литературного произведения.

Толкование, процесс образования и само образование новых лексических единиц, выходящие за рамки общеизвестных закономерностей испанского словообразования, настолько велико, что имеет смысл рассматривать народную этимологию как данность и в то же время как исключение из этимологической закономерности вообще. Прежде всего для этого необходимо отойти от понимания народной этимологии как неверной интерпретации значения лексической единицы. В то же время невозможно утверждать, что всякое кажущееся истинным утверждение относительно этимологии является верным. В этой точке заданная тема пересекается с проблемами лингвистического образования, так как отсутствие такового производит огромное количество новых лексических единиц, в частности, в связи со сменой базовых средств коммуникации.

Итак, изменение, происходящее в форме лексической единицы – это, прежде всего, изменение его значения вследствие утраты первичной мотивации. В то же время, как было выяснено нами в ходе анализа, причиной утраты этой мотивации может послужить фонетическое искажение или, собственно, потеря мотивации, возникающие в ходе неверной интерпретации одного из говорящих в контексте заимствованных лексических единиц, экстралингвистического влияния, стилистического приёма.

Народная этимология, как самостоятельное толкование этимологии, понимается нами как необратимое последствие утраты первичной мотивации лексической единицы. Незнание этимологии может привести к кардинальной замене со-

держания, что создаёт определённые трудности в процессе коммуникации, особенно если речь идёт о представителях разных языковых страт.

В контексте стилистики народная этимология также играет немаловажную роль и может использоваться автором текста в качестве основы для построения различных приёмов, в частности, иронии.

В заключение можно отметить, что в исследованиях феномена народной этимологии необходима смена направления в сторону восприятия народной этимологии не как проблемы, но как данности, которая сама по себе является вкладом в лексический фонд как испанского, так и любого другого языка.

Список литературы

1. Варбот Ж. Ж. Этимология // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 643–647.
2. Крушевский Н. В. Об «анalogии» и «народной этимологии» // Русский филологический вестник № 3. Варшава, 1879. Т. 2. С. 109 – 120.
3. Маре́й Е. С. Sapientiam sine eloquentia prodesse non est dubium: Взаимосвязь мудрости и красноречия в произведениях Исихора Севильского // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. Вып. 1 (45) М., 2013. С. 7 – 19.
4. Мигель де Сервантес Сааведра. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский, часть 1. Перевод Н. Любимов “Художественная литература”, М., 1988 // Режим доступа: <http://lib.ru/INOOLD/SERVANTES/donkihot1.txt>. (Дата обращения: 10.09.2017)
5. Мигель де Сервантес Сааведра. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский, часть 2. Перевод Н. Любимов “Художественная литература” М., 1988. // Режим доступа: <http://www.lib.ru/INOOLD/SERVANTES/donkihot2.txt>. (Дата обращения: 10.09.2017)
6. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение. 1976. 399 с.
7. Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики / Русский перевод А. М. Сухотина, 1933. 256 с.
8. Уколова, В. И. Рождение средневекового энциклопедизма. Исидор Севильский // Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – начало VII века). М.: Наука, 1989. 320 с.
9. Цицерон М. Т. // Учение академиков / пер. с лат. Н. А. Федорова., М., 2004. 320 с.
10. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд., доп. М.: Большая рос. энцикл. 2002. 709 с.
11. Baldinger K. La pesadilla de los etimólogos // Revista de Filología Española, vol. XLVIII nº 1/2 (1965). p. 95–104.
12. Corominas J. Breve diccionario etimológico de la lengua castellana, Editorial Gredos S.A., Madrid, 1987. 628 p.
13. Diccionario de la lengua Española (DLE) Режим доступа: <http://dle.rae.es/>. (Дата обращения: 19.09.2017)
14. Don Quijote de la Mancha // Режим доступа: <http://www.donquijote.org/spanishlanguage/literature/library/quijote/>. (Дата обращения: 15.09.2017).
15. Förstemann E. Ueber deutsche volksetymologie // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateneischen, 1852. p. 1–25.
16. Gómez R.C. Toponimia valenciana y etimología popular. Madrid. p. 529 –539.
17. Marín M. Etimologías populares // Режим доступа: https://fmarcosmarin.blogspot.ru/2014/03/etimologias-populares_1.html (Дата обращения: 24.09.2017).
18. Menéndez Pidal R., Manual Gramática Histórica Española, Madrid, Espasa-Calpe, 1985. 367 p.
19. Seco J. M. El iceberg analógico y el concepto de etimología popular, Interlingüística, №. 9, 1998. p. 305–308.
20. Seco J. M. El problema conceptual de la etimología popular: estudio cronológico y análisis de diccionarios especializados en lengua inglesa Madrid, 2007. 443 p.
21. Spitzer L. Perspectivismo lingüístico en el Quijote, en Lingüística e historia literaria, Madrid: Gredos, 1955 (1948). p. 135–187.
22. Ullmann S. Semántica, Madrid, Aguilar, 1967. 33 p.
23. Zamboni A., La etimología, Madrid, Gredos, 1988, p. 146.

Сведения об авторах:

Котеняткина Ирина Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (Россия, Москва). Научные и профессиональные интересы: грамматика испанского языка, социолингвистика, гендерная лингвистика, межкультурная коммуникация. E-mail: koteniatkina@gmail.com.

Дружков Яков Михайлович – студент магистратуры кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: этимология испанского языка, грамматика испанского языка, фонетика испанского языка, художественный перевод, философия языка. E-mail: yakovdruzhkov@gmail.com.

FOLK ETYMOLOGY AS A SOURCE OF THE NEW LEXICAL ITEMS IN SPANISH

Irina B. Kotenyatkina, Yakov M. Druzhkov

RUDN University, 6, Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russia.

The Abstract: *This article is dedicated to the folk etymology as a source of the new lexical items in Spanish. It changes a typical view on the object that is usually taken as a wrong etymological interpretation. Based on the analysis of scientific works and Spanish language corpora, it drives to understand the folk etymology as a part of morphological derivation. The article presents an altered view on the theoretical foundation of Spanish lexicology. By knowing these features, one could increase the adequacy of different types of translation and alter the approach in teaching Spanish lexicology. The arguments provided by the article are in favor of understanding folk etymology in the context of scientific etymology as a peculiar exception to certain laws of the language's evolution. The need to perceive the folk etymology as one of the main sources of replenishment of the lexical reserve of the language, opens up extralinguistic interrelations that can ensure the accuracy of the translation, especially when it comes to translating texts in the diachronic perspective is pointed out in this article.*

Key Words: *the Spanish language, folk etymology, world-building, lexicology, phonology, semantics, onomastics, primary meaning.*

References

1. Varbot Zh. Zh. Etimologija // Russkij jazyk. Entsiklopedija. [Etymology // Russian language. Encyclopedia] 2-e izd., pererab. i dop. [2nd ed., reworked] M.: Bol'shaia Rossijskaja entsiklopedija; Drofa, 1997. S. 643–647.
2. Krushevskij N.V. Ob «analogii» i «narodnoj etimologii» [On the analogy and folk etymology] // Russkij filologicheskij vestnik № 3. Varshava, 1879. T. 2. S. 109–120.
3. Marei E. S. Sapientiam sine eloquentia prodesse non est dubium: Vzaimosvjaz' mudrosti i krasnorechiia v proizvedeniiakh Isidora Sevil'skogo [The interconnection of wisdom and eloquence in Isidore of Seville works] // Vestnik PSTGU I: Bogoslovie. Filosofija. Vyp. 1 (45). M. 2013. S. 7–19.
4. Migel' de Servantes Saavedra. Khitroumnyi idal'go Don Kikhot Lamanchskii, chast' 1. [The Ingenious Nobleman Sir Quixote of La Mancha, pt. 1] Perevod N. Liubimov [Translated from Spanish, N. Liubimov] "Khudozhestvennaja literatura", M. 1988 // Available at: <http://lib.ru/INOOLD/SERVANTES/donkihot1.txt>. (Accessed 10 September 2017).
5. Migel' de Servantes Saavedra. Khitroumnyi idal'go Don Kikhot Lamanchskii, chast' 2. [The Ingenious Nobleman Sir Quixote of La Mancha, pt. 2] Perevod N. Liubimov [Translated from Spanish, N. Liubimov] "Khudozhestvennaja literatura". M. 1988. // Available at: <http://www.lib.ru/INOOLD/SERVANTES/donkihot2.txt>. (Accessed 10 September 2017).
6. Rozental' D. E., Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. Izd. 2-e. [Dictionary-reference of linguistic terms. 2nd ed.]. M.: Prosveshchenie. 1976. 399 s.
7. Sossur de F. Kurs obshchei lingvistiki [Course of general linguistics] / Russkij perevod A. M. Sukhotina [Translated from French, A.M. Sukhotina], 1933. 256 s.

8. Ukolova, V. I. Rozhdenie srednevekovogo entsiklopedizma. Isidor Sevil'skii [The origin of medieval encyclopedism. Isidore of Seville] // Antichnoe nasledie i kul'tura rannego srednevekov'ia (konets V – nachalo VII veka) [ancient heritage and culture of the early Middle Ages (from the Vth to the VIIth century)]. M.: Nauka, 1989. 320 s.
9. Tsitseron M. T. // Uchenie akademikov [The academics' doctrine] / per. s lat. N. A. Fedorova. [Translated from Latin, N. A. Fedorova]. M., 2004. 320s.
10. Iartseva V. N. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. 2-e izd., dop. [Linguistic Encyclopedic Dictionary. 2nd ed., aug.]. M.: Bol'shaia ros. entsikl. 2002. 709 s.
11. Baldinger K. La pesadilla de los etimólogos // Revista de Filología Española, vol. XLVIII n° 1/2 (1965). p. 95–104.
12. Corominas J. Breve diccionario etimológico de la lengua castellana, Editorial Gredos S.A., Madrid, 1987. 628 p.
13. Diccionario de la lengua Española (DLE) Available at: <http://dle.rae.es/>. (Accessed 19 September 2017).
14. Don Quijote de la Mancha // Available at: <http://www.donquijote.org/spanishlanguage/literature/library/quijote/>. (Accessed 15 September 2017).
15. Förstemann E. Ueber deutsche volksetymologie // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateneischen, 1852. p. 1–25.
16. Gómez R. C. Toponimia valenciana y etimología popular. Madrid. p. 529 –539.
17. Marín M. Etimologías populares // Available at: https://fmarcosmarin.blogspot.ru/2014/03/etimologias-populares_1.html (Accessed 24 September 2017).
18. Menéndez Pidal R., Manual Gramática Histórica Española, Madrid, Espasa-Calpe, 1985. 367 p.
19. Seco J. M. El iceberg analógico y el concepto de etimología popular, Interlingüística, №. 9. 1998. p. 305–308.
20. Seco J. M. El problema conceptual de la etimología popular: estudio cronológico y análisis de diccionarios especializados en lengua inglesa Madrid. 2007. 443 p.
21. Spitzer L. Perspectivismo lingüístico en el Quijote, en Lingüística e historia literaria. Madrid: Gredos. 1955 (1948). p. 135 –187.
22. Ullmann S. Semántica. Madrid. Aguilar. 1967. 33 p.
23. Zamboni A. La etimología. Madrid: Gredos. 1988. p. 146.

About the authors:

Irina B. Kotenyatkina – PhD, Associate Professor of Department of Foreign Languages of the Philological Faculty, RUDN University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: Spanish grammar, Sociolinguistics, Gender linguistics, intercultural communication. E-mail: kotenyatkina@gmail.com.

Yakov M. Druzhkov – MA student of Linguistics of the Philological Faculty, RUDN University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: Spanish etymology, Spanish grammar, Spanish phonology, literary translation, philosophy of language E-mail: yakovdruzhkov@gmail.com.

* * *

ФУНКЦИИ НАЗВАНИЙ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Л.Р. Мухаметзянова

Казанский федеральный университет,
420021, г. Казань, ул. Татарстан, 2

Статья посвящена научному освещению проблемы номинации периодических изданий, одной из частных задач которой является установление роли названий газет и журналов в процессе коммуникации. Последняя исследовательская задача решается с опорой на два основополагающих положения: во-первых, в статье подчёркивается антиномичный коммуникативный статус названий газет и журналов. В процессе коммуникативной интеракции название периодического издания может употребляться изолированно от цельного совокупного газетного или журнального текста и быть относительно самостоятельным, т.е. автосемантическим, например, в процессе речевой или текстовой коммуникации при необходимости указания на конкретное издание СМИ, при анализе и оценке издания и т.п. название употребляется как самодостаточный знак. В случае непосредственного контакта с газетой или журналом (в процессе чтения, пролистывания, разглядывания у продавца) название предстаёт в виде обязательной структурной составляющей цельного знака (совокупности текстов, образующих газету или журнал), а, следовательно, оно несамостоятельно, синсеманлично. Во-вторых, тип исследуемого нами названия синкретичен: он выступает не только обозначением газеты или журнала (гемеронимом), но представляет собой коммерческое название (эргоним). Перечисленные обстоятельства определяют полифункциональность исследуемого объекта.

В ходе проведённого исследования удалось выявить следующие взаимосвязанные функции названий периодических изданий: номинативную, индивидуализации издания, графически-структурирующую, выделительно-идентифицирующую, потенциально прогностическую, воздействующую, рекламную, функцию создания информационной эффективности газеты или журнала и сокращения риска неверных покупок, а также эстетическую. Формирование функциональной мобильности названия во многом происходит посредством визуальных графических средств. Не только слово, но и дизайнерская форма воплощения замысла издания во внешнем облике названия вызывает интерес потенциального адресата, формирует заданные издателем ассоциативные приращения и заставляет читателя выделить и запомнить данное периодическое издание.

Ключевые слова: газета, журнал, имя, товарный знак, рыночная модель массовой коммуникации, функции.

С конца XX века в России наблюдается бурный рост рынка периодических изданий, обусловленный развитием новых технологий в производстве печатной продукции, появлением частных негосударственных средств массовых изданий, всё большей дифференциацией газет и журналов в зависимости от целевой аудитории, целей и задач издателей и

т.п. Согласно официальному докладу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ, сегодня печатная пресса остаётся в числе основных информационных и коммуникационных носителей наряду с Интернетом, телевидением и радио: «Из 79786 наименований средств массовой информации, включённых в реестр Федеральной службы по надзору в сфере

связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) по состоянию на 17 апреля 2017 года, две трети составляют периодические издания. Из них 37 % – журналы, 28 % – газеты и около 5 % бюллетени, альманахи и прочие. Еще 11 % – онлайн СМИ, в значительной части представленные сайтами и другими цифровыми продуктами периодических печатных изданий» [9, с.7].

Приведённые факты свидетельствуют об актуальности проблемы наименования периодического издания и о настоятельной необходимости научного исследования названий газет и журналов, в частности и установления их функций в процессах массовой и межличностной коммуникации.

Разнообразие форм бытования названий периодических изданий (газет и журналов) в коммуникативном пространстве обуславливает их антиномичный коммуникативный статус. Наименование газеты или журнала относительно автосеманлично в условиях изолированного его употребления от цельного газетного или журнального текста (например, в объединённых каталогах «Роспечать», «Газеты и журналы», «Пресса России» и т.д., библиотечных систематизированных перечнях периодических изданий; в текстах различных жанров и стилей при необходимости указания на конкретное издание СМИ, при ссылках на информацию, передаваемую той или иной газетой или журналом, анализе и оценке деятельности журналистов периодического издания и т.п.). Наименование газеты или журнала синсеманлично, если рассматривать его в качестве структурного элемента цельного знака – совокупного текста газеты или журнала. Антиномичный коммуникативный статус наименований газет и журналов во многом предопределяет многофункциональную природу исследуемого объекта.

Полифункциональность названия периодического издания обуславливается также сопряженностью рассматриваемого типа имени (гемеронима) с коммерческими названиями, или эргонимами, – номенклатурными наименованиями, «к которым в широком смысле относятся и названия деловых объединений людей, от фирмы до партии, и названия марок, «линий» товаров и услуг» [6, с.93]. Если газета и журнал является «периодическим печатным изданием, представляющим собой форму периодического распространения массовой информации» [2, с.1], то редакция этого периодического издания

«представляет собой организацию, учреждение, предприятие, осуществляющее производство и выпуск средства массовой информации» [2, с.1]. В названии газеты или журнала обе эти ипостаси – издание и её редакция – неотделимы друг от друга, что предопределяет и сопряжённость в названии периодического издания собственно гемеронимической сущности и эргонимической её природы.

Такая синкретичность характерна для многих современных имён собственных, не случайно С.А. Кара-Мурза рассматривает некоторые онимы с позиции маркетинга и нейминга как знак фирменной идентификации [4, с.286], в исследовании К.Р. Исянова в разряд коммерческих названий включены в числе прочих и названия периодических изданий [3, с.41].

Вопрос о функциональном назначении тех или иных онимов находится в центре внимания многих исследователей (К.Р. Исянова, К. Schmidt, В.В. Тулупова, Т.И. Кравец, С.Л. Васильевой, А.В., Суперанской и Т.В. Соболевой и многих других учёных). Функции названий периодических изданий не были предметом специального рассмотрения. Следует отметить, однако, что отдельные проблемы функционального назначения названий периодических изданий учёными поднимались. Так, Е.А. Хоменко выделяет утилитарную функцию заголовочного комплекса (так называемой «шапки» газеты). По мнению учёного, составной частью заголовочного комплекса газеты является логотип (оригинальное графическое начертание названия издания) – средство ориентации, обозначающее начало издания, его фирменный знак и торговую марку. Именно логотип издания становится мгновенным опознавательным знаком газеты [12, с.72]. Об ориентирующей функции названия издания пишет и В.В. Тулупов, рассматривая название издания в качестве части общей конструкции периодического издания [11]. Вместе с тем до настоящего времени специальных исследований, посвящённых функциям названий газет и журналов, нет, как нет и исследований, в которых бы учитывался коммуникативный статус и синкретичность онимичной природы названий газет и журналов при определении их роли в процессах коммуникации.

Материалом исследования послужила картотека автора – Л.Р. Мухаметзяновой, включающая свыше 1000 названий газет и журналов, издававшихся в Российской Федерации, в том числе и в Республике Татарстан, с 1917 по 2017 годы.

Название газеты или журнала, как и любое имя, выполняет *номинативную функцию*: как особый вид онима гемероним называет периодическое издание, а как оним, совмещающий в себе признаки эргонима (товарного знака), выполняет *функцию индивидуализации* газеты или журнала и его редакции.

Постоянство названия выступает в качестве одного из главных определяющих периодическое издание признака. В Законе РФ «О средствах массовой информации» периодическое издание определяется как «газета, журнал, альманах, бюллетень, иное издание, *имеющее постоянное название* (выделено нами. – Л.М.), текущий номер и выходящее в свет не реже одного раза в год» [7, с.2], а в государственном стандарте как «выходящее через определённые промежутки времени, как правило, с постоянным для каждого года числом номеров (выпусков), не повторяющимися по содержанию, однотипно оформленными, нумерованными и (или) датированными выпусками, *имеющими одинаковое заглавие* (выделено нами. – Л.М.) [1, с.2]. Это постоянство подчёркивается правом исключительного использования названия издателем (редакцией газеты или журнала) [7, с.2].

Название газеты или журнала, как и любое имя собственное, представляет собой «идентифицирующий знак» [10, с.95], следовательно, название этой группы объектов выполняет *выделительно-идентифицирующую* или, по-другому, *выделительно-опознавательную* функцию: название позволяет издателю выделить своё издание из числа подобных, а потенциальному читателю – опознать его в ряду других периодических изданий данного вида, признать сходство (по заранее заданным параметрам: целевая аудитория, установка издания и т.д.) этого номера газеты, журнала с предыдущими.

Газета и журнал понимаются нами как комплексный интеллектуально-коммуникативный продукт – множество текстов, объединённых в одно единое целое и воплощённых в названии издания интенцией издателей и владельцев. Такой подход предполагает и признание того факта, что название издания «вместе с примыкающими к нему и тесно с ним спаянными элементами образует особый вид текста (сегодня всё больше поликодового характера)» [15, с.770], который занимает обособленно-надтекстовую позицию и визуально выделен благодаря своему расположению (в верхней части первой полосы газеты или на обложке журнала) и специальным гра-

фическим средствам [15, с.770]. Синсемантическая названия газеты или журнала (как сложного семиотического знака) *предопределяет его графически-структурирующую функцию*, а также потенциальную *прогностическую и, конечно, рекламную функции*.

Название печатного или сетевого периодического издания должно привлечь внимание потенциального читателя (собственно рекламная функция) и побудить его к действию – купить и прочесть газету или журнал (непосредственно побудительная функция). В некоторых работах побудительная (называемая также воздействующей) функция рассматривается как тождественная рекламной. Мы всё же предлагаем эти функции разграничивать.

Рассмотрим выделенные ранее функции более подробно с позиции свойств и особенностей коммерческих знаков. Так же, как и гемеронимы, названия марок товаров и коммерческих организаций отличаются полифункциональностью (о свойствах, функциях коммерческих знаков написано немало работ – Sialm-Bossard [19, с.151]; Grosse, S. [13, с.93]; Klickow, R. [14, с.825]; Voigt, G. [21, с.35]; Scharf, A. [17, с.56]; Platen, C. [16, с.161]; StoII, K.-U. [18, с.152]). К числу основных функций коммерческих названий К. Шмидт относит следующие: создание имиджа товара, информационную эффективность и сокращение рисков неверных покупок [18, с.145].

Название, а если быть более точным, целый вербально-визуальный комплекс, образующий с названием одно визуальное поле, как правило, отражает информационное содержание, так называемый «контент» периодического издания и благодаря своей синсемантической природе репрезентирует образ газеты или журнала, и, следовательно, выполняет прогностическую и рекламную функцию. Образ издания, воплощённый в краткой форме в его названии (представленном как вербальными, параграфемными и невербальными средствами), привлекает внимание «своей» читательской аудитории, запускает механизмы активизации памяти и познавательной деятельности потенциальных читателей, потребителей издания, пробуждает их интерес, т.е. название газеты или журнала выполняет опознавательную / идентифицирующую функцию и побуждает (побудительная функция) «своего» читателя купить газету или журнал – продукт коммерческой деятельности её редакции. Таким образом, название периодического издания как сложный семиотический знак гетерогенного характера

является *средством создания информационной эффективности товара (газеты или журнала) и сокращает риск неверных покупок.*

Функциональная близость гемеронимов с эргонимами особенно остро ставит вопрос об экспрессивности исследуемого объекта и его воздействующих на сознание читателей-потребителей газет и журналов возможностях (а, следовательно, рекламных, побудительных и других обусловленных воздействующим потенциалом знака функциях). Воздействующая функция языка, как правило, в первую очередь связывается с экспрессивностью. Однако не всякое название как явление собственно языковое может и должно быть экспрессивным (см., например, названия республиканских газет: «*Известия Татарстана*», «*Челнинские известия*», «*Налоговые известия*», «*Лениногорские вести*», «*Женищина*», «*Банковская газета*», «*Региональная экологическая газета*»; журналов: «*Элита Татарстана*», «*Казанский медицинский журнал*», «*Журнал Казанского общества пчеловодства*», «*Бухгалтер Татарстана*», «*Вся недвижимость*» и т.д.). Воздействие такого рода наименований периодических изданий рационально. Вместе с тем нельзя не признать экспрессивность наименований газет и журналов первой половины XX века, особенно послереволюционного периода, о чём свидетельствуют названия таких республиканских газет, как «*За землю и волю*», «*Знамя революции*», «*Вперёд*», «*Крылья Советов*», «*Красная знамя*» и т.п. Безусловно, затронутая тема требует специального исследования. На данном этапе хотелось бы подчеркнуть следующее: экспрессивность названия газеты нередко формируется параграфемными средствами или невербальными элементами, включёнными в структуру названия как особого сложного типа текста поликодового характера. Так, экспрессивность названия «*Вечерняя Казань*» во многом определяется её положением на газетной полосе: расположение по диагонали создаёт визуальный эффект движения, наталкивая тем самым на мысль о динамичном ритме жизни города. Здесь мы наблюдаем яркий пример использования параграфемных экспрессивных элементов.

Воздействующей функции и, следовательно, рекламному назначению названия издания как сложного семиотического образования во многом способствует её *эстетическая функция* (об эстетической функции онимов пишут К.-У. Штолль, М.Е. Новичихина, А.П. Кисилев, В.В. Тулупов, Е.А. Хоменко и др.).

К.-У. Штолль к языковым и эстетическим свойствам коммерческого названия относит относительную простоту, удобочитаемость и выговариваемость, благозвучие, разборчивое акустическое восприятие, межъязыковую адаптируемость [20, с.152]. Как видим, учёный заостряет внимание на звуковой стороне названия того или иного коммерческого продукта. Для названия газеты или журнала как продукта печатного, особенно в аспекте его синсемантической природы (когда мы рассматриваем название как часть цельного совокупного текста), важным оказывается его визуальное воплощение (графическое, полиграфическое, дизайнерское решение).

Отмечая особую значимость функциональных свойств формы периодического издания, А.П. Киселёв подчёркивает важность её эстетических качеств. Графическое решение газетного или журнального номера может быть абсолютно рациональным в практическом отношении, но если оно эстетически невыразительно, то внешний облик издания не вызовет у читателя интерес. А эстетически привлекательная форма способна ещё до знакомства с содержанием номера привлечь внимание читателя, воодушевить его к чтению [5, с.35]. В.В. Тулупов отмечает одну противоречивую, но весьма немаловажную особенность относительно визуального восприятия формы периодического издания, которая выражается в простоте и удобстве визуальнo-графического решения, позволяющего не отвлекать внимание читателя и способствующего более полному раскрытию содержания [11, с.60]. Удобное восприятие формы совершенно справедливо и в отношении текстового поля. Всё же отдельным элементам формы, например, названию издания, необходимо обладать таким качеством как *сигнальность*, то есть быть заметным и запоминающимся.

Е.А. Хоменко в своём исследовании отводит особую роль эстетической функции заголовочного комплекса, подчёркивая узнаваемость нового номера газеты, которая в первую очередь достигается с помощью средств визуального оформления заглавия. Удачное графическое решение названия и логотипа периодического издания реже всего подвергается модификациям. Мировой практике известны издания, десятилетиями сохраняющие графическую форму логотипа [12, с.72].

Графическая оригинальность периодического издания в первую очередь решается формой подачи названия издания (логотипом). Логотип

воплощает в себе стилевые и ассоциативные особенности, создавая тем самым определённую направленность издания. Например, в логотипе «Российской газеты» применяется титульный шрифт кирилловского печатного полуустава старопечатных книг. Данный приём создает особую ассоциацию для читателя и указывает на то, что газета является особенно «русской». За всё время своего существования «Известия» и «Правда» сохраняют в строении шрифта стилистические особенности шрифтографии начала века, ассоциируясь тем самым с революционными преобразованиями советского времени. Визуальная память читателя в основном связывает содержание газеты с особенностями логотипа, начертания заглавия, кардинальные изменения которого могут разрушить сложившийся в памяти зрительный образ издания [12, с.73].

Таким образом, названия газет и журналов выполняют следующие функции: но-

минативную, индивидуализации издания, выделительно-идентифицирующую, графически-структурирующую, потенциально прогностическую, воздействующую, рекламную, создания информационной эффективности газеты или журнала, сокращения риска неверных покупок и, конечно, эстетическую. Все указанные функции тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, они обусловлены синкретичностью онимичной природы названий газет и во многом предопределены их антиномичным коммуникативным статусом. Функциональная мобильность названия формируется не только лексическими средствами, но и визуальными средствами – графическими и параграфемными, нередко именно внешний облик названия вызывает интерес потенциального адресата, формирует заданные издателем ассоциативные приращения и заставляет читателя выделить и запомнить данное периодическое издание.

Список литературы

1. ГОСТ 7.60-2003. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды. Термины и определения [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ifap.ru/library/gost/7602003.pdf> (Дата доступа: 5 февраля 2018 г.).
2. Гуревич С.М. Газета вчера, сегодня, завтра. М.: Аспект-Пресс, 2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: evartist.narod.ru/text10/03.htm (Дата доступа: 12 мая 2017.).
3. Исянов К. Р. Лингвистический анализ, типология и локализация отечественных и иностранных коммерческих названий: дис. канд. филол. наук. Уфа, 2012. 152 с.
4. Кара-Мурза Е.С. Новые времена – новые имена. Коммерческое имя как риторическая и маркетинговая проблема // М.В. Ломоносов и современные стилистика и риторика. М.: МГУ. 2008, С. 282-303.
5. Киселев А.П. О некоторых тенденциях в современном оформлении газет // Вестник Московского университета. 1968, №1. С. 31-37.
6. Мухаметзянова Л.Р., Мардиева Л.А. Название периодического издания с позиции коммуникативной реальности // Филология и культура. 2017, № 2 (48). С. 92 – 99.
7. О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. N 2124-1 Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (Дата доступа: 12 мая 2017.).
8. О товарных знаках, знаках обслуживания и наименования мест происхождения товаров: Закон Российской Федерации от 22 сентября 1992 г. № 3520-1 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minrec/documents/doc1075107264297> (Дата доступа: 5 февраля 2018 г.).
9. Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. Управление периодической печати, книгоиздания и полиграфии; под общей ред. В.В. Григорьева. М., 2017. С. 7. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.unkniga.ru/images/docs/2017/otr-doklad-ros-period-pechat-2016.compressed.pdf> (Дата доступа: 13 февраля 2018 г.).
10. Суперанская А.В., Соболева Т.В. Товарные знаки. М.: Наука, 1986. 176 с.
11. Тулупов В.В. Дизайн и реклама в системе маркетинга российской газеты. Воронеж: Воронежский университет, 2000. 336 с.
12. Хоменко Е.А. Структурно-композиционные и визуально-образные средства графического дизайна в газете: дис. канд. искусствоведения. М., 2004. 155 с.
13. Grosse, S. Reklamedeutsch. // Wirkendes Wort 16. 1966. S. 89-104.
14. Klickow, R. Die Synonymik und ihre Verwendung bei der Schaffung von Markennamen. / Der Markenartikel 28., 1966. S. 820-828.
15. Mardieva L. Pre-existing visual images and phenomena: a linguistic approach // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016, 24-31 August, 2016, Book 1 Vol. 3. 765-772 pp.
16. Platen, C. Ökonymie. Zur Produktnamen-Linguistik im Europäischen Binnenmarkt. // Beihefte zur Zeitschrift für romanische Philologie. Band 280. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1997. 243 S.
17. Scharf, A., Schubert, B. Marketing. Stuttgart, 1995.

18. Schmidt, K. Inclusive Branding. Methoden, Strategien und Prozesse ganzheitlicher Markenführung. / München-Unter-schleißheim: Luchterhand 17, 2003. 200 S.
19. Sialm-Bossard, V. Sprachliche Untersuchungen zu den Chemiefasernamen / Bern-Frankfurt am Main: Lang, 1975. 350 S.
20. Stoll, K.-U. Markennamen. Sprachliche Strukturen, Ähnlichkeit und Verwechselbarkeit. Ein Beitrag zur forensischen Linguistik des Markenrechts. / Peter Lang. Europäischer Verlag der Wissenschaften. Frankfurt am Main-Berlin-Bern-New York-Paris-Wien, 1999. 246 S.
21. Voigt, G. Zur linguistischen Bestimmung des Markennamens. // Hrsg. Kürschner, W. Grammatik, semantik, Textlinguistik. Tübingen, 1985. S. 23-36.

Сведения об авторе:

Мухаметзянова Лилия Ринатовна – старший преподаватель, Казанский федеральный университет (Россия, Казань). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвокультурология, параграфемика, омонистика. E-mail: aklilya@bk.ru.

THE TITLES FUNCTION IN PERIODICAL PUBLICATIONS

L.R. Mukhametzyanova

Kazan Federal University,
420021, 2 Tatarstan str., Kazan, Russia

The Abstract: *The article is devoted to the scientific coverage of the periodical nomination problem, where one of the particular tasks is the establishment of the role of the names of newspapers and magazines in the communication process. The latest research problem solved was based on two fundamental provisions. First, the article highlights the antinomical communicative status of the names of newspapers and magazines. In the process of communicative interaction the title of a periodical can be used in isolation from an integral whole of newspaper or magazine text and be relatively independent, i.e. autosemantic. So, the title is used as a self-sufficient sign in the process of verbal or textual communication, when it is necessary to point to a specific media outlet, analyze and evaluate the publication. In the case of direct contact with a newspaper or magazine (in the process of reading, scrolling at the seller) the name appears as an obligatory structural component of an integral sign (the totality of texts forming a newspaper or magazine), and therefore it is not independent, it is synsemantic. Secondly, the type of the title we are researching is syncretic: it is not only the designation of a newspaper or magazine (hemeronym), but it is a commercial name (ergonim). The above circumstances predetermine the polyfunctionality of the object under study.*

In the course of the study, the following interrelated functions of the titles of periodicals were identified: nominative, publication individualization, graphic structuring, selective-identifying, potentially predictive, affecting, advertising, creating the information effectiveness of a newspaper or magazine, reducing the risk of incorrect purchases, and aesthetic. Formation of the functional mobility of the title is largely due to the use of visual graphics. Not only the word, but also the design form of the idea of the publication embodied in the external appearance of the title evokes interest of the potential addressee, forms the associative increments set by the publisher and makes the reader select and remember this periodical.

Key Words: *newspaper, magazine, name, trademark, market model of mass communication, functions.*

References

1. GOST 7.60-2003. Sistema standartov po informatsii, biblioteknomu i izdatel'skomu delu. Izdaniia. Osnovnye vidy. Terminy i opredeleniia [System of standards on information, library and publishing sciences. Issues. Main types. Terms and definitions.] Available at: <https://www.ifap.ru/library/gost/7602003.pdf> (accessed 5 February 2018.).

2. Gurevich S.M. Gazeta vchera, segodnia, zavtra [Gurevich S. M. Newspaper yesterday, today, tomorrow]. M.: Aspekt-Press, 2004. Available at: <http://evartist.narod.ru/text10/03.htm> (accessed 12 May 2018.).
3. Isianov K. R. Lingvisticheskii analiz, tipologiya i lokalizatsiya otechestvennykh i inostrannykh kommercheskikh nazvanii: dis. kand. filol. nauk. [Linguistic analysis, typology and localization of domestic and foreign commercial names: cand. philol. sci. diss.]. Ufa, 2012. 152 p.
4. Kara-Murza E.S. Novye vremena – novye imena. Kommercheskoe imia kak ritoricheskaya i marketologicheskaya problema [New times, new names. Commercial name as rhetorical and marketing problem] // M.V. Lomonosov i sovremennye stilistika i ritorika [M. V. Lomonosov and modern stylistics and rhetoric]. M.: Moscow State University, 2008 p. 282-303.
5. Kiselev A.P. O nekotorykh tendentsiyah v sovremennom oformlenii gazet [On some trends in the modern design of Newspapers]. Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]. 1968, no. 2 p. 31-37.
6. Muhametzyanova L.R., Mardieva L.A. Nazvanie periodicheskogo izdaniya s pozitsii kommunikativnoi real'nosti [The title name of periodical publications in terms of communicative reality]. Filologiya i kul'tura [Philology and culture], 2017, no. 2 (48). p. 92–99.
7. O sredstvakh massovoi informatsii: Zakon Rossiiskoi Federatsii ot 27 dekabrya 1991 g. N 2124-1 Rossiiskoi Federatsii [On the Mass Media: Law of the Russian Federation of December 27, 1991 N 2124-1 of the Russian Federation] Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (accessed 12 May 2018.).
8. O tovarnykh znakakh, znakakh obsluzhivaniya i naimenovaniya mest proiskhozhdeniya tovarov: Zakon Rossiiskoi Federatsii ot 22 sentyabrya 1992 g. № 3520-1 [On trademarks, service marks and appellations of origin: the Law of the Russian Federation of September 22, 1992 No. 3520-1] Available at: <http://economy.gov.ru/minrec/documents/doc1075107264297> (accessed 5 February 2018.).
9. Rossiyskaya periodicheskaya pechat'. Sostoyaniye, tendentsii i perspektivy razvitiya: Otrazlevoi doklad [Russian periodicals. Status, Trends and Development Prospects: Industry Report] Federal'noe agentstvo po pechati i massovym kommunikatsiyam. Upravleniye periodicheskoy pechaty, knigoizdatniya i poligrafii; pod obshchei red. V.V. Grigoreva [Federal Agency for Press and Mass Communications. Management of periodicals, book publishing and polygraphy; under the general ed. V.V. Grigoryev]. M., 2017, 7 p. Available at: <http://www.unkniga.ru/images/docs/2017/otr-doklad-ros-period-pechat-2016.compressed.pdf> (accessed 13 February 2018.).
10. Superanskaya A.V., Soboleva T.V. Tovarnye znaki [Trademarks]. M.: Nauka, 1986. 176 p.
11. Tulupov V.V. Dizain i reklama v sisteme marketinga rossiiskoi gazety [Design and advertising in the marketing system of the Russian newspaper]. Voronezhskii universitet, 2000. 336 p.
12. Homenko E.A. Strukturno-kompozitsionnye i vizual'no-obraznye sredstva graficheskogo dizaina v gazete: dis. kand. iskusstvovedeniya. [Strukturno-kompozitsionnye i vizual'no-obraznye sredstva graficheskogo dizaina v gazete Structural-compositional and visual-graphic means of graphic design in the newspaper. Cand. art history diss.]. M., 2004. 155 p.
13. Grosse, S. Reklamedeutsch. // Wirkendes Wort 16. 1966. S. 89-104.
14. Klickow, R. Die Synonymik und ihre Verwendung bei der Schaffung von Markennamen. / Der Markenartikel 28., 1966. S. 820-828.
15. Mardieva L. Pre-existing visual images and phenomena: a linguistic approach //3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016, 24-31 August, 2016, Book 1 Vol. 3. 765-772 pp.
16. Platen, C. Ökonomie. Zur Produktnamen-Linguistik im Europäischen Binnenmarkt. // Beihefte zur Zeitschrift für romanische Philologie. Band 280. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1997. 243 S.
17. Scharf, A., Schubert, B. Marketing. Stuttgart, 1995.
18. Schmidt, K. Inclusive Branding. Methoden, Strategien und Prozesse ganzheitlicher Markenführung. / München-Unterschleißheim: Luchterhand 17, 2003. 200 S.
19. Sialm-Bossard, V. Sprachliche Untersuchungen zu den Chemiefasernamen / Bern-Frankfurt am Main: Lang, 1975. 350 S.
20. Stoil, K.-U. Markennamen. Sprachliche Strukturen, Ähnlichkeit und Verwechselbarkeit. Ein Beitrag zur forensischen Linguistik des Markenrechts. / Peter Lang. Europäischer Verlag der Wissenschaften. Frankfurt am Main-Berlin-Bern-New York-Paris-Wien, 1999. 246 S.
21. Voigt, G. Zur linguistischen Bestimmung des Markennamens. // Hrsg. Kürschner, W. Grammatik, semantik, Textlinguistik. Tübingen, 1985. S. 23-36.

About the author:

Mukhametzyanova Liliya Rinatovna – senior lecturer, Kazan Federal University (Kazan, Russia). Spheres of research and professional interest: cultural linguistics, linguoculturology, paragraphemic, onomastics. E-mail: aklilya@bk.ru.

* * *

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОССИИ В СМИ ГЕРМАНИИ

В.А. Нагуманова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматривается проявление бинарной оппозиции «свой – чужой» в текстах СМИ Германии при метафорическом представлении России. Методом сплошной выборки были отобраны метафорические высказывания за период 2011 – 2015 гг. и распределены по тематическим областям. В статье обсуждаются наиболее представленные области – «Внешняя и внутренняя политика», «Экономика» и «Географическое положение. Положение в пространстве». В отличие от родственных статей, в которых изучаются отдельные типы метафор или исследуются метафорические высказывания, используемые при описании какого-либо события, в данной работе автор рассматривает метафоры в более широком контексте и стремится изучить влияние различных метафор на восприятие России как «своей» или «чужой». Соотнесение России с той или иной сферой существенно влияет на создание образа России в Германии. Автор приходит к выводу, что отнесение России в сферу «чужого» не только подчёркивает чуждость и отдалённость страны, но и в некоторых случаях формирует образ враждебного государства, при этом в немецких СМИ неоднократно отмечается взаимозависимость двух государств, нуждающихся в тесном сотрудничестве.

Ключевые слова: бинарная оппозиция, дихотомия, «свой – чужой», метафорический образ, концептуальная метафора, Россия, СМИ Германии.

Бинарная оппозиция «свой – чужой» является базовой для любой языковой картины мира (ЯКМ) и «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [5, с. 126]. Эволюционно обусловленное деление «своих» (людей) и «чужих» (не людей) глубоко укоренилось в сознании людей и со временем приобрело социальный статус [1, с. 5]. Дихотомия «свой – чужой» основана на восприятии приближенности – удалённости от объекта, а также в рамках восприятия географического пространства [8, с. 36]. Более того, данная оппозиция может подчинять себе связанные со структурой времени и пространства оппозиции [6, с. 69–70].

Многоплановость и базисность дихотомии «свой – чужой» позволяет использовать её в ис-

следованиях разного характера. В образе «своего» или «чужого» в данной статье выступает Россия с позиции немецкого потребителя СМИ Германии. Мы опираемся на идею о том, что сфера «чужое» делится на «территориальный, социальный, этнический, конфессиональный и другие сегменты, которые, в свою очередь, занимают различные позиции внутри одного компонента и отличаются внутренней структурированностью» [3, с. 50].

Особый интерес вызывает проявление бинарной оппозиции «свой – чужой» в текстах СМИ на основе метафорических высказываний. Метафора, создающая яркий запоминающийся образ, играет важную роль в представлении России в Германии, так как способна оказывать сильное воздействие на читателя, влиять на его восприятие действительности [7, с. 126], что особенно

актуально в связи с неоднозначностью образа России в Германии [2], которая традиционно представляется не в самом позитивном свете [4, с. 89]. Целью данной работы является выявление особенностей проявления дихотомии «свой – чужой» в текстах печатных СМИ Германии при создании образа России с помощью метафорических высказываний.

Методика исследования

Предметом исследования являются отобранные методом сплошной выборки концептуальные метафоры, отражающие представление о России как о «своей» или «чужой» в таких печатных СМИ Германии как *Welt*, *Tagesspiegel*, *Wirtschaftswoche*, *Süddeutsche Zeitung*, *Tageszeitung*, *Spiegel* за период с 2011 по 2015 гг. Выбор периода обусловлен тем, что он богат метафорическими высказываниями, имеющими как весьма позитивную, так и крайне негативную оценку, что связано с событиями в самой России и за её пределами, которые вызвали неоднозначную оценку в Германии. Обнаруженные метафоры были поделены на тематические области. В статье рассматриваются области, в которых было обнаружено наибольшее количество метафорических высказываний, – «Внешняя и внутренняя политика», «Экономика», «Географическое положение. Положение в пространстве».

Результаты

Наиболее представленной оказалась область «Внешняя и внутренняя политика». Что касается внутреннего устройства государства, то Россия выступает в качестве абсолютно чуждого Германии явления. Немцы ассоциируют себя с демократией, правами человека, а в текстах СМИ создаётся образ антидемократичного восточного соседа. Особенно ярко это выражается с помощью пространственных метафор, отражающих насколько далеко Россия находится от демократии и верховенства закона (пример 1). В данном случае «свое» для немцев – это демократические ценности, права и свободы, «чужое» – это их отсутствие, нарушение.

(1) *Auch mit einem Staat wie Russland, der meilenweit von Rechtsstaatlichkeit und Demokratie entfernt ist, sollten wir kooperieren. (Tageszeitung, 26.09.2011)*

(2) *Das unbeirrbar festhalten an der Unterstützung für das mörderische Assad-Regime in*

Syrien illustriert unterdessen, dass Putin Russland, im Verbund mit China, weltpolitisch als führende Destruktivkraft im Kampf gegen die Ausbreitung von Demokratie und Menschenrechten etablieren will – und damit eine „moderne“ Autokratie als Gegenmodell zur westlichen demokratischen Zivilisation anzubieten versucht. (Welt, 23.08.2012)

Если политика России на международной арене не соответствует ожиданиям Германии, то её поведение сразу относят в сферу «чужого», представляя как опасность для демократических ценностей, как нападение на «свое» (пример 2). Кроме того, в непростые для российско-германских отношений моменты, например, во время разразившегося осенью 2013г. украинского кризиса, России как абсолютно «чужой» приписываются многочисленные негативные характеристики. Страна представляется авторитарной, непредсказуемой, как государство с высоким уровнем коррупции и отсталой экономикой (примеры 3, 4). Таким образом, России приписываются характеристики, которые абсолютно чужды Германии.

(3) *Denn es gehört zu den Methoden eines Willkürregimes, unberechenbar zu sein und mit dieser Unsicherheit psychischen Terror zu verbreiten. (Welt, 16.10.2013)*

(4) *Das Land gilt vielen Beobachtern im Westen als durch und durch korrupt, autoritär und zurückgeblieben. (Welt, 13.08.2013)*

В общем и целом, в немецких СМИ чуждость России европейскому порядку связывается с особым, характеризующимся другой логикой, путём развития (примеры 5, 6). Таким образом, страна предстаёт «чужой», например:

(5) *Vor dem gleichen Problem steht auch Russland, obwohl das Land eine ganz andere Entwicklung hinter sich hat (Welt, 22.08.2011)*

(6) *Doch Theorie und Fakten sind in der russischen Vorstellungswelt zweitrangig, ihr Denken folgt einer anderen Logik als im Westen. Dies erschwert den Umgang mit Moskau zuweilen. (Tageszeitung, 23.12.2011)*

Образ «чужой» России усиливается военной метафорикой, представляющей Россию как враждебное государство, как геополитического противника (примеры 7, 8).

(7) *Unterlässt keinen Zweifel daran, dass Moskau den Westen als Feind betrachtet (Welt, 18.07.2012)*

(8) *Russland dagegen nutzt seine Energieindustrie als geostrategische Waffe. (Spiegel, 17.02.2015)*

Опасность, исходящая от России, описывается также с помощью лексем «Konkurrenz»,

«Konkurrent» (примеры 9, 10). Конкурент – это соперник, с которым нужно бороться, состязаться, поэтому в сферу «своего» его никогда не относят. Подобные высказывания формируют восприятие России не только как «чужой», но и как противника, который хочет ослабить Европейский Союз, например:

(9) *Doch die EU ist im Osten nicht ohne Konkurrenz...* (Welt, 18.11.2013)

(10) *...die Europäische Union als außenpolitischen Konkurrenten zu schwächen.* (Spiegel, 24.11.2014)

Тем не менее, нередко встречаются высказывания, подчёркивающие взаимозависимость двух стран (примеры 11, 12). При этом важность России как стратегического партнёра для Германии отмечается не самими журналистами, а передаётся со слов политиков, бизнесменов или дипломатов (пример 11).

(11) *Diplomaten raten aber trotzdem lieber zur Zurückhaltung, weil Moskau für die EU ein wichtiger strategischer Partner sei.* (Welt, 20.11.2011)

(12) *...in dem geografischen Nachbarn Russland den europäischen Partner Russland erkennen.* (Tagesspiegel, 18.12.2012)

В тематической области «**Экономика**» также часто используется лексема «партнёр» (пример 13), относящая Россию в сферу «своего», как и высказывания, основанные на театральной метафоре (пример 14).

(13) *Russland ist für die deutsche Wirtschaft ein wichtiger Partner.* (Welt, 13.11.2011)

(14) *Mehr als 25 Prozent des europäischen Gasverbrauchs und circa 35 Prozent des deutschen Gasverbrauchs werden gegenwärtig von russischen Gaslieferungen gedeckt. Aufgrund der geografischen Nähe und der Verfügbarkeit von russischem Erdgas wird Russland auch in Zukunft eine große Rolle spielen.* (Welt, 13.11.2011)

С помощью понятия «**рынок**» в зависимости от контекста и ситуации Россию можно представить как «свою», т.е. важную, имеющую значение (примеры 15–17), так и как «чужую», т.е. не представляющую интереса (примеры 18,19).

(15) *Das russische Riesenreich wird von deutschen Konzernen gerne als sagenhafter Absatzmarkt gepriesen.* (Welt, 5.07.2013)

(16) *Bei MAN, das Russland als einen der bedeutendsten Zukunftsmärkte betrachtet und den Markt bislang ausschließlich aus dem Ausland beliefert, will man die ärgerlichen Umstände partout nicht offiziell kommentieren.* (Welt, 5.07.2013)

(17) *Für viele deutsche Firmen ist Russland ein wichtiger Markt* (Welt, 27.03.2014)

(18) *...Russland ist kein Markt von Zukunftsinteresse.* (Wirtschaftswoche, 22.09.2014)

(19) *...der wichtigere Markt ist Russland. Oder besser: war Russland* (Süddeutsche Zeitung, 31.10.2014)

В СМИ Германии также обращается внимание на тот факт, что при благоприятной экономической ситуации Германии весьма выгодно сотрудничать с Россией (пример 20).

(20) *Russland war für deutsche Unternehmen bis zur Krise eine Goldgrube* (Zeit, 19.02.2015)

В тематической области «**Географическое положение. Положение в пространстве**» встречаются высказывания, основанные на метафоре пространства. Перемещая Россию на ту или иную сторону, немецкие СМИ то квалифицируют Россию как европейское государство евразийского континента (пример 21), то исключают её из европейской цивилизации (пример 22).

(21) *Dass Russland an der Seite Europas stehe, sei nicht selbstverständlich, warnt Steinmeier.* (Tagesspiegel, 28.09.2011)

(22) *Russland steht auf falscher Seite der Geschichte...* (Welt, 11.03.2012)

В СМИ Германии также нередко подчёркивается, что народы ЕС и России являются соседями и их судьбы неразрывно связаны (пример 23).

(23) *Die Völker der EU und Russlands sind Nachbarn, und sie sind schicksalhaft miteinander verbunden.* (Tagesspiegel, 18.12.2012)

В некоторых случаях для описания пространственного положения России используется физиологическая метафора. В примере 24 представление России в качестве живого организма существенно упрощает понимание сложной действительности. Сердце России – орган, играющий такую важную роль в жизни организма, с которым проводится много параллелей и ассоциаций в повседневной жизни, – находится в Европе. В данном примере подчёркивается, что важная часть России не «чужая».

(24) *Auch wenn der größere Teil Russlands jenseits des Urals liegt, schlägt das Herz des Riesenreiches doch in Europa.* (Tagesspiegel, 18.12.2012)

Дискуссия

Несмотря на то, что Россия довольно часто фигурирует в заголовках немецких газет, страна продолжает вызывать неоднозначную реакцию, о чём свидетельствуют разнообразные метафорические высказывания в немецких СМИ. Яркие образы в зависимости от цели автора способны

повлиять на восприятие России как «своей» или «чужой», при этом при отнесении России в сферу «чужого» с помощью метафорического высказывания стране автоматически приписываются характерные черты – географическая удалённость, чуждость, непохожесть, дикость, а также подчёркиваются отличия России от Германии. Рассмотренные примеры в тематической области «Внешняя и внутренняя политика» показывают, что Россия во многом «чужая» для Германии страна. Ключевую роль играет отношение России к демократическим ценностям и верховенству закона. Несогласие Германии с политикой России по некоторым вопросам находит отражение в текстах СМИ в использовании военной метафоры, которая только усиливает отчуждение, делает Рос-

сию не просто «чужой», но даже враждебной. Тем не менее, нередко журналистами подчёркивается взаимозависимость двух стран и их потребность друг в друге, что проявляется в первую очередь в области «Экономика». В данной тематической области определяющими понятиями являются «партнёр» и «рынок», с помощью которых Россию то отдаляют, то приближают к Германии. Немаловажную роль также играет тематическая область «Географическое положение. Положение в пространстве». С помощью различных метафорических высказываний Россию то приближают к Европе, то отдаляют, при этом имеется в виду не столько географическая удалённость России от Германии, сколько схожесть цивилизационных основ, культуры и выбранного пути.

Список литературы

1. Васильева Е.В. Концептуальная оппозиция ИНДИВИД – ГРУППА в языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 24 с.
2. Глушак В.М. Взаимное восприятие русских и немцев от древности до наших дней // Русские и немцы. 1000 лет истории, искусства и культуры. М.: Архив Российской Академии наук, 2012. С. 22-31.
3. Кишина Е. В. Смысловая модель категоризации «своё – чужое» на уровне политического дискурса // Вестник Томского государственного университета. Сер. «Филология». 2009. № 1 (5). С. 47–52.
4. Орехова О.Е. Образ России в «зеркале» ведущих надрегиональных еженедельников ФРГ // Закон и Право. 2006. № 11. С. 89 – 90.
5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры.: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
6. Цивьян Т. В. Модель мира и её лингвистические основы.: Изд. 2-е, доп. М.: КомКнига, 2005. 280 с.
7. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2012. 256 с.
8. Leach, E. Anthropological Aspects of Language: Animal Categories and Verbal Abuse // New Directions in the Study of Language / Ed. E. H. Lenneberg. Cambridge: MIT Press, 1964. P. 34—40.

Сведения об авторе:

Нагуманова Вера Александровна – преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвокультурология, лингвострановедение, когнитивная лингвистика. E-mail: hexagon6@mail.ru.

BINARY OPPOSITION US/THEM IN THE METAPHORICAL REPRESENTATION OF RUSSIA IN GERMAN MEDIA

Vera A. Nagumanova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: The article is devoted to the problem of binary opposition us/them that represents Russia in German media with a help of metaphors. The continuous sampling method was used to find metaphors from 2011 to 2015 which were classified thematically. The article discusses the biggest groups of metaphors

“Foreign and domestic policy”, “Economy”, “Geographic location. Space position”. In comparison with related articles, which analyze different types of metaphors, or metaphorical word usage that concerns certain event this paper discusses metaphors in a broader context as well as their influence on perception of Russia as a “friend” or “foe”. Correlation of Russia with the first or the second predetermines the image of Russia. The author comes to the conclusion that the attribution of Russia to the class of «foes» not only underlines the foreignness and remoteness of the country but in some cases also forms the image of a hostile state, in this case the German media repeatedly draw attention to the interdependence of both states that need strong partnership.

Key Words: *binary opposition, dichotomy, us/them, metaphorical image, conceptual metaphor, Russia, the German media.*

References

1. Vasil'eva, E.V., Kontseptual'naya oppozitsiya INDIVID – GRUPPA v iazykovo kartine mira [Conceptual opposition INDIVIDUAL – GROUP in the linguistic world image]. avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2001, 24 p.
2. Glushak, V.M. Vzaимное vospriyatіe russkikh i nemtsev ot drevnosti do nashikh dnei [Mutual perception of the Russians and Germans from antiquity to present day] In: *Russkie i nemtsy. 1000 let istorii, iskusstva i kultury* [The Russians and the Germans. 1000 years of history, art and culture]. Moscow: Arkhiv Rossiiskoi Akademii nauk [Archive of Russian Academy of Sciences]. pp. 22–31.
3. Kishina, E.V., Smyslovaia model' kategorizatsii «svoe – chuzhoe» na urovne politicheskogo diskursa [Conceptual model of categorization “us/them” in the political discourse]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Filologiya» [Journal of Tomsk State University, Philology]. 2011, no. 1(5), pp. 47–52.
4. Orekhova, O.E., Obraz Rossii v «zerkale» vedushchikh nadregionalnykh ezhenedel'nikov FRG [The image of Russia in the «mirror» of the leading German supra-regional weekly newspapers]. // *Zakon i Pravo* [Law and Justice]. 2006, no. 11, pp. 89–90.
5. Stepanov, Ju. S. Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury [Constants. The dictionary of Russian culture]. Akademicheskii proekt, Moscow, 2004, 992 p.
6. Tsiv'jan, T. V. Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy [The world model and its linguistic framework]. Moscow: KomKniga, 2005, 280 p.
7. Chudinov, A.P. Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka, 2012, 256 p.
8. Leach, E. Anthropological Aspects of Language: Animal Categories and Verbal Abuse // *New Directions in the Study of Language* / Ed. E. H. Lenneberg. Cambridge: MIT Press, 1964. P. 34–40.

About the author:

Vera A. Nagumanova – Lecturer of the German Language Department, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: cultural linguistics, country study and cognitive linguistics.

E-mail: hexagon6@mail.ru.

✱ ✱ ✱

СПЕЦИФИКА ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ЯПОНЦЕВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Н.В. Раздорская

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматривается влияние виртуальной коммуникации в социальных сетях на модификацию лексического состава японского языка и изменение орфографических норм оформления устной речи. С развитием компьютерных технологий в интернет-пространстве возникают группы по интересам, создаются форумы и социальные сети, язык виртуального общения в которых становится более вариативным и переходит от стадии символики к креативной стадии, когда пользователи получают возможность не просто обмениваться краткими сообщениями, а выражать своё мнение, принимать участие в дискуссиях. Новые условия общения приводят к образованию особого лексического пласта трансформеров и переносу специфики, свойственной устной речи, в письменную, способствуя дальнейшему сближению обеих форм языкового взаимодействия. На основе анализа переписки в социальных сетях и примеров из японских источников делается вывод о том, что язык вежливости кэйго практически не используется и это может создать определённые трудности с выбором правильных форм при реальном общении. И, наоборот, простые или фамильярные формы, допускаемые в письменной речи, имеют ограниченное употребление, и их автоматический перенос в повседневную жизнь может стать помехой в установлении социальных контактов. Активно внедряющиеся в японский язык неологизмы в большинстве своём подчиняются нормам японской фонетики и грамматики, но под их влиянием происходят значительные отклонения при письменной фиксации передаваемого текста. При отсутствии визуального контакта в социальных сетях происходит формирование письменной разговорной речи, анализ и учёт которой важны для адекватного восприятия информации и лучшей ориентации в японском интернет-пространстве.

Ключевые слова: японский язык, социальные сети, неологизм, виртуальная коммуникация, морфемная контракция, компьютерные технологии, блогосфера, устная и письменная речь.

Развитие компьютерных технологий и расширение возможностей виртуального общения привели к формированию новой языковой ситуации, при которой возникает особая межличностная коммуникация, приводящая к ликвидации монолингвизма. В современном японском обществе, особенно среди молодёжи, изучающей в школе и институте иностранные языки, употребление в повседневной речи заимствованных слов и виртуальное общение в Интернете с соотечественниками и друзьями, проживающими за рубежом, перестало считать-

ся чем-то необычным. «Модное» употребление иностранных заимствований часто расценивается молодыми людьми как показатель образованности и начитанности, тем самым способствуя постепенному увеличению доли этой лексики в современном японском языке [11, с.141–152].

В японском Интернете существуют как международные системы поиска (Google, Yahoo, Alta Vista), в которых информация представлена на английском и японском языках, так и разветвлённая сеть японских поисковиков. Со стартовой страницы <http://www.searchdesk.com> можно

сразу выйти на сайты основных японских газет, журналов, электронных словарей, блогов и т.д.

В Японии ещё в конце 70-х годов XX века была разработана технология преобразования знаков японской азбуки хирагана в иероглифику с целью предоставления пользователям компьютеров возможности работать в японоязычном Интернете. А с начала 80-х годов японцы стали пользоваться услугами электронной почты на родном языке и многочисленными мобильными приложениями, предназначенными для обмена сообщениями [10, с.154–159]. В настоящее время 90% говорящих на японском языке в той или иной форме используют Интернет, это самый высокий показатель в мире [16].

С появлением мобильных приложений основное общение между коммуникантами стало осуществляться в виде текстовых сообщений с новыми способами передачи информации, обеспечивающими скорость и краткость. Это происходило путём внедрения специальной графической системы картинок-смайликов 絵文字 эмодзи, ставших элементами молодёжной культуры Японии, и интернет-лексики, употребляемой в он-лайн играх, чатах, форумах, а также СМС переписке [4, с.132–134; 5]. Особенности такой лексики заключаются в использовании иностранного сленга, морфемной контракции, смешанных сокращений и изменения иероглифической семантики.

1. Интернет-сленг, распространённый в Европе и США, используется в случаях, требующих быстрой реакции ввода слов-сокращений по типу онлайн-овых игр. Используемые английские аббревиатуры, имеющие аналоги на японском языке, могут быть взаимозаменяемыми, как:

lol (laugh out loud) 「大笑い」 *очень смешно!*

Ty (thank you) 「ありがとう」 *спасибо*

fyi (for your information) 「参考までに」 *к сведению*

afk (away from keyboard) 「一時退席中」 *отлучусь*

irl? (In real life?) 「現実で?」 *реально?*

BRB (Be right back) 「すぐ戻る」 *скоро буду*

Существует и так называемая система надписей Leet, введённая в обращение для радиокоммуникации. Она составлена по принципу сигналов азбуки Морзе, например, B4 – before ранее, TNX – thanks спасибо и т.д.

2. Морфемная контракция проявляется в следующих случаях:

а) при сжатии слов, написанных как азбукой хирагана, так и азбукой катакана, например:

おめ (оめでとう) Поздравляю! あり (あらがとう) Спасибо, благодарю;

ぼ (おかえり, ぽかえり) С возвращением! コピー (コピー&ペース) Скопируй и перешли (перепост); ヨロ (よろしく) Ну, пока!

б) при эллипсисе части фразы, например:

誰得 「誰が得するんだよ!」 Кто должен выиграть?!

俺得 「俺が得するんだよ!」 Я выиграю! Моя взяла!

в) при замене слова на один иероглиф:

乙 (お疲れ様) До свидания!/Спасибо; 念 (コピペ) Сохранить и переслать;

芝 (わらう) Смешно!

3. Смешанные сокращения. Они образуются в случаях:

а) использования в одном слове или словосочетании знаков японских азбук и букв латинского алфавита:

わず (was) Где был? こ n (こんにちは/こんばんは) Добрый день/вечер [5]

б) цифровой аббревиации, встречающейся и в китайском интернете [8, с. 64], при которой слово графически фиксируется фонетиками, не отражающими его смыслового значения, например: 55 ГОО-ГОО ゴーゴ (go,go) Давай, начинай! (при игре); 46 ЁНРОКУ よろしく Ну, пока! (при расставании).

4. Семантическое несоответствие. Подбор иероглифики по фонетикам, не связанный с семантическим использованием:

今北 (今来た) ИМА КИТА Только что пришёл; 産業 (三行) САНГЁ: 三行で短く説明してくれ Объясни вкратце (в трёх словах) и т.д.

Некоторые неологизмы, отражающие современные компьютерные понятия, могут одновременно графически фиксироваться и катаканой, и иероглифами, часто подобранными на основе семантики или фонетики. Например, 窓 МАДО окошко (Microsoft Windows)、林檎 РИНГО яблоко (Mac OS Apple)、密林 МИЦУРИН чаща (Amazon)、割れ ВАРЭ осколок (Warez)、鯖 САБА скумбрия (Server)、垢 АКА грязь, накуп (Account)、良悪 ИИАКУ (イー・アクセス) хороший доступ и т.д.

Развитие технологий, позволившее увеличивать возможности компьютеров, способствовало появлению в интернет-пространстве групп по интересам, созданию форумов и социальных сетей, пользователи которых получили возможность не просто «перекидываться» краткими сообщениями, а выражать своё мнение, принимать участие в дискуссиях. Благодаря этому язык вир-

туального общения становится более вариативным и переходит от стадии символики к креативной стадии.

В Японии, где традиционно существуют устная и письменная формы речи, отличающиеся грамматически, лексически и стилистически, выбор стилей вежливости при общении зависит от социальной, возрастной и гендерной принадлежности говорящих, такие условия связаны с определённой модификацией языка, используемого для коммуникации в блогах и социальных сетях. Компьютерная среда создаёт новые условия общения и переписки при отсутствии визуального контакта и ограничении личной информации. Практически в неизменном виде остаются язык текстов информационного характера и переписка по электронной почте, поскольку предполагается наличие собеседника с определённым социальным статусом, что накладывает определённые обязательства в рамках общепринятого этикета. В социальных сетях пользователи часто остаются обезличенными: указывать ли на своей страничке настоящее имя или использовать псевдоним, место работы или учёбы, размещать ли своё фото или поместить портрет любимой собачки – право пользователя. «...Поскольку многие сидят в чатах, в сетях, ...общаются виртуально, они фактически не имеют опыта реального общения. В сети ты можешь быть под другим именем, ты можешь его поменять и исчезнуть, стать другой личностью – и ты вообще ни за что не отвечаешь» [14].

Наиболее популярными в Японии являются международные социальные сети Лайн (70 млн. пользователей), связывающие Японию, Тайвань, Тайланд и Индонезию, а также Твиттер (45 млн. пользователей), Фейсбук (28 млн. пользователей), Инстаграм (20 млн. пользователей) и японская социальная сеть Микси (7,6 млн. пользователей) [19]. Причём за последние 4 года число активных пользователей этих сетей выросло более чем в 2 раза. Твиттер стал популярным среди молодёжи во многом благодаря внедрению функции передачи видеоизображений: из 45 миллионов пользователей этой сети 62,5% приходится на возрастную категорию 20-летних [6, с.3]. Инстаграм активно пользуются подростки и молодёжь до 25 лет, а Фейсбук пополнил свои ряды за счёт возрастной категории лиц старше 30 лет (43,5% пользователей) и 40 лет (39% пользователей) [20]. Интересно, что 84,8% японских пользователей Фейсбук зарегистрированы в сети под своими реальными фамилиями и именами, а в Твиттере

имена указывают лишь 23,5% пользователей [2, с. 208]. Таким образом, социальные сети объединили многочисленных пользователей различных возрастных и гендерных групп, принадлежащих разным слоям общества, излагающих в письменной форме свои впечатления и комментирующих те или иные события. В реальной жизни их общение либо отсутствовало вообще, либо протекало бы по установленным этическим принципам – к старшим следовало обращаться с использованием вежливых глагольных форм и префиксов, о себе говорить скромно, в паузы вставлять слова-поддакивания *айдзуги*, сопровождая речь поклонами при знакомстве, прощании, а также при выражении благодарности или извинения. Это касается и использования регламентированного словоупотребления и невербального поведения (определённых жестов и мимики), а также интонационной составляющей. Отсутствие информации о партнёре и его визуального восприятия, а также возможность оставаться неопознанным при общении в социальных сетях привели к появлению языковой специфики, проявляющейся в стирании различий между устной и письменной речью современных японцев.

На веб-сайтах Интернета (блогах, переписке в мессенджерах, на веб-форумах, онлайн-овых играх) широко используется так называемый «язык сообщества», включающий в себя три типа лексики: скрытые слова, сленг и профессиональный жаргон. Это искусственно созданный лексический уровень коммуникации только между членами одной группы, при которой коды скрытых и профессиональных слов по традиции передаются следующим поколениям, сленг же существует недолго и может со временем изменяться.

Учёный-социолингвист Мацуда Кэндзио в своём исследовании языка виртуального общения на сайте социальной сети Микси студентов университета Сёин дзёсигакуин (г. Кобэ) отмечает следующие особенности словоупотребления, связанные с появлением «языка сообщества» в Интернете:

– Использование при переписке намеренно искажённых слов, фиксируемых вместо семантических иероглифов знаками слоговых азбук *катаканы* и *хираганы*, а также замены иероглифов их фонетиками. Например, модификация глаголов выглядит следующим образом: 「○○を希望する」 КИБО:СУРУ (*хотеть, желать*) меняет форму на *きぼーん* КИБООН • *きぼん* КИБОН • *キボンヌ* КИБОНУ, *発見する* ХАККЭН СУРУ (*обнаружить*) выглядит как *ハクン* ХАКЭЭН, *済ま*

ない СУМАНАЙ (*извини*) превращается в ス マ ソ СУМАСО и т.д. Существительные часто модифицируются в жаргонизмы, например: DQN ・ ドキュン ДОКЮН ・ ドキュソ ДОКЮСО ・ 毒 素 ДОКУСО (*лох, лузер*), 祭り МАЦУРИ (*вечеринка, встреча*), かいしゅつ ・ 既出 ГАЙСЮЦУ (*выход из дома*) и т.д. Модификация местоимений осуществляется за счёт подмены на фонетически близкие иероглифы: 漏れ МОРЭ (俺 ОРЭ я) 藻前 (おまえ) ОМАЭ (お前 ОМАЭ ты). Прилагательные изменяются за счёт намеренно искажённого написания слов: カワルイ КАКОВАРУИ, カッコ悪い КАККО ВАРУИ (вместо 格好悪い КАККО: ВАРУИ *плохо выглядеть*); かつけー КАККЭЭ (вместо 格好いい КАККО: ИИ *хорошо выглядеть*); 托イ КИМОИ (вместо 気が重い КИ-ГА ОМОИ *тяжело на душе*) и т.д.

– Имитация эмоций с использованием графических компонентов. Например:

キタ——(°▽°)——ツ!! КИТАААААЦ (*пришёл/её!*); w ・ w (笑い) イイ! (*Смех! Здорово!*) [9].

К особенностям словоупотребления в социальных сетях можно отнести и смешанные неологизмы, в которых используется как азбука для написания слов иностранного происхождения (катакана), так и иероглифика. Например, официально признан общепринятым и зафиксирован с 2006 г. в словарях глагол ググル ГУГУРУ (*искать в системе Google*), образованный от английского to google, но изменяемый в соответствии с японской грамматикой, например, : ググれ ГУГУРЭ или ググって来い ГУГУТТЭ КОИ (*Поищи в Google*). При переводе такой глагол звучит аналогично русскому «погуглить». Любопытно, что многие японцы используют этот глагол и когда речь идёт о другой поисковой системе, например, Yahoo. В таких случаях встречается забавное выражение «погуглить в Яху». Нередко встречается и глагол ヤフル ЯФУРУ (*поискать в Yahoo*) ヱィキルВИКИРУ (*поискать в Википедия*).

Наиболее распространённые слова-трансформеры со временем входят в повседневный обиход и становятся обычными для большинства пользователей. Так, в рейтинге наиболее употребляемых в социальных сетях 77 слов, составленного на основе базы данных Yahoo за 2017 год, лидером стала популярная среди молодёжи фраза 草生える КУСАХАЭРУ (*растёт трава*) или в сокращённом варианте просто 草 КУСА (*трава*). Число её использований в различных видах коммуникации составило 109182 раза за один день. Считается,

что первоначально в чатах и коротких почтовых сообщениях вместо иероглифа 笑う ВАРАУ (*смешно/смеяться*) использовалась первая буква английской транскрипции warau, при повторении визуально напоминающая траву – www. Отсюда и возникло выражение «растёт трава», обозначающее смех и получившее за счёт своей оригинальности популярность среди японских интернет-пользователей. Ещё одним примером частотности использования необычной лексики в сетях считается контактоустановительная реплика кансайского диалекта それな СОРЭ НА (сoудaнe СО:ДА НЭ и たしかにね ТАСИКАНИ НЭ *да уж, точно!*), служащая выражением согласия с собеседником. Наибольшее число её упоминаний составило 53496 раз за один день. 22807 раз в день встретилось распространившееся в Твиттере, а затем и в других социальных сетях искусственно созданное слово ふあぼ ФАБО, образованное от английского favorite (フ エイバリット ФЭЙБАРИТТО) и первоначально означавшее для японцев что-либо любимое или понравившееся. В настоящее время пользователи Твиттера, Инстаграм и Фейсбука употребляют это слово в значении «Хорошо, подходит!», встречается оно и в знак подтверждения того, что высланное сообщение прочитано. Часто от него образуют глагольные формы, например, ふあぼった ФАБОТТА (*было хорошо!*), ふあぼる ФАБОРУ или ふあぼする ФАБОСУРУ (*будет здорово!*), и теперь оно перестало восприниматься как сленг [18]. 120 раз за один день было употреблено слово フロリダ ФУРОРИДА, представляющее контракцию целого предложения 風呂に入るから離脱する ФУРО-НИ ХАЙРУ КАРА РИ-ДАЦУ СУРУ (*отлучусь, чтобы принять ванну*).

В современном компьютерном пространстве Японии особое развитие получила блогосфера как специфическая среда сетевого общения, имеющая ряд преимуществ перед электронной почтой, группами новостей, веб-форумами и чатами за счёт возможности регулярно обновлять и пополнять свои записи, добавлять изображения или мультимедиа.

Интернет-коммуникация посредством блогов была поддержана Министерством внутренних дел и коммуникаций Японии, где по инициативе отдела информационной политики и связи в 2006 году была учреждена Ассоциация блогеров с целью развития новой формы общения. Уже в конце 2006 г. по числу блогов на родном языке, составивших 37% блогов во всём мире, Япония вышла на первое место, обойдя публикации на

английском и китайском языках. Именно в Японии впервые появились так называемые «мобуброгу» (мобильные блоги), позволяющие делать записи под снимками в сотовых телефонах [13]. Основные поисковые системы Японии регулярно (ежемесячно, ежеквартально и ежегодно) публикуют тематические блог-рейтинги, что стимулирует деятельность их авторов и вовлекает другие слои населения в информационное сообщество.

Активизируются блоги и в педагогической практике Японии с целью приобщения молодёжи к творческой деятельности в виде написания эссе, дневниковых записей, впечатлений от прочитанной литературы или просмотренных фильмов. Японская система обучения направлена на сохранение навыков грамотного письма и в сферах неформального общения.

Из многочисленных функций блогов наибольшее значение придаётся коммуникативной, самопрезентации и саморазвития, что позволяет активизировать поиск креативных способов эмоционального выражения мысли. Последнее время всё больше преподавателей иностранного языка (в том числе японского для иностранцев) стали открывать свои блоги и использовать их с информационными и учебными целями. Так, по данным за 2006 год только в поисковой системе Гугл по запросу «Обучение японскому языку – блог» существовало 1 млн. 860 тыс. сносок [17].

В отличие от других видов интернет-коммуникации, основанных на скорости, краткости и объединяющих узкий круг участников [3, с. 56–57], блоги ориентированы на прочтение и комментарии широкой аудитории пользователей социальных сетей и представляют собой виртуальную коммуникацию более высокого уровня.

Структурно блог состоит из двух частей: информативной (монолог) и комментарийной (диалог). Целевая ориентация виртуального общения в жанре блога предопределяет форму изложения монологической части текста, представляющей собой письменную речь. В ней могут содержаться элементы и разговорной речи, но структура предложений, лексика и стиль изложения соответствуют нормативному языку и понимаются всеми читающими. Комментарии и реплики, будучи также письменным изложением мыслей читателей, представляют собой неподготовленные спонтанные высказывания и характеризуются рядом особенностей, не свойственных письменной речи.

При ознакомлении с публикациями микроблогов сети Твиттер, отражающими молодёжный способ общения [Twitter] [Phttps://twitter.com/](https://twitter.com/),

и сети Фейсбук, где пользователи старшего возраста осуществляют коммуникацию в группах по интересам и посредством комментариев к информационным сообщениям [21; 22; 23], мы смогли отметить следующие особенности фиксируемой устной речи. Прежде всего, это касается графического оформления текстового материала, для которого характерны:

– Существенное увеличение количества слов, написанных азбукой катакана, традиционно используемой в словах иностранного происхождения гайрайго. Иногда ими записывается и лексика японского происхождения, обычно фиксируемая азбукой хирагана, с целью выделения или акцентирования внимания реципиента. Но в комментарийной части блогов в среднем более половины всего текста записывается либо катаканой либо смешанной азбукой, например, カワイイ、コチラこそ.

– Долгота в словах как японского, так и иностранного происхождения указывается знаком катаканы, например, ありがとー、おいそうー、海かなーって. По правилам орфографии в словах японского происхождения она должна фиксироваться знаком хираганы, соответствующим данному гласному звуку.

– Активное использование знака вопроса (?) и восклицательного знака (!), более характерных для текстов западноевропейских языков, нежели для типично японских предложений. В газетных текстах и электронных версиях средств массовой информации вопросительные предложения оформляются частицей かКА и знаком точки (。), ставящимся в конце. Но в рекламах, на афишах, на главных страницах веб-сайтов встречаются восклицательные знаки, часто выделяемые цветом с целью привлечения внимания читателей (например, на главной странице Яху).

– В японском обществе не принято бурно проявлять свои чувства перед незнакомыми людьми из-за опасения «потерять лицо» и доставить собеседнику неудобства, связанные с необходимостью реагировать на выказанные эмоции. Нередко европейцам приходится удивляться тому, что даже при трагических обстоятельствах лица японцев сохраняют невозмутимость или застывают в любезной улыбке. А участники блогов, широко используя различного рода картинки-смайлики, стремятся продемонстрировать свой эмоциональный настрой. Привыкшие визуально определять семантику иероглифов японцы могут вести переписку, состоящую полностью из таких картинок.

К особенностям письменной речи японцев в блогах можно отнести:

– специфику передачи эмоций посредством несвойственного японскому языку графического отображения слов, произносимых с растяжкой звука, например, *みましたあ* МИМАСИТА-А (*Ой, видел(а)*), *ほしいなあー* ХОСИИ-НАА (*Как хотелось бы...*), *でも美味しそうお* ДЕМО УЦУКУСИСО:-О (*Однако выглядит-то красиво!*). Подобная фиксация звуков как бы имитирует произносимое слово, чем передаёт эмоциональный настрой участника диалога – раздумье, радость или затруднительную ситуацию.

– частотное использование междометий (*うん, ねえ*), оноματοпоэтических наречий (*きゃー*) [15, с. 247], *ふつふつ* [12, с.63], эмоциональных (восклицательных) частиц *ぞ* (решимость), *かな* (раздумье), *よ* (призыв к чему-либо, сильные эмоции) [7, с. 257], заимствованных восклицаний *うわう* (wow), *あつ* (ah), *おつ* (oh), *おおつ* (ooh).

– Присутствие почти в каждом предложении заключительных частиц [7, с. 266], употребляемых в устной речи с целью апелляции к собеседнику, например, *何でしょうね* НАНДЕСЁ-НЭ *что же это?*, *ね НЭ да?*, *よね ЁНЭ да ведь?*, *ねえ НЭ-Э не так ли?*

Среди грамматических особенностей блогов можно выделить:

1. Отсутствие и в монологической части, и в комментарийной частях блога грамматической формы вежливости кэйго, поскольку нет необходимости выстраивать личностные отношения. Текст информативной части может быть написан с использованием либо простых (фамильярных) форм, либо нейтрально-вежливых. Однако комментарийная часть в большинстве содержит отзывы, написанные простыми формами речи и редко – с использованием нейтрально-вежливой формы *ます, です*. Так, в репрезентативных микро-блогах участников группы «Умаймоно-о куу кай» на Фейсбуке из 100 комментарийных реплик 77 были написаны в простой (фамильярной) форме.

2. Тексты комментариев в основном состоят из простых, часто безличных предложений или кратких реплик. Например, *やって見よ*. ЯТТЭ МИЁ (*Давай попытаемся!*) *行ってみたーい*. ИТТЭ МИТААЙ (*Как хочу туда сходить!*) *たまには頑張って作らなきゃ*. ТАМА-НИ ВА ГАМБАТТЭ ЦУКУ-РАНАКЯ (*Иногда нужно собраться силами и сделать!*).

3. Употребление сокращённых форм отдельных частей речи, например:

食べっちゃうの ТАБЭТТЯУ образован от глагольной формы *食べてしまう* ТАБЭТЭ СИ-МАУ (*съесть*), *こりゃー* КОРЯ (*это*), образовано от местоимения *これ* и частицы *は* КОРЭ ВА, *しなкья* СИНАКЯ образовано от условной глагольной формы *しなければ* (*если сделать*), *みせとく* МИСЭТОКУ от глагола *見せておく* МИСЭТЭОКУ (*показать*) и т.д.

4. Отсутствие показателей падежей, что также встречается в устной речи, например: *いたい何処行くんだ!* ИТТАЙ ДОКО ИКУ-Н ДА (*Куда же едешь-то!*) *頭大丈夫か* АТАМА ДАЙД-ЗЁБУ КА? (*Всё в порядке с головой?*)

5. В комментарийной части редко встречаются глаголы правильной грамматической формы. Используются контракционные формы, свойственные устной разговорной речи, например:

人間って残酷やなあー (человек-то ужасно残酷だなあ) *Человек жесток!*

しってこと (зная что-то) *Знаю об этом*

こうなっちゃうんだね (становится так) *Так вот произойдёт.*

6. Наличие неоконченных предложений альтернативного характера, например, *とか* ТОКА (*или?*), *機会があれば, ぜひ...* КИКАЙ-ГА АРЭБА ДЗЭХИ... (*будет случай – непременно...*) *リンゴと栗さあどっち* РИНГО ТО КУРИ...СА...ДОТТИ (*что – яблоко или каштан?*).

7. Инверсия с целью придания большей выразительности: *ダメだこりゃー*

ДАМЭ ДА КОРЯ (*не годится... вот это*); *たまらなくておいしそう, ビールは* ТАМАРАНА-КУТЭ ОИСИСО: БИ:РУ ВА (*ну просто очень выглядит аппетитно... это пиво*).

Таким образом, современный японский язык, используемый в блогах социальных сетей, представляет собой графическую смесь письменной и устной речи. В текстах комментариев и реплик прослеживается тенденция к сближению письменной речи по форме фонетической фиксации с европейскими языками, ранее не характерной для японского языка и отмечавшейся российскими лингвистами в качестве одной из его специфических особенностей [1, с. 41].

Виртуальная коммуникация в социальных сетях даёт основание сделать вывод о том, что изменённые условия общения способствуют дальнейшему сближению устной и письменной речи как двух форм языкового существования японцев.

Не потерявший своей актуальности язык вежливости кэйго в сетях практически не используется, что может создать определённые трудности у молодого поколения при выборе правильных форм при реальном общении. И, наоборот, простые или фамильярные формы, допускаемые в письменной речи, имеют ограниченное употребление, и их автоматический перенос в повседневную жизнь может стать помехой в установлении социальных контактов.

Совершенствование компьютерных технологий стимулирует активное внедрение в японский язык неологизмов, возникающих на основе мультилингвизма, но в большинстве своём

подчиняющихся нормам японской фонетики и грамматики. Однако под их влиянием значительные отклонения от принятой нормы претерпевает письменная фиксация передаваемого текста. Наиболее употребляемые в социальных сетях молодыми пользователями слова-трансформеры и сленг часто переносятся ими в реальную действительность и становятся частью лексического слоя современного японского языка. Знание и учёт современной специфики виртуального общения важны для адекватного восприятия текстового содержания и правильной ориентации в японском интернет-пространстве.

Список литературы

1. Алпатов В.М. Япония: язык и общество. Москва: Наука, 1988. 135с.
2. Белая книга по связи и информации Министерства внутренних дел и коммуникаций Японии / 情報通信白書 (総務省) . Токио: Министерство внутренних дел и коммуникаций, 2016. 491с.
3. Буторина Е. А. Поговорить?: Интернет как лингвистический феномен// Мир медиа XXI. 1999, №1. С.56–58.
4. Ёнакава А. И это тоже японский язык! И это тоже японский язык? 米川明彦「これも日本語! これもニホン語?」. Токио: NHK сьппан кёкай, 2006. 206с.
5. Ёнакава А. Наблюдение за словами. Введение/米川明彦「ことば観察にゆうもん」. Токио: Фукуинкан сётэн, 2010. 46 с.
6. Котани К. Почему среди молодёжи распространено словечко «спокойно»?/ 小谷和也「若者に「チル」という言葉がはやっている理由とは?」 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://headlines.yahoo.co.jp/article?a=20171208-64505245-trendy-bus_all&p=3 (Дата доступа 8 декабря 2017 г.)
7. Лаврентьев Б.П. Практическая грамматика японского языка. Москва: «Живой язык», 2001. 351с.
8. Лунева Ю.В. Некоторые особенности лексического состава китайского языка // Московский государственный областной университет. Вестник. 2010, №4. С.62–65.
9. Мацуда К. Мир Интернета и язык сообщества/ 松田謙次郎「ネット社会と集団語」//日本語学. Токио, 2006, №25(10). [Электронный ресурс] – Режим доступа: sils.shoin.ac.jp/~kenjiro/papers/shudango.pdf (Дата доступа 15 января 2018г.)
10. Нисигаки Т., Jonatan R. Lewis. Что станет с японским языком из-за Интернета?/ 西垣通、Jonatan Robert Lewis インタネット で日本語はどうなるか. Токио: Иванами сётэн, 2001. 272с.
11. Раздорская Н.В. Иностранцы заимствования в текстовых материалах японских СМИ //Японский язык в ВУЗе: актуальные проблемы преподавания, вып.16. Материалы научно-методической конференции «Японский язык в ВУЗе (октябрь 2016г.)». Москва: изд-во «Ключ-С», 2017. С.141–152.
12. Румак Н.Г. Ономастическое слово японского языка. Москва: ИСАА МГУ, 2015. 92 с.
13. Такэбэ К. Почему блогов на японском языке больше, чем на английском?/ 武部 健一「英語を超えた日本語ブログの投稿数、その理由は?」 // Никкэй Х-тек, 16.04.2007. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://itpro.nikkeibp.co.jp/article/COLUMN/20070411/268068/?rt=topic> (Дата доступа 22 ноября 2017 г.)
14. Черниговская Т.В. Формально мы в одном пространстве, но реально – в разных. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/stewardess0202/post414535563/> (Дата доступа 23 июня 2017 г.)
15. Японо-русский словарь/ под ред. Фудзинума. Токио, Кэнкю:ся, 2000. 1183с.
16. Internet World Stats/ Internet Coating Library. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.internetworldstats.com/stats7.htm> (Дата доступа 24 июня 2017г.)
17. Сайт Японского фонда развития международных связей. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.jpfg.go.jp/j/project/japanese/teach/tsushin/archive/6-016.html> (Дата доступа 23 июня 2017 г.)
18. Сайт рейтинга блогов за 2017 год от 16.01.2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://jikitourai.net/school-girl-use-expression#best15> (дата доступа 23 января 2018 г.)
19. Информационный сайт социальных сетей Японии Comnico. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://blog.comnico.jp/we-love-social/sns-users> (Дата доступа 21 ноября 2017 г.)
20. Информационный сайт Японии Social Media Lab. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://gaiax-socialmedialab.jp/post-30833/> (Дата доступа 22 ноября 2017г.)
21. Сайт 12 лучших блогов// 22.01.2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://blogos.com/outline/272780/> (Дата доступа 26 января 2018 г.)
22. Сайт группы «Любителей вкусно поесть». [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.facebook.com/groups/umaimonwokuukai/?multi_permalink=1145829345519568¬if_id=1514289321663098¬if_t=group_highlights (Дата доступа 26 января 2018 г.)

23. Сайт любителей блогов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kasakoblog.exblog.jp/> (Дата доступа 27 января 2018 г.)

Сведения об авторе:

Раздорская Наталья Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвокультурология, лингвострановедение, использование IT технологий в учебном процессе. E-mail: nrazdorskaya@mail.ru.

SPECIFICATION OF VIRTUAL COMMUNICATION OF THE JAPANESE IN SOCIAL NETWORKS

Natalia V. Razdorskaya

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *The article considers the influence of virtual communication in social networks on the lexical and orthographic change of oral speech representation. The development of computer technologies creates groups of interest, forums and social networks in the Internet where the language of virtual communication becomes more variable moving from its being symbolic to a more creative one, when users get the opportunity not just to exchange short messages but express their opinion. A new sphere of communication originates a new lexical layer of transformers and promotes the convergence of written and oral types of speech interaction. The analysis of correspondence in social networks and examples from Japanese sources have showed that the language of Japanese politeness Keigo is not used in networks which can create certain difficulties in choosing the right forms in real communication. Conversely, simple or familiar forms allowed in written language are scarce and their automatic transfer to everyday life can become a hindrance to establishing social contacts. Actively integrating in the Japanese language neologisms most often conform to the norms of Japanese phonetics and grammar, but they cause significant deviations in a written fixation of the transmitted text. The lack of a visual contact in social networks forms a written oral speech, the analysis and consideration of which is important for an adequate perception of information and for a better orientation in the Japanese Internet space.*

Key Words: *the Japanese language, blogosphere, social networks, virtual communication, oral and written speech.*

References

1. Alpatov V.M. Yaponiia: iazyk i obshchestvo [Japan: language and society]. Moscow, Nauka, 1988, 135p.
2. Belaia kniga po svyazi i informatsii Ministerstva vnutrennikh del i kommunikatsii Iaponii /情報通信白書 (総務省) [White Paper on Communications and Information of the Ministry of Internal Affairs and Communications of Japan]. Tokyo, Ministerstvo vnutrennikh del i kommunikatsii – [Ministry of Internal Affairs and Communications], 2016, 491p.
3. Butorina E. A. Pogovorit'?: Internet kak lingvisticheskii fenomen [To talk: the Internet as a linguistic phenomenon]. Mir media XXI [The world of media XXI], 1999, no.1, pp.56-58.
4. Joniekava A. I eto tozhe iaponskii iazyk! I eto tozhe iaponskii iazyk? 米川明彦「これも日本語! これもニホン語?」 [And this is also the Japanese language! And this is also Japanese?]. Tokyo, Nihon ho:so:syuppan kyokai, 2006, 206p.
5. Jonjekava A. Nabliudenie za slovami. Vvedenie/米川明彦「ことば観察 にゅうもん」 [Introduction to watching words]. Tokyo, Fukuinkan syoten, 2010, 46p.
6. Kotani K. Pochemu sredi molodiozhi rasprostraneno slovechko «spokoino»?/ 小谷和也[若者に「チル」という言葉がはやっている理由とは?] [Why is the word “calm” among the youth?]. Available at: https://headlines.yahoo.co.jp/article?a=20171208-64505245-trendy-bus_all&p=3 (accessed 8 December 2017)
7. Lavrent'ev B.P. Prakticheskaja grammatika iaponskogo iazyka [Practical grammar of the Japanese language]. Moscow, Zhivoi iazik [live language], 2001, 351p.

8. Luneva Ju.V. Nekotorye osobennosti leksicheskogo sostava kitaiskogo iazyka [Some features of the lexical composition of the Chinese language]. Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet. Vestnik [Moscow State Regional University], 2010. Vol.4. pp.62-65.
9. Macuda K. Mir Interneta i iazyk soobshchestva/松田 謙次郎「ネット社会と集団語」 [The World of Internet and the Language of the Community] 日本語学 [Japanese language studies], Tokyo. 2006. №25(10). Available at: sils.shoin.ac.jp/~kenjiro/papers/shudango.pdf (accessed 15 January 2018)
10. Nisigaki T., Jonatan R. Lewis. Chto stanet s iaponskim iazykom iz-za Interneta?/ [What will become of the Japanese language because of the Internet?] 西垣通、Jonatan Robert Lewis[インターネットで日本語はどうなるか] Tokyo, Iwanami syoten, 2001, 272p.
11. Razdorskaya N.V. Inostrannye zaимstvovaniia v tekstovykh materialakh iaponskikh SMI//Iaponskiy iazyk v VUZe: aktual'nye problemy prepodavaniia, n.16. Materialy nauchno-metodicheskoi konferentsii «Yaponskiy yazyk v VUZe (oktyabr' 2016) [Foreign borrowing in the text materials of Japanese media // Japanese in the university: the actual problems of teaching, n.16. Materials of the scientific and methodological conference "Japanese language at the university (October 2016)]. Moscow, izd-vo «Klyuch-S», 2017. pp.141-152.
12. Rumak N.G. Onomatopoeicheskie slova iaponskogo iazyka [Onomatopoeic words of Japanese]. Moscow. 2015. 92p.
13. Takjebje K. Pochemu blogi na iaponskom iazyke prevysili po chislennosti blogi na angliiskom iazyke?/武部 健一 [英語を超えた日本語ブログの投稿数, その理由は?] [Why blogs in Japanese exceeded the number of blogs in English?]. Nikkei X tech, 16.04.2007. Available at: <http://itpro.nikkeibp.co.jp/article/COLUMN/20070411/268068/?rt=ocnt> (accessed 22 November 2017)
14. Chernigovskaya T. Formal'no my v odnom prostranstve, no real'no v raznykh [Formally, we are in the same space, but in reality – in different places]. Available at: <http://www.liveinternet.ru/users/stewardess0202/post414535563/> (accessed 23 June 2017).
15. Iapono-russky slovar' / pod red. Fudzinuma [Japanese-Russian Dictionary / Ed. Fujinuma]. Tokyo, Kenkyu:sya, 2000. 1183p.
16. Internet World Stats/ Internet Coating Library. Available at: <http://www.internetworldstats.com/stats7.htm> (accessed 24 June 2017)
17. The site of the Japan Foundation Available at: <https://www.jpf.go.jp/j/project/japanese/teach/tsushin/archive/6-016.html> (accessed 23 June 2017)
18. The site of the rating of blogs for 2017 from 01/16/2018. Available at: <https://jikitourai.net/schoolgirl-use-expression#best15> (accessed 23 January 2018)
19. Information site of social networks of Japan Comnico. Available at: <https://blog.comnico.jp/we-love-social/sns-users> (accessed 21 November 2017)
20. Information site of Japan Social Media Lab. Available at: <https://gaiax-socialmedialab.jp/post-30833/> (accessed 22 November 2017)
21. The site of the 12 best blogs // 01/22/2018 Available at: <http://blogos.com/outline/272780/> (accessed 26 January 2018)
22. The site of the group "Lovers of delicious food". Available at: https://www.facebook.com/groups/umaimonwokuukai/?multi_permalink=1145829345519568¬if_id=1514289321663098¬if_t=group_highlights (accessed 26 January 2018)
23. The site of blog lovers. Available at: <http://kasakoblog.exblog.jp/> (accessed 27 January 2018)

About the author:

Natalia V. Razdorskaya – PhD, Assistant Professor at the Department of the Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian languages at MGIMO. Spheres of research and professional interest: Japanese grammar, cultural linguistics, IT using in language study. E-mail: nrazdorskaya@mail.ru.

* * *

К ВОПРОСУ О ВАРЬИРОВАНИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА „VERNÜNFTIG“ И ИХ АКТУАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НЕМЕЦКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

М.А. Степанова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье показана концептуальная связь семантических компонентов слова со сложными философскими понятиями и практическая возможность использования компонентного анализа с целью интерпретации речевого действия в политическом дискурсе. Проявления лексической вариативности, синонимии и национальной традиции в языке раскрывают культурный код как ключ к интерпретации слова. Кантовское противопоставление понятий „Vernunft“ («разум») и „Verstand“ («рассудок») получает новый смысл в современном контексте. Выражение „vernünftige Politik“ рассматривается как вариативная лексическая единица в разных контекстах и как инструмент политического воздействия не только с точки зрения коммуникативного успеха речевого действия, но и с позиции дипломатических отношений. Компонентный анализ синонимического ряда к слову „vernünftig“ выявляет множество оттенков значений, по отношению к которым буквальный перевод «разумный» выступает архисемой. Таким образом, именно этимология немецкого концепта „Vernunft“, выражаемого существительным от глагола „vernehmen“ («слышать, воспринимать»), подсказывает вывод о роли культуры восприятия ценностей для диалога культур.

Ключевые слова: семантика, компонентный анализ, тезаурус, речевое действие, перлокутивный эффект, политический дискурс, немецкий «разум» и англосаксонский «здравый смысл», концепт, культурный код, языковые универсалии.

Вариативность как феномен языка проявляется на всех его уровнях, в том числе на уровне лексем и их содержания¹. Рассматривая значения слова в разном контексте, можно не только углубиться в смысл высказывания, но и приблизиться к некоторым языковым универсалиям, раскрывающим культурный код нации, языку которой принадлежит данное слово [7, с. 249-268; 5, с.684-685]. Речь пойдёт о слове

„vernünftig“ (рус.: «разумный») в немецкоязычном политическом дискурсе, его значениях с точки зрения компонентного анализа, контрастивного наблюдения и когнитивно-прагматического аспекта интерпретации речевого действия. В качестве источников привлекаются тексты СМИ и других интернет-ресурсов, словари, а также материалы корпуса немецкого языка Академии наук Берлин-Бранденбург.

¹ Под лексемой представители Московской семантической школы понимают «слово, употреблённое в одном из своих значений». Вслед за Д.О. Добровольским мы придерживаемся этого определения. – Добровольский Д.О. Беседы о немецком слове. – М.: Языки славянской культуры, 2013. С.41.

Специфически немецкая лексическая единица „Vernunft“, ключевое значение которой для немецкой культуры неоспоримо со времён Канта и его «Критики чистого разума» (нем.: „Kritik der reinen Vernunft“) [23], привлекает к себе внимание в контексте актуального кризиса доверия между Россией и Германией, преодолеть который призвана «разумная политика» (нем.: „vernünftige Politik“). Накануне визита федерального президента Штайнмайера в Москву в октябре 2017 года председатель Германо-российского форума Матиас Плацек заявил в интервью газетам редакционного объединения RND, что «дружественных отношений с Россией больше так скоро не будет, может быть, даже и партнёрских». В настоящее время речь идёт, по его мнению, об отношениях «в некоторой степени *разумных* и предсказуемых» (нем.: „Es geht jetzt um einigermaßen vernünftige und berechenbare Verhältnisse“, в русском переводе курсив автора) [26]. Возникает вопрос, что подразумевается под словом «разумный» в контексте отношений между государствами. Некоторая неопределённость понятия «разумности» в условиях сложной политической обстановки требует конкретного понимания дефиниций, от которых зависит настоящее и будущее дипломатических отношений. В более широком контексте вопрос можно сформулировать по-другому: могут ли быть вообще разумными отношения с точки зрения немецкой языковой картины мира и как следует понимать это выражение представителю русской культуры с целью, конечно, достичь взаимопонимания. И если взаимопонимания нет, стоит ли оценивать это как критику неразумной до сих пор политики одной из сторон или же обеих сторон конфликта.

Согласно толковому словарю немецкого языка Duden слово „vernünftig“ имеет следующие значения: 1. а. „Vernunft besitzend, sich in seinem Handeln davon leiten lassend; voller Vernunft, einsichtig und besonnen“ (рус.: обладающий разумом, руководствующийся разумом в своих действиях; благоразумный, рассудительный). б. „von Vernunft zeugend; sinnvoll, einleuchtend, überlegt“ (рус.: свидетельствующий о разумности, имеющий смысл, понятный, обдуманный), например, „ein vernünftiger Politiker“ («благоразумный политик»); 2. „der Vorstellung von etwas, den Erwartungen entsprechend; ordentlich, richtig“ (рус.: соответствующий представлениям о чём-либо, ожиданиям; приличный, правильный). Второе значение оставляет простор для вольной интерпретации ввиду того факта, что характе-

ристиками «приличный, правильный» могут, в свою очередь, наделяться лексемы, семантически неблизкие друг другу, например, „vernünftiges Wetter“ («приличная/нормальная погода»), „ein vernünftiges Stück Fleisch“ («приличный (большой) кусок мяса»), „eine vernünftige Wohnung“ («приличная квартира») [18].

С точки зрения выразительности олицетворение, перенос признаков живого существа на неживой предмет, подчёркивает образ, но роль образа в разговорной и публичной речи может быть иная, чем на страницах литературного произведения. „Vernünftiger Käse“ («приличный сыр»), вероятно, звучит для носителей культуры немецкоязычных регионов более понятно, так как культура изготовления сыров сравнительно высока в силу неутраченных традиций и технологий производства. Поэтому, если немцы не могут найти где-либо «приличного сыра», с которым ассоциируется в некоторой степени и уровень благосостояния, то в представлении этих немцев, возможно, происходит перенос значения «неправильный, ненормальный» с сыра на общий уровень продовольственной политики страны, или шире, продовольственной безопасности [11]. Таким образом, понятийное содержание слова „vernünftig“ распространяется на объекты внеязыковой действительности, сами по себе не объединённые в некоторый класс значений («политика», «сыр», «погода»), но объединяемые этим определением благодаря расширению понятия. В общем, благоразумнее есть нормальный сыр, и не благоразумно поступила ворона, которая взобралась на дерево с кусочком сыра и думала, что она уже в безопасности, но в этот момент потеряла благоразумие от тщеславия, а вместе с тем и сыр. Лисья дипломатия оказалась разумной и вполне продуманной с точки зрения ожиданий пленённой сыром лисы [9].

Если все вышеназванные предметы наделяются живой образностью путём олицетворения, то в «разумную политику» вкладывается больше, чем впечатляющий образ. Словосочетание „vernünftige Politik“ встречается в текстах СМИ разных лет, актуальная статистика новостных текстов в поисковой системе Google Новости даёт более 1500 единиц словосочетаний [20]. Корпус немецкого языка Академии наук Берлин-Бранденбург «Электронный словарь немецкого языка» (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache DWDS) даёт среди типичных словосочетаний „vernünftige Wirtschaftspolitik“ («грамотная экономическая политика»), а так-

же отсылает к данным немецкоязычного словаря синонимов OpenThesaurus, согласно которому у слова „vernünftig“ семь групп синонимов [17]. Сопоставление словосочетаний и слов этих синонимичных групп даёт не только совпадение таких компонентов значения, как «умный», «разумный», но также и такие расхождения по некоторым смысловым признакам, как «моральный», «порядочный», с одной стороны, и «прагматичный», «целесообразный», «деловой» – с другой [там же]. В смысловой объём прилагательного «прагматичный» не входит компонент «моральный», но компоненты «прагматичный» и «моральный» могут приписываться значению «благоразумный», и тут мы подходим к границе различения смыслов в рамках понятия «благоразумный» [2]. Буквально «благоразумный» (нем.: „einsichtig“) – один из синонимов слова «разумный» (нем.: „vernünftig“). О содержании понятия, обозначаемого однокоренным словом „Vernunft“, могут поспорить русские, немцы и англичане. В то время как немецко-русский словарь даёт перевод слова „Vernunft“ как «разум»; «здравый рассудок», «здравый смысл» [4, с. 908.], второй компонент значения, а именно, «здравый смысл», имеет другой обратный перевод (нем.: „Verstand“) [5, с. 540]. О разнице между концептами „Vernunft“ и „Verstand“ написаны книги и диссертации. Одна из интереснейших работ по этой теме – книга Э. Рихтера „Deutsche Vernunft – angelsächsischer Verstand. Intime Beziehungen zwischen Geistes- und Politikgeschichte“ («Немецкий разум – англосаксонский здравый смысл. О тесной связи между историей духа и политической историей»)² [25]. В книге сравнивается восприятие мироздания в немецкой и англосаксонской культуре и анализируются соответствующие этому разные модели мышления и поведения. Автор делает вывод о духовных истоках немецкой науки и философии, основывающихся на вере в божественный замысел о мире, в противоположность механистическому объяснению мира через сочетание случайностей и необходимости. Существуют также исследования семантики немецких существительных „Vernunft“ и „Verstand“ в функционально-прагматическом аспекте [8] и в аспекте когнитивной лингвистики на материале художественной литературы и публицистики [3].

Расширение словосочетания даёт некоторую конкретизацию значения. С этой целью можно

рассмотреть примеры, уточняющие контекст употребления слова „vernünftig“ посредством присоединения другого словосочетания: „vernünftige Politik im Sinne...“ (рус.: «разумная политика в смысле/ в духе/ в русле/ в контексте/ в интересах/ в отношении...»). Данная модель является относительно менее частотной, чем изначальное словосочетание, и встречается в публикациях немецких и австрийских СМИ и на интернет-форумах в таких примерах, как „vernünftige Politik im Sinne der Bürger“ (рус.: «разумная политика в интересах граждан») [15; 16], „vernünftige Politik im Sinne der Stadt“ (рус.: «разумная политика в интересах города») [12], „vernünftige Politik im Sinne des Steuerzahlers“ (рус.: «разумная политика в отношении налогоплательщика») [14], „vernünftige Politik im Sinne des Wählerauftrages“ (рус.: «разумная политика в отношении наказа избирателей») [19], „vernünftige Politik im Sinne der Flüchtlinge“ (рус.: «разумная политика в интересах беженцев») [21], „vernünftige Politik im Sinne eines kleinen Exportlandes“ («разумная политика в интересах маленькой страны-экспортёра») [27], „vernünftige Politik im Sinne des Standorts Österreich“ (рус.: «разумная политика в интересах Австрии как промышленного центра») [22], „vernünftige Politik im Sinne der „Aufklärung““ («разумная политика в духе «просвещения») [13, с.8].

Вариантом этой модели выступает выражение „vernünftige Politik in dem Sinne ist, dafür zu sorgen, dass...“ (рус.: «разумная политика в этом смысле означает заботиться о том, чтобы...») [24].

Конечно, поиски глубокого смысла в высказываниях о политике могут показаться и надуманной проблемой: политики и публицисты не занимаются компонентным анализом и высказываются по той или иной теме многократно и, кстати, часто используют речевые клише. В таком случае, не является ли словосочетание „vernünftige Politik“ некоторой дежурной фразой, употребляемой с целью выражения некоторой противоположности по отношению к сложившейся неудовлетворительной ситуации, фразой, за которой не стоит никакая обдуманная стратегия? То есть, общая цель ясна: надо что-то исправить, но что конкретно – остаётся неясным, и перлокутивный эффект высказывания, иначе говоря, коммуникативный успех, не достигается. Более того, известно, что перлокутивный эффект может вызвать у реципиента иную реакцию, чем

² Перевод названия книги: М.А. Степанова.

предполагал агент иллокутивного акта. Если фраза банальна, то реакция на неё может последовать в виде иронии, досады или раздражения. Также верно, что высказывание может быть субъективно интерпретировано, и «неправильная интерпретация действий собеседника, то есть, ошибочное понимание его истинных намерений, может привести к смене характера речевого взаимодействия у интерпретатора, результатом чего может быть установление дистанции между партнерами коммуникации на фоне перехода из модуса вежливости в модус агрессивности...» [6, с.65].

Вернёмся к контексту высказывания Матиаса Плацка о «в некоторой степени *разумных* и *предсказуемых*» отношениях. Если толковать слова «разумный» – „vernünftig“ – в контексте предсказуемости, то некоторый опыт отношений с европейскими партнёрами подсказывает, что предсказуемости и разумности хотят от России, причём в той степени, в какой это бы соответствовало собственным стратегическим интересам. Это может означать, что разумности в смысле предсказуемости Германия ждёт по отношению к себе, и в этом раскрывается смысл второго основного значения лексемы „vernünftig“ – «соответствующий представлениям о чём-то, соответствующий ожиданиям, адекватный, правильный». То есть говорящий имеет некоторое представление о правильности и ожидает от коммуникативного партнёра соответствия этому представлению. В данной ситуации очевиден факт противопоставления одного мировоззрения другому, а именно, независимая позиция России не будет соответствовать ожиданиям, и каждая сторона останется со своей правдой. Спасти диалог в этом случае можно, если обратиться к корню слова, происходящего от глагола „vernehmen“ («воспринимать», «слышать»). Способность слышать („Vernunft“ – это духовная способность согласно этимологическому словарю [17]) лежит в основе происхождения слова, тогда как архисема «разум» и все другие компоненты значения, потенциальные семы, отражающие необязательные признаки, ассоциации, появлялись позже и привносили оттенки значения. Услышать что-либо или кого-либо, будь то голос собеседника или собственная интуиция, или же голос Высшего Разума, можно только при условии определённой культуры восприятия. Если механизм восприятия может быть одинаков у всех, то культура восприятия ценностей, в том числе общих ценностей, может быть

разная. Воспитывая и поддерживая культуру восприятия ценностей, которые, конечно, подвержены разрушению, но всё-таки закреплёны в составе культурного кода как системы символов, общей для России и Германии, труднее навредить человечеству, чем руководствуясь сухим прагматизмом. Прежде всего это универсальные ценности, такие, как достигнутый колоссальной ценой мир между Россией и Германией. Представляется в этой связи небезынтесной концепция социал-традиции одного из современных идеологов российской государственности [10]. Необязательно разделять концепцию, но можно заметить, что термин «социал-традиция» явно отсылает к социал-демократии, представителем которой в Германии является посетивший недавно Москву федеральный президент, но при этом «социал-традиция» является антонимом к «социал-демократии», точнее к современной европейской «социал-демократии», и явно подчёркивает некие традиционные ценности. К традиционным ценностям, общим для России и Европы, хотелось бы отнести мир, как уже было отмечено выше, поэтому поддержание мира и стремление к нему должно быть обоюдным. Не прибегая к компонентному анализу лексемы «ценности», отметим сам факт возможности единства неких констант культуры, которые лежат в основе дипломатии, и факт колоссальных возможностей языка, который используют дипломаты. Языковая вариативность замечательна не только своим потенциалом выразительности, но и возможностью выбора. Для достижения взаимопонимания бывает достаточно сделать выбор в пользу недвусмысленности, без которой язык просто «не может обойтись» [1, с.16], то есть, будучи свойственным человеку, язык даёт ему и ключ к преодолению разделения через понимание универсалий.

Речевой этикет, безусловно, является частью дипломатического этикета, но и знания этикета может быть недостаточно для успешной межкультурной коммуникации. Владение умением вкладывать в слова смысл, адекватный ситуации, и правильно интерпретировать высказывания собеседника играет важную роль в дипломатии и должно передаваться хорошо подготовленным в языковом и стилистическом плане обучающимся, желающим предвосхищать и предотвращать обострение международной обстановки, прежде чем возникнет необходимость снимать напряжение. Курс политического перевода, особенно в аспекте двустороннего перевода, должен попол-

няться учебными разработками на основе лингвистической семантики и актуальных наблюдений в контексте теории речевых актов.

Данное исследование можно продолжить на материале корпуса устной речи и переводных текстов. Адекватный перевод может так же способствовать взаимопониманию, как и неадекват-

ная передача смыслов – навредить международным отношениям.

Вышеизложенные рассуждения принадлежат заинтересованному наблюдателю и не претендуют на миниатюру критики чистого разума или чьей-либо способности суждения.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е издание, исправленное. М., 1999. 200 с.
2. Беляков А. А. Актуализация концептов VERSTAND и VERNUNFT на материале художественной литературы и публицистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/aktualizacija-konceptov-verstand-i-vernunft-na-materiale-hudozhestvennoj-literatury.html> (Дата обращения 30 октября 2017 г.).
3. Большой немецко-русский словарь, 8-е издание, стереотипное. М., 2001.
4. Большой русско-немецкий словарь, 15-е издание, стереотипное. М., 2001.
5. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
6. Глушак В. М. Реализация речевой стратегии поддержания имеющегося характера отношений коммуникантов. Вестник ТГУ. Выпуск 1(69), 2009. С.60 – 65. // Научная электронная библиотека «Киберленинка» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/realizatsiya-rechevoy-strategii-podderzhaniya-imeyushchegosya-haraktera-otnosheniy-kommunikantov> (Дата обращения 30 октября 2017 г.).
7. Добровольский Д. О. Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013. 752 с.
8. Жамбалова И.Б. Исследование семантики немецких существительных Geist, Verstand, Vernunft, Gedanke, Idee, Einfall: Функционально-прагматический аспект // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/issledovanie-semantiki-nemetskikh-sushchestvitelnykh-geist-verstand-vernunft-gedanke-idee-ei#ixzz4ytl9Zisw> (Дата обращения 30 октября 2017 г.).
9. Крылов И. А. Ворона и лисица. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.uskazok.ru/2014/12/VORONAILI-SICA.html> (Дата обращения 30 октября 2017 г.).
10. Шипков А.В. Социал-традиция: Монография. М., 2017. 320 с.
11. Als Ausländer in Pakistan: Curry ohne Wurst. – SPIEGEL ONLINE. Forum: Politik [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/forum/politik/als-auslaender-pakistan-curry-ohne-wurst-thread-22528-2.html> (Дата обращения 30 октября 2017 г.).
12. Bad Belziger Union hofft auf Mehrheiten für Verfahren // CDU-StadtverbandBadBelzig – Wiesenburg [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.cdu-bad-belzig.de/index.php?ka=1&ska=2&idn=29> (Дата обращения 30 октября 2017 г.).
13. Bartosch U. “Weltinnenpolitik für das 21. Jahrhundert” In: Blickpunkt Zukunft. Zeitschrift mit Beiträgen und Zeitdokumenten zur Zukunfts- und Friedensdiskussion. Ausgabe 58. Juni 2013.
14. Bundestag: FDP muss vorerst neben der AfD sitzen. – SPIEGEL ONLINE. Forum: Politik [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/forum/politik/bundestag-fdp-musst-vorerst-neben-der-afd-sitzen-thread-664623-2.html> (Дата обращения 30 октября 2017 г.).
15. Bundesverfassungsgericht stärkt Kontrollrechte des Bundestags // Forum.tagesschau.de [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://forum.tagesschau.de/id/128562/bundesverfassungsgericht-staerkt-kontrollrechte-des-bundestags> (Дата обращения 30 октября 2017 г.).
16. Demokratie unerwünscht? // lokalkompass.de [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.lokalkompass.de/din-slagen/politik/demokratie-unerwuenscht-d334731.html> (Дата обращения 30 октября 2017 г.).
17. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный корпус] – Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/vernunftig#gb-1> (Дата обращения 30 октября 2017 г.).
18. DUDEN [Электронное издание словаря] – Режим доступа: <https://www.duden.de/rechtschreibung/vernunftig> (Дата обращения 30 октября 2017 г.).
19. Flüchtlingskrise ein wohlgefalliger Zustand hilfloser Politik // Portal Querdenkende [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://querdenkende.com/2015/12/27/fluechtlingskrise-ein-wohlgefaelliger-zustand-hilfloser-politik/> (Дата обращения 30 октября 2017 г.).
20. Google.de [Поисковая система] – Режим доступа: https://www.google.de/search?q=%E2%80%9Evern%C3%BCnftige+Politik%E2%80%9C&source=lnms&tbm=nws&sa=X&ved=0ahUKEwikz6s8srXAhWJF5oKHZURBEQQ_AUICigB&biw=1014&bih=418 (Дата обращения 30 октября 2017 г.).
21. „Grüne Grundwerte verblassen“ // TAZ [Электронное издание] – Режим доступа: <http://www.taz.de/!5228898/> (Дата обращения 30 октября 2017 г.).
22. IWO-Symposium: Plädoyer für Anreize bei Heizungssanierung // Institut für Wärme und Öltechnik Österreich [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.iwo-austria.at/fileadmin/user_upload/pdf_2017_1HJ/PA_IWO-Symposium_2017.pdf (Дата обращения 30 октября 2017 г.).
23. Kant I. Kritik der reinen Vernunft // Project Gutenberg [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/ebooks/6343> (Дата обращения 30 октября 2017 г.).

24. Rechte Parteien – welche Chancen haben sie in Deutschland? // SPIEGEL ONLINE. Forum: Politik [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/forum/politik/rechte-parteien-welche-chancen-haben-sie-deutschland-thread-21328-3.html> (Дата обращения 30 октября 2017 г.).
25. Richter E. Deutsche Vernunft – angelsächsischer Verstand. Intime Beziehungen zwischen Geistes- und Politikgeschichte. – Berlin, 2015, 367 S.
26. Steinmeier zu Moskau-Reise aufgebrochen – SPD-Platzek rechnet mit „neuem Gesprächsprozess“ – Epoch Times [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.epochtimes.de/politik/welt/steinmeier-zu-moskau-reise-aufgebrochen-spd-platzek-rechnet-mit-neuem-gespraechsprozess-a2249824.html> (Дата обращения 30 октября 2017 г.).
27. Wirtschaft bangt um Ceta // WienerZeitung [Электронное издание] – Режим доступа: http://www.wienerzeitung.at/nachrichten/wirtschaft/oesterreich/844206_Wirtschaft-bangt-um-Ceta.html (Дата обращения 30 октября 2017 г.).

Сведения об авторе:

Степанова Мария Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: немецкий язык, медиалингвистика, когнитивная лингвистика, жанры текста. E-mail: m.a.stepanova@inno.mgimo.ru.

ON VARIATION OF SEMANTIC COMPONENTS IN THE MEANING OF „VERNÜNFTIG“ IN GERMAN POLITICAL DISCOURSE

Maria Stepanova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow,
119454, Russia.

The Abstract: *The article explains conceptual relationship between semantic components of a word and philosophical concepts as well as practical use of semic analysis aimed at interpretation of speech acts in political discourse. Lexical variety, synonyms and marks of national culture in a language reveal the cultural code as a key to interpretation. The opposition of reason and common sense as stated by I. Kant is getting a new meaning in modern context. The German expression „vernünftige Politik“ (English: “reasonable policy” or “sensible policy”) initially refers to the German word “reason” and is seen as a lexical variant in different contexts and as an instrument of political influence not only from the point of view of a successful speech act, but also in the interests of diplomatic relations. The semic analysis of synonyms to the German word „vernünftig“ shows an extension of meaning where a direct translation as “reasonable” appears to be the main meaning component. In this way it is the etymology of the German „Vernunft“, which is a noun from the verb „vernehmen“ (“to hear”, “to perceive”), that leads to the conclusion about the meaning of culture of perception for understanding values and cultural dialogue.*

Key Words: *semantics, semic analysis, thesaurus, speech act, perlocutionary effect, political discourse, German reason and Anglo Saxon common sense, concept, cultural code, language universals.*

References

1. Arutiunova N.D. Iazyk i mir cheloveka [Language and the World of a Human]. 2-e izdanie, ispravlennoe. Moscow, 1999, p. 200.
2. Beliaikov A. A. Aktualizatsiia kontseptov VERSTAND i VERNUNFT na materiale khudozhestvennoi literatury i publitsistiki [The concepts VERSTAND and VERNUNFT in belles-lettres and journalism]. Available at: <http://www.dslib.net/german-skie-jazyki/aktualizacija-konceptov-verstand-i-vernunft-na-materiale-hudozhestvennoj-literatury.html> (accessed 30 October 2017).
3. Bol'shoi nemetsko-russkii slovar', 8-e izdanie, stereotipnoe [The Big German-Russian Dictionary]. Moscow, 2001.
4. Bol'shoi russko-nemetskii slovar', 15-e izdanie, stereotipnoe [The Big Russian-German Dictionary]. Moscow, 2001.
5. Vezhbitskaia A. Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki. [Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese]. Moscow, 2001.

6. Glushak V. M. Realizatsiia rechevoi strategii podderzhaniia imeiushchegosia kharaktera otnoshenii kommunikantov. Vestnik TGU. Vypusk 1(69), 2009. S.60 – 65. // Nauchnaia elektronnaia biblioteka «Kiberleninka». Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/realizatsiya-rechevoy-strategii-podderzhaniya-imeyushchegosya-harakter-a-otnosheniy-kommunikantov> (accessed 30 October 2017).
7. Dobrovol'skii D. O. Besedy o nemetskom slove [Conversations on the German word]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2013. 752 c.
8. Zhambalova I.B. Issledovanie semantiki nemetskikh sushchestvitel'nykh Geist, Verstand, Vernunft, Gedanke, Idee, Einfall: Funktsional'no-pragmaticheskii aspekt [Research on the semantics of the German nouns Verstand, Vernunft, Gedanke, Idee, Einfall. Functional-pragmatic aspect] // Nauchnaia biblioteka dissertatsii i avtoreferatov disserCat. Available at: <http://www.dissercat.com/content/issledovanie-semantiki-nemetskikh-sushchestvitelnykh-geist-verstand-vernunft-gedanke-idee-ei#ixzz4ytl9Zisw> (accessed 30 October 2017).
9. Krylov I. A. Vorona i lisitsa [The fox and the crow]. Available at: <http://www.uskazok.ru/2014/12/VORONAILISICA.html> (accessed 30 October 2017).
10. Shchipkov A.V. Sotsial-traditsiia: Monografiia [Social tradition: monograph]. Moscow, 2017. 320 p.
11. Als Ausländer in Pakistan: Curry ohne Wurst. – SPIEGEL ONLINE. Forum: Politik. Available at: <http://www.spiegel.de/forum/politik/als-auslaender-pakistan-curry-ohne-wurst-thread-22528-2.html> (accessed 30 October 2017).
12. Bad Belziger Union hofft auf Mehrheiten für Verfahren // CDU-Stadtverband Bad Belzig – Wiesenburg. Available at: <http://www.cdu-bad-belzig.de/index.php?ka=1&ska=2&idn=29> (accessed 30 October 2017).
13. Bartosch U. "Weltinnenpolitik für das 21. Jahrhundert" [World domestic policy for the 21 century] // Blickpunkt Zukunft. Zeitschrift mit Beiträgen und Zeitdokumenten zur Zukunfts- und Friedensdiskussion. no 58. June 2013.
14. Bundestag: FDP muss vorerst neben der AfD sitzen. – SPIEGEL ONLINE. Forum: Politik. Available at: <http://www.spiegel.de/forum/politik/bundestag-fdp-musst-vorerst-neben-der-afd-sitzen-thread-664623-2.html> (accessed 30 October 2017).
15. Bundesverfassungsgericht stärkt Kontrollrechte des Bundestags // Forum.tagesschau.de. Available at: <http://forum.tagesschau.de/id/128562/bundesverfassungsgericht-staerkt-kontrollrechte-des-bundestags> (accessed 30 October 2017).
16. Demokratie unerwünscht? // lokalkompass.de. Available at: <http://www.lokalkompass.de/dinslaken/politik/demokratie-unerwuenscht-d334731.html> (accessed 30 October 2017).
17. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Digital dictionary of German]. Available at: <https://www.dwds.de/wb/vern%C3%BCnftig#gb-1> (accessed 30 October 2017).
18. DUDEN Dictionary. Available at: <https://www.duden.de/rechtschreibung/vernuenftig> (accessed 30 October 2017).
19. Flüchtlingskrise ein wohlgefälliger Zustand hilfloser Politik // Portal Querdenkende. Available at: <https://querdenkende.com/2015/12/27/fluechtlingskrise-ein-wohlgefaelliger-zustand-hilfloser-politik/> (accessed 30 October 2017).
20. Google.de. Available at: https://www.google.de/search?q=%E2%80%9Eevern%C3%BCnftige+Politik%E2%80%9C&source=Inms&tbm=nws&sa=X&ved=0ahUKEwikzc6s8srXAhWJF5oKHZURBEQQ_AUICigB&biw=1014&bih=418 (accessed 30 October 2017).
21. „Grüne Grundwerte verblassen“ // TAZ. Available at: <http://www.taz.de/!5228898/> (accessed 30 October 2017).
22. IWO-Symposium: Plädoyer für Anreize bei Heizungssanierung // Institut für Wärme und Öltechnik Österreich. Available at: http://www.iwo-austria.at/fileadmin/user_upload/pdf_2017_1HJ/PA_IWO-Symposium_2017.pdf (accessed 30 October 2017).
23. Kant I. Kritik der reinen Vernunft // Project Gutenberg. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/6343> (accessed 30 October 2017).
24. Rechte Parteien – welche Chancen haben sie in Deutschland? // SPIEGEL ONLINE. Forum: Politik. Available at: <http://www.spiegel.de/forum/politik/rechte-parteien-welche-chancen-haben-sie-deutschland-thread-21328-3.html> (accessed 30 October 2017).
25. Richter E. Deutsche Vernunft – angelsächsischer Verstand. Intime Beziehungen zwischen Geistes- und Politikgeschichte [German reason vs. Anglo Saxon common sense. Intimate relations between the intellectual history and the history of politics]. – Berlin, 2015, 367 p.
26. Steinmeier zu Moskau-Reise aufgebrochen. SPD – Platzeck rechnet mit „neuem Gesprächsprozess“ – Epoch Times. Available at: <http://www.epochtimes.de/politik/welt/steinmeier-zu-moskau-reise-aufgebrochen-spd-platzeck-rechnet-mit-neuem-gespraechsprozess-a2249824.html> (accessed 30 October 2017).
27. Wirtschaft bangt um Ceta // Wiener Zeitung. Available at: http://www.wienerzeitung.at/nachrichten/wirtschaft/oesterreich/844206_Wirtschaft-bangt-um-Ceta.html (accessed 30 October 2017).

About the author:

Dr. Maria Stepanova – PhD in Linguistics, Associate Professor at German Language Department at MGIMO. Research interests: German, media linguistics, cognitive linguistics, and genres of the texts.
Email: m.a.stepanova@inno.mgimo.ru

★ ★ ★

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, КАЗАХСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Р.Х. Хайруллина, В.П. Бергер

Башкирский государственный университет имени М. Акмуллы,
450000, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3-а

Статья посвящена исследованию образа человека в мифологической картине мира в трёх разных лингвокультурах (русской, казахской и английской). Особое внимание уделено соматическому коду, который в каждой культуре, с одной стороны, является универсальным, с другой – отличается национальным своеобразием. Цель работы – представить сопоставительное лингвокультурологическое описание соматизма «волосы/шаи/haïr» в русском, казахском и английском языках соответственно. В связи с символической нагрузкой концепта «ВОЛОС» в народной культуре существует большое количество обрядов, примет, паремий и фразеологизмов, которые уходят корнями в мифологию и находят выражение в языковой картине мира. Толкование семантики фразеологизмов с данным соматизмом дало возможность выявить специфические черты национально-культурной концептуализации и категоризации окружающего мира в призме национальных культур. Выявлены особенности сходства и различия в концептуализации и вербализации соматизмов в русской, казахской и английской концептосферах. В исследовании используется комплекс общенаучных и лингвистических методов и приёмов анализа языкового материала: типологический, сопоставительный метод, приёмы лингвокультурологического и компонентного анализа эмпирического материала.

Результаты исследования будут интересны как для специалистов в области лингвокультурологии, лингвистов-когнитологов, так и для студентов-филологов, широкого круга читателей.

Ключевые слова: мифологическая картина мира, соматизм, волос, лингвокультурология, символ, миф, концепт.

Первоначальная и фундаментальная форма мыслительной деятельности человека – это мифологическое мышление, так как именно миф являлся первой целостной системой осмысления действительности.

Миф, как полагает С.А. Кошарная, представляет собой особый – древнейший способ концептуализации действительности, один из «глубинных уровней сознания» [7, с. 84]. Р.С. Халимуллина в своей работе трактует мифологическую картину мира (МКМ) как целостное миропонимание, где разные концепты «связаны в единую образную картину мира, содержащую вымысел и реальность, сверхъе-

стественное и естественное, мысль и эмоции» [14, с. 7].

На протяжении развития культуры разных народов было «очевидное стремление к очеловечению духовной реальности», что особенно характерно для мифологического сознания. В мифологии данная процедура имеет форму антропоморфизации и выражается в наделении богов, героев и различных сверхъестественных существ человеческими качествами. Любая мировоззренческая система в качестве своего центрального ядра имеет соотношение устойчивого «образа Я», координированного с «образом мира» [1, с. 52].

Слово «соматизм» происходит от греческого *sōma*, что в переводе на русский означает «тело». Соматическая лексика – это всесторонняя лексическая группа в каждом языке. Данная лексика общеизвестна в качестве объекта исследования в сравнительно-исторических, структурно-сопоставительных лингвокультурологических работах. Учёные обычно выделяют данную лексику первой в лексико-тематической системе каждого языка [12, с. 80].

Как известно, части тела человека играют не только символическую роль в мифологической картине мира, но предстают как эталонные носители того или иного качества человека, при этом отражая опыт нации, говорящей на данном языке.

Цель данной статьи – представить сопоставительное лингвокультурологическое описание соматизма «волосы/шаш/hair» в русском, казахском и английском языках соответственно. У разных народов волосам всегда приписывалось сакральное, символическое значение. В связи с этим представления о волосах в народной культуре несут значительную символическую нагрузку, и у каждого народа имеется большое количество обрядов и примет, связанных с волосами, которые уходят корнями в мифологию и находят выражение в языковой картине мира.

Исследователи полагают, что сопоставление реального мира с выражением его с помощью соматических компонентов логически обосновано. Соматизмы указывают на объекты из окружающего нас реального мира и передают информацию об этих объектах [3, с. 32].

Так, например, Е.Е. Левкиевская рассказывает о Несторе-летописце, который не упомянул бога Волоса (Велеса) при перечислении богов Древней Руси. Есть сведения, что в Византийском мирном договоре 971 года (где княжеская дружина клялась оружием и Перуном) «Русь вся» клялась богом Велесом [6].

Раскрывая этимологию имени вышеназванного бога, Е.Е. Левкиевская указывает на то, что, с одной стороны, Велес властвовал над хозяйством (скотоводством). Велеса в связи с этим также называли «скотом богом». Как известно, у славян и других народов скот вместе с хлебом символизировали плодородие и богатство, так как состояние человека оценивалось количеством скота, которым он владел. С другой стороны, волосы и шерсть у восточных славян – это символ богатства и плодovitости. Встречается обычай последней горсти колосьев – «Волосовой бородачки», которую оставляли в дар богу Волосу. Есть

сведения, что Велес покровительствовал певцам и сказителям, так как в «Слове о полку Игореве» вещий певец Баян назван «Волосовым внуком» [9, с. 25–28].

В родильных обрядах казахов можно встретить заимствование культа древнетюркского божества плодородия Умай. Богиня земли, благодетельная Умай является Супругой Тенгри. Умай – это верховное женское божество, добрый дух, который помогает младенцам. В мифологии казахов Умай описывают как прекрасную и молодую особу, а её серебристые волосы похожи на лунный свет. Некоторые тюркские народы изображали богиню-мать с золотыми волосами, с гребневидной причёской. Узбеки верят, что Умай помогает родить, распуская свои длинные русые волосы и прикрывая ими рожицу [6].

В германо-скандинавской мифологии мы также можем встретить богиню плодородия Сиф (от древнескандинавского *Sif*). Сиф является супругой Тора, жительницей Асгарда. В мифологии она знаменита своими золотыми волосами. Можно предположить, что её волосы символизируют плодородие. Существует легенда, по которой ночью Локи из зависти к Тору пробрался к спящей Сиф и остриг её наголо. Тор сразу понял, что именно Локи так поступил с его супругой. Однако Тор помиловал Локи, так как последний поклялся исправить содеянное. Локи обратился к братьям Ивальди, которые жили в стране гномов и славились своим кузнечным мастерством. Гномы выковали волосы, которые в легендах описывались следующим образом: «Длинные и густые, они были тоньше паутины, и, что самое удивительное, стоило их приложить к голове, как они сейчас же к ней прирастали и начинали расти, как настоящие, хотя и были сделаны из чистого золота». Страдания богини Сиф, лишившейся из-за зависти Локи густых волос, отождествляются скандинавами с зимой, когда на полях вместо золотой нивы остаётся стерня [11].

Учёные предположили, что волосы Сиф могут означать поля золотой пшеницы и что она может быть связана с плодovitостью, семьёй и браком. Есть сведения, что она или её имя, возможно, упоминались в старинной английской поэме Беовульф.

Нельзя не согласиться с Н.О. Лапушинской в том, что именно фразеологический фонд языка наиболее ярко фиксирует сведения о мифах, поверьях, ритуалах, обрядах, обычаях народа, то есть о народной духовной культуре. Мифы выступают источником фразеологических единиц,

мотивированных их образной и символической основой. Учёные отмечают, что в сознании той или иной культуры существуют образы, связанные с различными частями тела человека. То или иное свойство соматизмов, запечатлённое в мифах, сказках, пословицах и фразеологических оборотах, в дальнейшем сопоставляется с конкретной частью тела у носителей языка [8, с. 186].

Во фразеологии компоненты устойчивых единиц нередко выступают когнитивной основой формирования фразеологического образа. «Слова-концепты, за которыми стоит символическое осмысление реалии мира, могут закреплять общечеловеческое восприятие предметов и событий, тогда и возникают фразеологизмы с общим значением во многих языках», – справедливо отмечает Р.Х. Хайруллина [13, с. 101]. Соматизм волосы входит в состав фразеологизмов в разных языках.

Уже само осмысление данного соматизма в разных лингвокультурах демонстрирует антропоцентризм языковой картины мира. В казахском языке есть пословица *Ақ шапшының бәрі ақсакал емес* (букв. *Не тот мудрец, у которого волосы седые*). В казахской лингвокультуре «аксакал» означает «белобородый». Уважать белую бороду, то есть почтенный возраст человека, для казахов было святым правилом, поэтому люди в почтенном возрасте всегда пользовались уважением. Однако в данной пословице, наоборот, говорится о том, что седые волосы (зрелый возраст) – это ещё не показатель ума. В английском языке также есть близкая по смыслу пословица *Gray hair is sign of age, not of wisdom*, что означает: «Седые волосы – признак возраста, а не мудрости». В толковом словаре Д.В. Дмитриева дано русское выражение *Дожил до седых волос и никак не избавится от мальчишества* [5]. Как видим, семантическая модель осмысления седых волос у человека имеет аналогии в разных лингвокультурах и обусловлена важностью характеристики не только внешних, но и внутренних и социальных черт человека через описание его частей тела, в частности волос.

Исследователи, занимающиеся изучением фразеологии, в которой содержатся соматизмы, с точки зрения антропоцентризма в языке, отмечают определённые особенности языкового кодирования информации. К примеру, В.С. Щирова предполагает, что именно истолкование семантики фразеологизмов с соматизмами даёт нам возможность выявлять специфические чер-

ты национально-культурной концептуализации и категоризации реального мира [15, с. 3].

Несмотря на то, что фразеологические единицы, мифы, сказки и пословицы, содержащие в себе соматизмы, в каждой культуре универсальны, соматические коды разных лингвокультур отличаются национальным своеобразием, стремясь к сохранению универсальных черт. Особенно это важно учитывать при переводе произведений этих жанров с одного языка на другой, что требует от переводчика анализа и адекватного перевода их лингвокультурологической специфики [10].

Используя компоненты-соматизмы во фразеологизмах, носители языков передают в языке своё состояние через физическое тело. Так, русскими выражение смущения, переживания и взволнованности передаётся с помощью паремии *Покраснеть до корней волос*. Дословные аналоги данного фразеологизма имеют место как в казахском (*Құйқасына дейін қызарып кету*), так и английском (*Blush to the roots of one's hair*) языках.

Следовательно, как мы видим, фразеологизмы и паремии, содержащие в себе соматизмы и присутствующие в каждой культуре, являются особенно интересными и самобытными, так как именно они помогают выявить специфику важного сегмента мировосприятия носителей языка и культуры. Будучи составляющей языковой картины мира, образ самого человека фиксируется в мифологии и фразеологии. Именно это свойство способствует обнаружению универсальных и национально-специфических особенностей.

Надо отметить, что анализ фразеологизмов в разноструктурных языках проводился нами на основе целого комплекса общенаучных и филологических методов и приёмов, среди которых особое значение имеет метод лингвокультурологического анализа [4]. Нами был выполнен сопоставительный лингвокультурологический анализ фразообразующей роли соматизма *волосы/шапш/hair* в русском, казахском и английском языках.

Исследование показало, что во всех анализируемых лингвокультурах можно выделить общие фразеологические модели, мотивированные универсальными фоновыми знаниями народов об этой части тела человека. Рассмотрим некоторые из них.

1. Количественная характеристика реалий мира (включая интенсивность проявления действия, меру и степень)

Знания о том, что волос на голове человека много (более ста тысяч), а каждый волос представляет собой очень тонкий длинный стержень, формируют фразеологическую семантику очень большого или, наоборот, очень малого количества, высокой или низкой интенсивности действия или степени проявления чего-либо, объективированных за счёт описания различных ситуаций с волосами.

Например: русск. *Что волос на голове* (очень много), *волоса не уступать, ни на волос* (нисколько, ничуть), *волос много, а разума мало*; казахск. *шаш етектен* (букв. волосы до подола) – в изобилии, *пайдасы шаш етектен* (букв. пользы – как волос до подола) – пользы очень много, *шашы жетпеу* (букв. волос не хватит) – неисчислимое количество чего-л., *шашынан көп* (букв. больше, чем волос) – хоть отбавляй, *берешегі шашынан көп* (букв. долгов больше, чем волос на голове) – очень много долгов у кого-л.; англ. *a hair's breadth* (букв. толщина волоса) – о небольшом расстоянии или количестве, *not in one's hair* (букв. не в одном волосе) – не только одним способом.

2. Характеристика эмоционального состояния, действий, поступков человека

Известно, что в эмоциональном состоянии у человека меняется внешность, в частности состояние волос – они седеют, выпадают при отрицательных переживаниях, выглядят растрёпанными или нечёсанными при болезни, встают дыбом, если он напуган и т.д. Положением волос, шевелюры человек реагирует на страх, удивление, стыд, безразличие и другие эмоциональные состояния. Все эти житейские ситуации, описывающие внешние признаки эмоционального состояния человека через состояние его волос, получают выражение в образной интерпретации фразеологизмов.

Например: русск. *Даже волос не шевельнулся на голове* – полное спокойствие или безразличие; *покраснеть до корней волос* – испытывать сильный стыд или смущение; *волосы рвать на себе* – негодовать; *схватиться за волосы* – отчаяться, очень расстроиться; *волосы зашевелились на голове у кого-либо* – испытать ужас, страх; казахск. *төбе шашы тік тұрды* (букв. корни волос прямо встали) – у кого-либо волосы встали дыбом; *Шаш кою* (букв. волосы выпадают) – испытывать трудности; англ. *keep your hair on* (букв. храни, береги свои волосы) – говорится человеку, когда он очень расстроен или сердит; *take smb's hair stand on end* (букв. сделать чьи-то волосы стоящими дыбом) – сильно напугать

кого-либо; *let your hair down* (букв. опусти твои волосы вниз) – расслабься, успокойся.

Отметим, что в русском и казахском языках акцент делается на описании самих волос, а в английском языке чаще акцент делается на объектно-субъектных отношениях людей.

3. Межличностные отношения

Взаимоотношения между людьми нередко получают выражение через определённые действия в конкретных стереотипных житейских ситуациях. Например, доброе отношение к другому человеку выражается через поглаживание его по голове, волосам, в драке люди часто хватают противника за волосы, что делает его беспомощным, в прежние времена могли наказывать детей, таская их за волосы и т.д. Интерпретация таких ситуаций и поступков закрепила разную фразеологическую семантику.

Например: русск. *Оттаскать за волосы* – побить, *снявши голову, по волосам не плачут, волосок к волоску, притянуть за волосы* что-л.; казахск. *шашынан тарту* (букв. таскать за волосы) – наказывать кого-л.; *шаш ал десе, бас алу* (букв. ему скажут брить волосы, а он снимает голову) – перестараться, переусердствовать; *шаш сипар* (букв. гладить волосы) – успокаивать расстроенного человека; англ. *not see hide nor hair of somebody/something* (букв. не видеть ни кожи, ни волос) – долго не встречать, не видеть кого- или что-либо; *that'll put hairs on your chest!* (букв. так, что волосы встанут дыбом на твоей груди) – о сильном опьянении или о вкусной еде; *split hairs* (букв. разделять волоски) – спорить много по мелочам.

Наряду с универсальными фразеологическими моделями можно выделить в языках сравнения уникальные фразеологизмы, характеризующие особенности национальной культуры. В их семантике часто закрепляются этнические сведения об образе жизни народа, его обычаях и традициях. Особенно ярко это находит выражение в русском и казахском языках.

В русском социуме по традиции нельзя было замужней женщине ходить с непокрытой головой, это считалось позором – *с простыми волосами* ходить (ср. Простоволосая, опростоволоситься) – нарушить запрет. На Руси было принято мазать волосы растительным маслом для их приглаживания, чтоб ровно лежали, не топорщились: *у богатого каждый волос в масле, а у бедного и в кашу нет*. Одним из видов развлечения были кулачные бои, когда в драке рвали волосы, борода: *Подавайся по рукам, легче будет*

волосам, В драку идти, не жалеть волос/ бороды, кулаков.

В казахской культуре волосы также играли важную роль в обрядах – сватовстве, похоронах, встрече гостей и т.д.

Шаи сипатар (букв. поглаживание волос) – так назывался подарок жениха при первой встрече с невестой как плата за право погладить её волосы. Во время траура совершались обряды с волосами женщины, потерявшей мужа. *Шаи жаю* (букв. распустить косы) – если обычно волосы были заплетены в косы, то в знак траура волосы должны быть распущены. Но через определённый период их можно было снова заплетать. *Шаи жию* (букв. собирать волосы) – заплетать волосы в косы, распущенные в трауре, после сорока дней со дня смерти мужа. В казахской культуре, как и во многих других культурах, для женщины считалось позором носить короткие волосы. *Шаи қырқу* (букв. отрезать косы) – в старину в качестве наказания женщину позорили отрезанием кос.

Исследование показало, что в силу антропоморфизма языкового мировидения разных народов в их языках много сходного, отражающего универсалии бытия самого человека. В то же время этническое своеобразие языковой картины мира обусловлено спецификой образа жизни народа, его традициями и обычаями. Фразеология как раздел языка закрепляет эти сходные и национально маркированные когнитивные модели в своём семантическом пространстве.

Таким образом, о частичной общности фразеологического фонда сравниваемых культур и об определённой содержательной константе сопоставляемых языков в разных языках может свидетельствовать сходство коннотативной семантики соматических выражений [2, с. 61]. Национальное своеобразие менталитета, языка, специфические черты исторического развития каждого народа определяют различия в концептуализации и вербализации соматизмов в русской, казахской и английской концептосферах.

Список литературы

1. Баниже О. Н. Телесность и античное мировоззрение / О. Н. Баниже // Общество: философия, история, культура. 2015. No. 6. С. 51–53.
2. Башкатова Ю.А. Культурный смысл соматизмов (на материале английского и русского языков) / Ю. А. Башкатова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. No. 4-3 (52). С. 58–61.
3. Беличенко Е. А. Функционально-грамматическое варьирование лексем со значением частей тела человека (на примере существительных и глаголов back, hand, head и shoulder) : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Беличенко Елена Александровна. СПб, 1999. 69 с.
4. Даниленко В. П. Методы лингвистического анализа [Электронный ресурс] : курс лекций / В. П. Даниленко. 4-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2016. 280 с.
5. Дмитриев Д. В. Толковый словарь русского языка Дмитриева Д. В. [Электронный ресурс] / Д. В. Дмитриев. 2003. URL: <http://www.endic.ru/dmytriev/Volos-4364.html> (дата обращения: 20.11.2017).
6. Котов В. Г. Женское божество Умай/Хумай: сравнительная характеристика / В. Г. Котов // Известия АлтГУ. 2010. No.4-2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhenskoe-bozhestvo-umay-humay-sravnitel'naya-harakteristika> (дата обращения: 21.11.2017).
7. Кошарная С. А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С. А. Кошарная. Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. 288 с.
8. Лапушинская Н. О. Символические значения компонента глаз во фразеологизмах / Н. О. Лапушинская // Ученые записки ВГУ им. П.М. Машерова. 2012. No. 2. С. 185–193.
9. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа / Е. Е. Левкиевская. М.: «Издательство АСТ», 2000. 528 с: ил.
10. Леонович Е. О., Леонович О. А. Лингвокультурологический аспект перевода : практикум / Е. О. Леонович, О. А. Леонович. М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. 204 с.
11. Сиф (богиня). Википедия. URL:[https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D1%84_\(%D0%B1%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%BD%D1%8F\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D1%84_(%D0%B1%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%BD%D1%8F)) (дата обращения: 20.11.2017)
12. Старых О. В. Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка / О. В. Старых // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2011. No. 2(24). С. 80–85.
13. Хайруллина Р. Х. Лингвофилософия: особенности национального языкового сознания / Р. Х. Хайруллина. Уфа: изд. БГПУ, 2012. 135 с.
14. Халимулина Р. С. Мифологическая картина мира (гносеологический аспект) : автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.01 / Халимулина Римма Сабитовна. Оренбург, 2008. 18 с.
15. Щирова В. С. Соматические фразеологизмы немецкого языка в когнитивно-дискурсивном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Щирова Виктория Сергеевна. Тамбов, 2005. 24 с.

Сведения об авторах:

Хайруллина Райса Ханифовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Башкирского государственного университета имени М. Акмуллы. Сфера научных и профессиональных интересов: сопоставительное языкознание, лингвокультурология, лингвофилософия, языковая картина мира. Email: rajhan@mail.ru.

Бергер Виктория Петровна – аспирант 2 года обучения Башкирского государственного университета имени М. Акмуллы. Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, сопоставительная лингвистика, лингвокультурология, билингвизм. Email: stripirella25@mail.ru.

HUMAN CHARACTER IN THE MYTHOLOGICAL WORLD VIEW (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN, KAZAKH AND ENGLISH LANGUAGES)

Raysa Kh. Khayrullina, Viktoriya P. Berger

M. Aknulla Bashkir State University named, 450000, the Republic of Bashkortostan, Ufa, October Revolution street, 3-a

The Abstract: *The article is focused on the study of human character in the mythological worldview in three different linguocultures (Russian, Kazakh and English). Of special interest is a somatic code, which, on the one hand, is universal in each culture, and, on the other, has its national distinctness. A linguocultural description of somatism “волос / шаш / hair” is given in Russian, Kazakh and English, respectively. In folk culture there is a large number of rituals, signs, paremias and phraseological units, rooted in mythology and expressed in the linguistic worldview, with a symbolic meaning of the concept “hair”. Interpretation of the semantics of phraseological units with somatisms made it possible to identify specific features of the national and cultural conceptualization and categorization of the real world. The features of similarity and differences in the conceptualization and verbalization of somatisms in Russian, Kazakh and English conceptspheres are carefully examined. For this purpose a set of general scientific and linguistic methods and evaluation techniques of language material are used, such as a typological and comparative methods, techniques of linguocultural and component analysis of empiric material.*

The results of the research will be of interest both for specialists in the field of linguocultural studies, linguists-cognitologists and non-specialist audiences.

Key Words: *mythological worldview, somatism, hair, linguoculturology, symbol, myth, concept.*

References

1. Banizhe O. N. Telesnost' i antichnoe mirovozzrenie [The embodiment and ancient worldview] / O. N. Banizhe // Obshchestvo: filosofii, istoriia, kul'tura [Society: Philosophy, History, Culture]. 2015. No. 6. P. 51–53. (in Russian)
2. Bashkatova Iu. A. Kul'turnyi smysl somatizmov (na materiale angliiskogo i russkogo iazykov) [Cultural meaning of somatisms (on the material of English and Russian languages)] Iu. A. Bashkatova // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of the Kemerovo State University] . No. 4–3 (52). pp. 58–61. (in Russian)
3. Belichenko E. A. Funktsional'no-grammaticheskoe var'irovanie leksem so znacheniem chastei tela cheloveka (na primere sushchestvitel'nykh i glagolov (back, hand, head i shoulder) [Functional and grammatical variation of lexemes with the meaning of human body parts (on the example of nouns and verbs back, hand, head and shoulder)] : author's abstract ... of PhD in Philology: 10.02.04 / Belichenko Elena Aleksandrovna. SPb, 1999. 69 p. (in Russian)
4. Danilenko V. P. Metody lingvisticheskogo analiza [Methods of linguistic analysis] [Electronic source] : kurs lekcij [lecture course] / V. P. Danilenko. 4 vol., ster. M. : FLINTA, 2016. 280 p. (in Russian)
5. Dmitriev D. V. Tolkovyi slovar' russkogo iazyka Dmitrieva D. V. [Definition Dictionary of Russian language by Dmitriev D. V.] [Electronic resource] / D. V. Dmitriev 2003. URL: <http://www.endic.ru/dmytriev/Volos-4364.html> (accessed: 20.11.2017). (in Russian)

6. Kotov V. G. Zhenskoe bozhestvo Umai/Khumai: sravnitel'naia kharakteristika [Female divine Umai/Humai: comparative characteristic] / V. G. Kotov // Izvestiia AltGU [AltSU Journal]. 2010. No. 4–2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhenskoe-bozhestvo-umay-humay-sravnitelnaya-harakteristika> (accessed: 21.11.2017). (in Russian)
7. Kosharnaia S. A. Mif i iazyk: Opyt lingvokul'turologicheskoi rekonstruktsii russkoi mifologicheskoi kartiny mira [Myth and language: The experience of linguocultural reconstruction of the Russian mythological world view] / S. A. Kosharnaia. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2002. 288 p. (in Russian)
8. Lapushinskaia N. O. Simvolicheskie znacheniiia komponenta glaz vo frazeologizmakh [Symbolic meaning of the eye component in phraseological units] / N. O. Lapushinskaia // Uchenye zapiski VGU im. P.M. Masherova [Scholarly notes of P.M. Masherov VSU]. 2012. No. 2. pp. 185–193. (in Russian)
9. Levkieskaia E. E. Mify russkogo naroda [Myths of the Russian people] / E. E. Levkieskaia. M.: «Izdatel'stvo ACT», 2000. 528 p: with graphics. (in Russian)
10. Leonovich E. O., Leonovich O. A. Lingvokul'turologicheskij aspekt perevoda [Linguistic and cultural aspect of translation] : praktikum [practical work] / E. O. Leonovich, O. A. Leonovich. M. : FLINTA : Nauka, 2017. 204 s. (in Russian)
11. Sif (boginia). Vikipediia. [Sif (goddess). Wikipedia.] URL:[https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D1%84_\(%D0%B1%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%BD%D1%8F\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D1%84_(%D0%B1%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%BD%D1%8F)) (accessed: 20.11.2017). (in Russian)
12. Sarykh O. V. Somatizmy kak osobyi klass slov v leksicheskoi sisteme tserkovnoslavianskogo iazyka [Somatisms as a special class of words in the Church Slavonic lexical system] / O. V. Sarykh // Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta [Herald of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University]. 2011. No. 2(24). pp. 80-85. (in Russian)
13. Khairullina R. Kh. Lingvofilosofia: osobennosti natsional'nogo iazykovogo soznaniia [Linguophilosophy: features of the national language consciousness] / R. Kh. Khairullina. Ufa: izd. BGPU, 2012. 135 p. (in Russian)
14. Khalimulina R. S. Mifologicheskaiia kartina mira (gnoseologicheskii aspekt): [Mythological world view (epistemological aspect)] : author's abstract ... of PhD in Philosophy: 09.00.01 / Khalimulina Rimma Sabitovna. Orenburg, 2008. 18 p. (in Russian)
15. Shchirova V. S. Somaticheskie frazeologizmy nemetskogo iazyka v kognitivno-diskursivnom aspekte [Somatic phraseological units of the German language in the cognitive and discursive aspect] : author's abstract ... of PhD in Philology : 10.02.04 / Shchirova Viktoriia Sergeevna. Tambov, 2005. 24 p. (in Russian)

About the authors:

Raysa Kh. Khayrullina – doctor of Philology, professor of Russian Language department of M. Akmulla Bashkir State University. Spheres of research and professional interest: cognitive linguistics, comparative linguistics, philosophy of language, comparative phraseology. E-mail: rajhan@mail.ru.

Viktoriia P. Berger – 2 year PhD student of M. Akmulla Bashkir State University. Spheres of research and professional interest: cognitive linguistics, comparative linguistics, linguoculturology, bilingualism. E-mail: stripirella25@mail.ru.

* * *

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АМХАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Л.Н. Чернышева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В поле зрения автора статьи именное словообразование, представляющее собой отдельную словообразовательную подсистему, отличающуюся набором индивидуальных средств и моделей производства новых лексических единиц в современном амхарском языке. В свете актуализации проблемы продуктивности в словообразовании рассматриваются наиболее активно используемые на сегодняшний день способы и модели словообразования как новые, так и существующие в языке на протяжении длительного времени. Автор анализирует интралингвистические и экстралингвистические факторы, оказывающие влияние на активизацию процесса создания новых слов в современном амхарском языке. Рассматривается также проблема правильного использования новых лексических единиц, в том числе с учётом их стилистической принадлежности, своевременное решение которой позволяет избежать недопонимания или искажения смысла языковых новообразований в процессе коммуникации. В связи с этим делается вывод о необходимости систематизации и унификации новых слов, в особенности относящихся к терминологической лексике.

Данная работа ограничивается рассмотрением отдельных аспектов именного словообразования в современном амхарском языке, выделяя наиболее продуктивные с точки зрения автора словообразовательные модели имён.

Ключевые слова: амхарский язык, именное словообразование, словообразовательная модель, способы словообразования, продуктивность.

Характеризуя язык как общественное явление, мы, прежде всего, имеем в виду его коммуникативную функцию, которая является важной, но не единственной. С возникновением новой реальности появляется потребность отобразить её посредством номинативного знака, в результате чего создаётся слово с определённым объёмом лексического значения [2]. Появление новых слов в языке, как правило, активизируется по мере развития научного знания, а также на фоне политических и экономических изменений, происходящих в обществе. Помимо экстралингвистических факторов создание неологизмов связано с внутриязыковыми причинами: устаревание или недостаток экспрессивности и выразительности

номинации, стремление к языковой экономии, краткости и т.д.

Основным механизмом создания новых лексических единиц в семитских языках в целом и в амхарском в частности является сочетание консонантного или консонантно-вокалического корня со словообразовательной моделью [6, с. 188, 297, 359; 10]. Как показывает практика, при сохранении традиционных моделей и способов словообразования на разных этапах развития языка продуктивность одних из них может возрастать, других, наоборот, снижаться. Новые словообразовательные модели, в том числе заимствованные из других языков, в силу ряда причин оказываются более эффективными при создании неологизмов. Выявление продуктивных и непро-

дуктивных способов и моделей образования новых лексических единиц позволяет определить, какие процессы действуют в системе словопроизводства в разные периоды развития языка.

Объект данного исследования связан с вопросом функционирования различных словообразовательных средств, использующихся при создании новых номинативных единиц в современном амхарском языке. В поле зрения автора именное словообразование, представляющее собой отдельную словообразовательную подсистему, отличающуюся набором индивидуальных средств и моделей словопроизводства.

Основным методом исследования стал словообразовательный анализ языкового материала, собранного путём сплошной выборки из научных и публицистических текстов, толковых словарей и словарей неологизмов. Применялся также метод наблюдения.

Амхарский язык отличается развитой системой словообразования, что находит отражение в разнообразии способов создания новых номинативных единиц. Основными словообразовательными средствами амхарского языка являются внутренняя флексия (часто в сочетании с суффиксацией и префиксацией), основанная на распределении вокализмов в лексической единице, геминации согласных и редупликации, а также внешняя аффиксация и словосложение.

Внутренняя флексия, в том числе в сочетании с суффиксацией и префиксацией, является основным способом именного словообразования от глагольных корней: *degwami* «спонсор» (*deggome* «материально поддерживать»), *mukret* «эксперимент» (*mokkere* «пытаться»), *šəbbə* «террор» (*aššəbbere* «заниматься террористической деятельностью»). Суффиксальный способ образования новых слов в современном амхарском языке, как и ранее, демонстрирует высокую продуктивность. Словообразовательные суффиксы помогают создавать новые слова в основном от именных основ. Однако суффикс *-(ə)nnet* может присоединяться и к различным глагольным формам [9, с. 231-232, 585], как правило, основному компоненту сложного глагола (*zəmməta* «молчание», *əmbita* «отказ»), местоимениям (*ərswo* «обращение на "Вы"») и частицам (*awonta* «согласие»).

С помощью суффикса *-(ə)nnet* от существительных, прилагательных, грамматических форм

глагола, местоимений и числительных образуются имена с абстрактным значением: *abronnet* «сотрудничество», «сплочённость» (*abbere* «взаимодействовать», «сотрудничать», «объединяться»); *andənnet* «единство» (*and* «один»); *əsunnnet* «личность» (*əsu* «он»); *ərswonnet* «личность» (*ərswo* «Вы» вежл.ф.). Суффикс *-(ə)nnet* в качестве словообразовательного средства может присоединяться к именным лексемам, образованным способом суффиксации, в результате чего в состав новой лексической единицы входят два разных по значению суффикса: *and-əye-nnet* «гомогенность» (*and-əye* «монофизит», «монотеист»); *anəst-awi-nnet* «феминизм» (*anəst-awi* «феминистский»). Если в качестве производящей основы выступает лексема, образованная от глагольного корня способом внутренней флексии в сочетании с суффиксацией, то производное слово может иметь более двух суффиксов: *ləm-at-awi-nnet* «процветание» (*lemma* «развиваться», «процветать» – *ləm-at* «развитие» – *ləm-at-awi* «развивающийся»).

Отыменные производные образуются также способом префиксации и словосложения¹: *iamañ* «атеист» (*amañ* «верующий человек»), *čərota adragi* «донор» (*čərota* «благоедеяние», *adragi* «делающий»). Префиксальный способ образования новых лексических единиц по своей продуктивности в целом уступает суффиксальному. Однако на этапе модернизации амхарского языка в 80-е гг. XX в. некоторые префиксы, а также трактуемые как префиксы корневые морфемы, как правило, заимствованные из языка геэз², стали активно использоваться при создании новых общественно-политических и научных терминов [5, с. 66]. Среди них такие, как *šere-* «анти-», «контр-»; *i-* «не»; *qədmə-* «до-»; *dəhre-* «пост-»; *əjazur* «нео-»; *dibe-* «мета-»; *səne-* «-ология»: *šere abəyot* «контрреволюция», *iqusawī* «нематериальный», *qədmə huneta* «предпосылки», *dəhre məruq* «аспирант», *əjazur qəñ aggezaz* «неоколониализм», *dibe akal* «метафизика», *səne ləsan* «лингвистика» [11, с. 33-34; 12, с. 17].

В последнее время с возникновением новых реалий и необходимостью их лексической номинации в амхарском языке появились новые заимствования из языка геэз, которые практически утратили своё лексическое значение и превратились в префиксы – *nə'us* «суб-», «под-»; *afqare* «про-»; *bəyne-* «меж-»: *nə'us komite* «подкомитет».

¹ В связи с тем, что правописание сложных слов в амхарском языке до сих пор не унифицировано, допускается их раздельное, слитное написание и через дефис.

² Геэз – (амх. *gə'ez*) эфиопский, древнеэфиопский язык.

тет», *nə'us ahəgur* «субконтинент», *nə'us zərf* «подотрасль»; *afqare rusiya* «пророссийский», *afqare burjwa* «пробуржуазный»; *beyne bəher* «межнациональный», *beyne mēngəstat* «межгосударственный», *beyne disiplin* «междисциплинарный».

В том случае, когда заимствуется имя (как правило, существительное), новая лексическая единица создаётся по модели эфиопского «status constructus» или эфиопского изафета [3, с. 43; 4, с. 70]. Компонентами этой конструкции являются два имени, которые ставятся в позицию «вершинное имя – зависимое имя». Вершинное имя оформляется изафетным показателем -е: *şere merz* «антидот» (*şer* – геэз «враг», *merz* «яд»), *səne həywət* «биология» (*sən* – геэз «красота», *həywət* «жизнь»). Новая лексическая единица может создаваться по образцу амхарского изафета, при этом наблюдается иной порядок слов: «зависимое имя – вершинное имя». Первый компонент сложного слова оформляется показателем уе- в соответствии с правилами амхарской грамматики: *yətərf tərɸ* «сверхприбыль» (*tərɸ* «прибыль»); *yələmat awtar* «инфраструктура» (*ləmat* «развитие», *awtar* «сеть (объектов)»). Если же изафетный префикс уе- опускается, то отношения между компонентами выражаются простым синтаксическим соположением зависимого и вершинного имени: *əəmro ʕənqet* «стресс» (*əəmro* «ум», «рассудок»; *ʕənqet* «тревога», «беспокойство»); *səra aṭṭənnət* «безработица» (*səra* «работа», *aṭṭənnət* «отсутствие»); *ayyer qət* «климат» (*ayyer* «воздух», *qət* «стиль», «тип»). В некоторых сложных словах, построенных по модели амхарского изафета, элемент -е присоединяется к зависимому имени: *wəştə dəmb* «устав» (*wəşt* – «внутренняя часть»; *dəmb* «правило»).

В настоящее время обе конструкции – эфиопский изафет и амхарский изафет – являются весьма продуктивными моделями, на базе которых происходит образование сложных слов в амхарском языке: *mədbele walta* «многополярный» (*mədbel* – геэз «конгрегация», *walta* «полюс»), *mədbele parti* «многопартийный»; *terrefe mərt* «прибавочный продукт» (*terref* – геэз «избыток»; *mərt* – «продукт»); *fənotə karta* «дорожная карта» (*fənot* – геэз «путь», *karta* «карта»).

Производство новых лексических единиц на основе геэзских корней, по словообразовательным моделям языка геэз, широко распространено в современном амхарском языке. Активно создаются слова, имеющие одинаковое или очень близкое лексическое значение, что приводит к появлению большого количества синонимов.

Например, к слову *təkuret* «внимание», «акцент» (*təkkorə* «внимательно смотреть», «наблюдать») по словообразовательной модели, заимствованной из языка геэз и демонстрирующей высокую продуктивность в современном амхарском языке, были созданы два синонима: однокоренной *atkurot* и синоним от другого корня *aşnə'ot* (*şenna* «твёрдо придерживаться»). Изначально слова, создаваемые по геэзским моделям, воспринимались как стилистически окрашенные и соотносились с книжным стилем речи, однако анализ их употребления свидетельствует о том, что они всё чаще замещают в тексте стилистически нейтральные языковые единицы.

Вот ещё несколько продуктивных на сегодняшний день моделей, по которым создаётся новая лексика, пополняющая синонимические ряды в современном амхарском языке: *dərgit* «действие, поступок» – *adragot* «действие, деятельность» (*aderrege* «делать, совершать»); *dəhret* «регрессия» – *adhərot* «полит. реакция» (*daḥara* – геэз «запаздывать, быть последним»); *bəḥṣa* «превосходство» – *abləṣa* «большинство» (*belletə* «превосходить»); *rədata* («ардата») «помощь, содействие» – *teradə'o* «помощь, сотрудничество» (*redda* «помогать, содействовать»); *sətotə* «дар, дарование» – *təsəṭə'o* «дарование» (*sette* «дарить, одаривать»); *mukkera* «опыт» – *temokro* «опыт» (*mokkera* «пытаться»); *ləmd* (*ləmad*) «опыт» – *təlamdo* «опыт» (*ləmmədə* «привыкать»); *təgl* «борьба» – *təgadlo* «борьба» (*taggele* «бороться»). В последних трёх примерах создание новой лексической единицы происходит на основе застывшей грамматической формы, которая соотносится с образованным от расширенных глагольных основ деепричастием [4, с. 53].

Таким образом, можно сделать вывод, что явление в языке неологизмов не всегда связано с необходимостью найти обозначение для нового явления или понятия, а часто объясняется желанием посредством новой формы придать старому понятию дополнительную окраску – эмоционально-оценочную или функционально-стилистическую. Язык как средство общения для поддержания своей коммуникативной функции находится в постоянном развитии. Морфологические и синтаксические конструкции, заимствованные из языка геэз, в значительной степени служат для создания научной лексики. А научный стиль речи, наряду с публицистическим, относится к наиболее динамично развивающимся.

Практически все исторически сложившиеся способы и модели словообразования использу-

ются при создании новых слов в амхарском языке в настоящее время. Однако не все они одинаково продуктивны. Сейчас, как уже отмечалось выше, образование новых слов с помощью префиксов и по образцу «status constructus» встречается довольно часто, хотя ещё недавно эти способы создания неологизмов считались малоэффективными [4, с. 58, 70], по крайней мере, в сравнении с суффиксацией и амхарским изафетом.

Основой для образования сложных слов могут служить различные глагольные элементы. При этом в отдельных случаях входящие в состав нового слова корневые морфемы самостоятельно в амхарском языке не употребляются. Например, *aṭəfto tēfi* «камикадзе» – буквально: «убив погибающий»; *yilef tiket* «транзитный билет» – буквально: «пусть (он) проходит билет»; *wəz adder* «пролетарий» – буквально: «(гезз) пот пребывание», где *adder* не употребляется самостоятельно и может быть соотнесено с глаголом *addere* «пробыть некоторое время (в каком-либо состоянии)».

Продуктивной словообразовательной моделью при создании сложных прилагательных является сочетание существительного с застывшей глагольной формой *yelleš* или элементами *bis* и *alba* со значением «не имеющий», «лишённый чего-либо», которые часто переосмысливаются как суффиксы³. Когда вторым компонентом выступает *bis*, сложное прилагательное образуется при помощи соединительного элемента -*ə* по модели «status constructus»: *wəṭete bis* «неплодотворный», *meserete bis* «безосновательный»; *dember yelleš* «безграницный», *məhret yelleš* «беспощадный»; *mədəb alba* «бесклассовый», *qutəṭṭər alba* «бесконтрольный».

Высокую словообразовательную активность при создании сложных прилагательных демонстрирует модель, похожая на «status constructus»: объект, маркируемый показателем эфиопского винительного падежа -*ə* (совпадает с показателем -*ə* при вершинном имени в эфиопском «status constructus») плюс глагольная морфема [4, с. 95]: *hulle gebb* «универсальный» (букв. «(во) всё входящий», где *hullu* «всё», а *gebb* «входить»); *həggə wəṭṭ* «незаконный» (букв. «закон нарушающий», где *həgg* «закон», а *wəṭṭa* «выходить»); *bete fett* «бездомный» (букв. «(от) дома откреплённый», где *bet* «дом», а *fetta* «откреплять»).

Ряд сложных прилагательных, создаваемых по модели «объект + глагольная морфема», не имеет показателя винительного падежа: *alem aqqef* «международный» (букв. «мир обнимающий», где *alem* «мир», а *aqqefe* «обнимать»); *poletika lebbes* «политический» (букв. «(в) политику одевающийся», где *poletika* «политика», а *lebbese* «одеваться»); *guzo qemmes* «туристический» (букв. «путешествие пробуемый», где *guzo* «путешествие», а *qemmes* «пробовать»); *tarik ṭeqqes* «исторический» (букв. «истории касающийся», где *tarik* «история», а *ṭeqqese* «касаться»); *genzeb nekk* «финансовый» (букв. «денег касающийся», где *genzeb* «деньги», а *nekk* «касаться»).

В амхарском языке есть некоторое количество сложных прилагательных, компонентами которых являются застывшие глагольные формы, глагольные морфемы и даже короткие фразы: *qutṭa azzel* «гневный» (букв. «гнев содержащий»); *ferra tebb* (*yəmmil*) «нерешительный, бдительный» (букв. испугался, насторожился (говорящий)); *əzzih gəba yəmmaybbal* «непривлекательный» (букв. сюда входи не говорящий).

Рассматривая образование прилагательных от существительных способом аффиксации, следует выделить наиболее продуктивные на сегодняшний день суффикс -*awī* и префикс *ṣere-*: *təqwamawī* «институциональный» (*təqwam* «институт, учреждение»), *ləmatawī* «развивающийся» (*ləmat* «развитие»), *əmertawī* «скачкообразный» (*əmerta* «скачок»); *awdawī* «циклический» (*awd* «периодическое повторение»); *ṣere musna* «антикоррупционный» (*musna* «коррупция»), *ṣere šəbbəg* «антитеррористический» (*šəbbəg* «террор»), *ṣere həzb* «антинародный» (*həzb* «народ»). От прилагательных, образованных с помощью суффикса -*awī*, при помощи префикса *i-* «не-», «анти-» в свою очередь создаются новые лексемы: *i-əkkuy-awī* «неравный», *i-qus-awī* «нематериальный», *i-kinet-awī* «антихудожественный».

В последнее время в амхарском языке появилось большое количество лексических новообразований, созданных в результате аббревиации. Это относительно новый способ, однако он уже занял свою нишу в словообразовательной системе амхарского языка, что не в последнюю очередь связано с требованием к подаче информации в более сжатом виде. Чаще всего новые слова возникают путём сокращения компонентов про-

³ Слова, образованные этим способом, можно рассматривать как простые с учётом того, что второй компонент полностью утратил своё лексическое значение и служит для отрицания заложенного в первом компоненте содержания [4, с. 95].

изводящей основы до начальных букв (слов⁴). Этим способом создаются аббревиатуры названий политических партий, общественных организаций и не только: wugumi «МИД» (wəwəčč gudday minister «Министерство иностранных дел»); izea «ЭИА» (ye'ityopya zena agelgəlot «Эфиопское информационное агентство»); temedə «ООН» (yetəbabberut mēngəstat dərajjət «Организация Объединённых Наций»); ohədədə «ДОНО» (ye'oromo həzbočč demokrasiyawi dərajjət «Демократическая организация народа оромо»). Аббревиатуры, состоящие из начальных звуков каждого из компонентов производящей основы, как правило, являются фонетическими заимствованиями: igad «IGAD (ИГАД)» (yəməsraq afriqa bəyən mēngəstat dərajjət «The Intergovernmental Authority on Development», «Межправительственная организация по развитию»).

Создание новых слов способом соединения полных и усечённых основ имён существительных встречаются редко: dəmbwa «кровеносный сосуд» (dəm «кровь», bwambwa «труба»); kəbbəqa «диск» (kəb «круглый», əqa «предмет»), wondagered «бисексуал, гермафродит» (wond «мужчина», ləjagered «девушка»). Однако в амхарском языке стали появляться заимствованные из английского языка слова, образованные слиянием морфем и их частей: modem «модем» (modulator + demodulator), lidar «лидар» (light + radar), bayoniks «бионика» (biology + electronics), motel «мотель» (motor + hotel) и другие.

Довольно активно лексический состав амхарского языка пополняется неологизмами, образованными посредством семантической деривации. Производные лексические единицы образуются от исходных, обновляя их значение, но сохраняя форму знака. Часто производящей основой для таких новообразований являются слова, заимствованные из других языков, главным образом, геэз: ləsan геэз «язык» – ləsan «печатный орган»; qunčə «хохол» – qunčə «верхи» (высшие круги общества); mettələfīya «коридор» – mettələfīya «кулуары»; angaffa «первенец» (oromo hangafa «самый старший») – angaffa «передовой»; kəftet «интервал» – kəftet «недостаток»; betre mēngəst «царский скипетр» – betre mēngəst «бразды правления»; wəhdet «гармония, союз» – wəhdet «ассимиляция, уподобление»; aftaṇ «расторопный» – aftaṇ «промоутер»; əset геэз «вознаграждение» – əset «ценность».

Таким образом, можно сделать вывод, что суффиксальный способ пополнения амхарского языка новой лексикой сохраняет свою продуктивность. Вместе с тем, происходит увеличение числа неологизмов, образованных посредством префиксации, по моделям эфиопского «status constructus» и амхарского изафета, а также в результате вторичной номинации. В последнее время появилось много слов, созданных относительно новым для амхарского языка способом аббревиации. Значительное количество новых лексических единиц образуется с использованием заимствованных из языка геэз морфем и по геэзским словообразовательным моделям.

Не вся новая лексика, появившаяся в конце XX – начале XXI века и активно функционирующая в амхарском языке, находит отражение в словарях, подвергается систематизации и стандартизации. Унификация особенно актуальна для терминологической лексики, так как моносемантичность – это свойство, характеризующее термин. Движение в этом направлении помогает употреблять лексические новообразования правильно, с учётом стилистической принадлежности, избежать непонимания или искажения смысла [7; 8]. Новые слова в первую очередь появляются в средствах массовой информации, на страницах газет и журналов, звучат из теле- и радиоприёмников, а также в выступлениях общественных и политических деятелей. Безусловно, требуется время для того, чтобы они стали частью общеупотребительной лексики. Однако случается, что слово, функционирующее в языке на протяжении многих лет, не встречается ни в одном из справочных изданий. Даже если принять тот факт, что в словарях могут отражаться не все значения слова (речь не идёт о терминах), а только основное номинативное и, возможно, некоторые номинативно-производные значения, этого достаточно, чтобы возникло представление об обозначаемом предмете и явлении. Раскрывая значение слова, толковые словари способствуют тому, чтобы оно правильно употреблялось в речи. На фоне активизации стихийного словотворчества эта проблема становится актуальной не только для амхарского языка [1, с. 3, 5, 301]. Изучение неологизмов, их фиксация в словарях важны для повышения речевой культуры, для наблюдения за тенденциями внутриязыкового развития и изменениями, происходящими в языке в связи с преобразованиями в обществе.

⁴ Амхарский язык заимствовал эфиопское консонантно-слоговое письмо. Каждая буква амхарского алфавита имеет семь слоговых порядков.

Список литературы

1. Гладкова Е.Л. Пути развития общественно-политической лексики современного персидского языка. – М.: МГИМО-Университет, 2013. 316 с.
2. Косых Е.А. Русская ономастология. Available at: <http://www.library.altspu.ru/dc/pdf/kosih2.pdf> (Accessed 10 January 2018).
3. Старинин В.П. Эфиопский язык. М.: Наука, 1967. 120 с.
4. Титов Е.Г. Грамматика амхарского языка. М.: Наука, 1991. 324 с.
5. Чернышева Л.Н. Роль внешнего фактора в развитии терминологической лексики амхарского языка // Гуманитарный вектор, 2017. Том 12, № 2. С. 64-69.
6. Языки мира: Семитские языки. Эфиосемитские языки // Булах М.С., Коган Л.Е. Эфиосемитские языки. М.: Academia, 2013. 624 с.
7. Danyel Kəbret. Amarəñña qwanqwa keyet wədet: tegdaroččuna meftəhe. Available at: http://www.tewahedo.org/dan_upload/upload/the%20development%20of%20Amharic.pdf (Accessed 10 January 2018).
8. Danyel Kəbret. Yetelemmedu yamarəñña səhtetoččəna meftəheyaččəw. Available at: <http://www.satenaw.com/amharic/archives/6623> (Accessed 10 January 2018).
9. Leslau W. Reference Grammar of Amharic. Available at: https://books.google.ru/books?id=VtDX1P936FYC&pg=PR5&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false (Accessed 10 January 2018).
10. Shuly Wintner. Morphological Processing of Semitic Languages. Available at: <file:///C:/Users/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D1%8F/Downloads/9783642453571-c2.pdf> (Accessed 28 April 2011).
11. Some Theoretical Questions of Political and Social Terminology in Amharic. Zdeněk Poláček. Proceeding of the International Seminar of Terminology. The Academy of Ethiopian Languages. Addis Ababa, 1987, pp. 33-36.
12. The Linguistic Theory and Methodology of the Science and Technology Terms Translation Project. Amsalu Aklilu. Proceeding of the International Seminar of Terminology. The Academy of Ethiopian Languages. Addis Ababa, 1987, pp. 14-20.

Сведения об авторе:

Чернышева Лариса Николаевна – старший преподаватель кафедры индоиранский и африканских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: язык политики, общественно-политический перевод, лексикология современного амхарского языка. E-mail: larisa-chernysheva@rambler.ru.

SOME ASPECTS OF NOMINAL WORD FORMATION IN MODERN AMHARIC

Larisa N. Chernysheva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *The article analyzes nominal word formation in modern Amharic as a subsystem with special word formation mechanisms. We examine productive word formation models and patterns both new and existing in the language for a long time. The intralinguistic and extralinguistic causes that influence the process of creating new words are also observed in the article.*

Particular attention is paid to the problem of the correct use of newly coined lexical units so as to avoid the distortion of their meaning as well as misunderstanding between the people who communicate with each other. In this connection, a conclusion is made about the need for the systematization and unification of new words, especially those related to terminological vocabulary.

The article is limited to the consideration of certain aspects of the nominal word formation highlighting those word-formation patterns in modern Amharic that from the author's point of view are most productive.

Key Words: *the Amharic language, nominal word formation, word formation patterns, word formation models, productivity.*

References

1. Gladkova E.L. Puti razvitiia obshchestvenno-politicheskoi leksiki sovremennogo persidskogo iazyka. [Ways of Development of Social and Political Vocabulary of the Modern Persian Language]. M.: MGIMO-Universitet, 2013. 316 s.
2. Kosykh E.A. Russkaia onomasiologiya. [Russian Onomasiology] Available at: <http://www.library.altspu.ru/dc/pdf/kosih2.pdf> (Accessed 10 January 2018).
3. Starinin V.P. Efiopskii iazyk. [The Ethiopian Language]. M.: Nauka, 1967. 120 s.
4. Titov E.G. Grammatika amkharskogo iazyka. [Grammar of the Amharic Language]. M.: Nauka, 1991. 324 s.
5. Chernysheva L.N. Rol' vneshnego faktora v razvitiu terminologicheskoi leksiki amkharskogo iazyka [The Influence of the External Factors on the Development of Terminology in Amharic]. Gumanitarnyi vektor, 2017. Tom 12, № 2. S. 64-69.
6. Iazyki mira: Semitskie iazyki. Efiosemitskie iazyki [Languages of the World: Semitic Languages. Ethiosemitic Languages]. Bulakh M.S., Kogan L.E. Efiosemitskie iazyki. M.: Academia, 2013. S. 29.
7. Danyel Kəbrēt. Amarəñña qwanqwa keyet wədet: tegdaroččuna məftəhe. (Development of the Amharic language: tasks and solutions) Available at: http://www.tewahedo.org/dan_upload/upload/the%20development%20of%20Amharic.pdf (Accessed 10 January 2018).
8. Danyel Kəbrēt. Amarəñña qwanqwa yetəlemmēdu səhtetoččna məftəheyaččow (The Most Common Mistakes in the Amharic Language and the Ways to Eliminate Them). Available at: <http://www.satenaw.com/amharic/archives/6623> (Accessed 10 January 2018).
9. Leslau W. Reference Grammar of Amharic. Available at: https://books.google.ru/books?id=VtDX1P936FYC&pg=PR5&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false (Accessed 10 January 2018).
10. Shuly Wintner. Morphological Processing of Semitic Languages. Available at: <file:///C:/Users/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D1%8F/Downloads/9783642453571-c2.pdf> (Accessed 10 January 2018).
11. Some Theoretical Questions of Political and Social Terminology in Amharic. Zdeněk Poláček. Proceeding of the International Seminar of Terminology. The Academy of Ethiopian Languages. Addis Ababa, 1987. – pp. 33-36.
12. The Linguistic Theory and Methodology of the Science and Technology Terms Translation Project. Amsalu Aklilu. Proceeding of the International Seminar of Terminology. The Academy of Ethiopian Languages. Addis Ababa, 1987. – pp. 14-20.

About the author:

Larisa N. Chernysheva – Senior Lecturer at the Indian, Iranian and African Languages Chair, MGIMO-University (Moscow, Russia). Research interests: the language of politics, socio-political vocabulary of the Amharic language, modern Amharic lexicology. E-mail: larisa-chernysheva@rambler.ru.

★ ★ ★

OBSERVACIONES SOBRE LA TOPONIMIA BOLIVIANA

О.С. Чеснокова, М. Радович, Г. Техерина Ледесма

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

Este artículo se enfoca en los aspectos históricos, nacionales y culturales de los topónimos bolivianos. Los materiales que han servido como objeto de análisis han sido diversos mapas de la República de Bolivia, diccionarios nacionales y bilingües, textos y discursos de diversos tipos, lo que proporcionó un corpus de 300 unidades. El origen, la motivación, la estructura morfológica y semántica de topónimos bolivianos se analizan desde el punto de vista semiótico, lo que permite evaluar su papel en la visión del mundo de los bolivianos y el de contactos de lenguas y culturas en Bolivia. Una atención especial es prestada a los gentilicios bolivianos. Se ha podido ver que la toponimia boliviana forma un sistema toponomástico autosuficiente y flexible que está en constante evolución. Presenta rasgos universales de la toponimia hispanoamericana, sudamericana y andina al mismo tiempo. Contiene voces autóctonas que forman su sólido sustrato indígena –quechua y aimara, en primer término-, voces de la época de la conquista del país por los europeos, nombres geográficos surgidos en la época de la independencia de Bolivia que –al igual que en otras toponimias hispanoamericanas nacionales– permiten diversas combinaciones. También se presentan los resultados del análisis de la productividad de los sufijos usados para derivar los gentilicios bolivianos.

Ключевые слова (palabras clave): toponimia, Bolivia, contactos de lenguas, gentilicios, geografía onomástica, estudios semióticos, sistema toponímico.

1. Introducción

La toponimia es parte integrante de la onomástica y tiene como objeto de estudio diversos aspectos de los nombres geográficos. Combina las metodologías de los análisis lingüístico, histórico y geográfico. Puesto que la filología hispánica contemporánea percibe la lengua española como un conjunto de parámetros de divergencia y convergencia, se pueden estudiar los topónimos como marcadores de la percepción del universo por hablantes de diversas variedades del español, o castellano, lo que combina los logros de la geografía onomástica tradicional y los estudios dialectales y semióticos, prestando una especial atención a los sistemas toponímicos nacionales, contactos de lenguas y culturas, reflejados en ellos.

Este artículo está dedicado a la toponimia de la República de Bolivia.

2. Objetivos y materiales

En este artículo se consideran los topónimos de bases lingüísticas diferentes que designan diversos lugares de la República de Bolivia. Cabe mencionar que el español hablado en Bolivia tiene una escasa tradición de estudio en la hispanística rusa [7; 5].

El objetivo principal de nuestro artículo ha sido recopilar, clasificar y comentar el sistema toponímico boliviano.

Los materiales que han servido como objeto de análisis han sido diversos mapas de la República de Bolivia, diccionarios nacionales y bilingües, textos y discursos de diversos tipos lo que proporcionó un corpus de 300 unidades. En nuestro artículo abar-

¹ The publication has been prepared with the support of the «RUDN University Program 5-100».

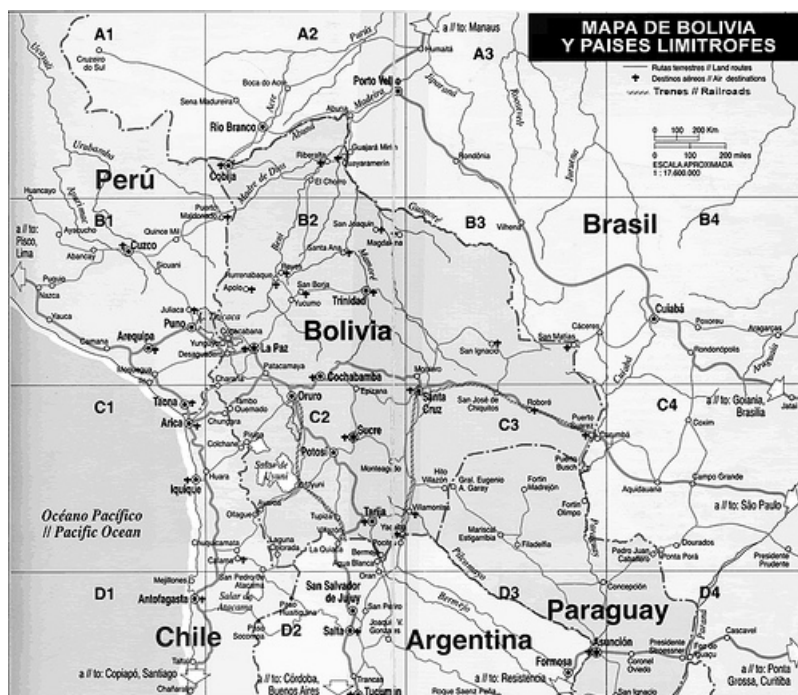


Fig.1. El mapa de Bolivia

camos tales grupos temáticos de topónimos tradicionalmente señalados como horónimos: nombres propios de montañas y otros accidentes del terreno; hidrónimos: nombres propios que se designan a masas de agua, ecónimos: nombres propios de cualquier poblado, ciudad, comunidad, aldea, etc.; urbanónimos: nombres propios de cualquier objeto topográfico de la ciudad (calles, avenidas, plazas, playas, etc.); agrónimos: nombres propios de cualquier parcela, finca o campo [12].

3. Metodología

Los topónimos pueden considerarse como el reflejo lingüístico del modelo de universo. Semióticamente, reflejan y catalogan el espacio. Según Yu. Lotman, la semiótica del espacio representa el significado clave en la formación de “la imagen del mundo” para tal o cual cultura. La base inevitable de la interpretación de la vida a través de la cultura está en la formación del modelo del universo y del espacio [3, p. 205]. Como se ha tenido ocasión de confirmar [9; 10; 11; 2; 1; 5; 6], los topónimos se manifiestan como marcadores de la percepción del universo por hablantes de diversas variedades del español.

Uno de los principios de certitud en los estudios toponímicos se encuentra en su percepción como sistemas, puesto que un topónimo aislado, aunque sea transparente por su forma interior, no proporciona información onomástica suficiente; la información se

pone de manifiesto solamente en los estudios de una serie de topónimos [4, p. 323].

Al igual que -por lo visto- en la toponimia latinoamericana en general, como se ha tenido ocasión de afirmar [10; 11] y comprobar [10; 11; 5; 6], nosotros proponemos agrupar los topónimos bolivianos en voces provenientes de lenguas autóctonas que explícitamente guardan componentes indígenas, topónimos surgidos en la época de la conquista de América por los europeos, en los que prevalecen los recursos del castellano, denominaciones geográficas que abarcan el período desde la independencia de Bolivia hasta la fecha, en las que una de las tendencias predominantes es la de recursos de nombres propios. En cada una de estas tres vertientes se hallan topónimos originarios en nombres propios (de persona, es decir, antropotopónimos, en primer término) y en nombres comunes, que permiten diversas combinaciones.

4. La situación lingüística de Bolivia

Según el famoso hispanista norteamericano, John M. Lipski, “Bolivia ofrece rasgos innovadores y elementos arcaizantes entre sus dialectos, que son piezas misteriosas del rompecabezas lingüístico hispanoamericano”. [13, p. 204] La situación lingüística de Bolivia se caracteriza por la intrínseca complejidad de contactos entre el español y las lenguas indígenas, quechua y aimara, en primer término.

Del análisis de los datos (familia lingüística, ubicación, número de hablantes, etc.) presentados por Mily Crevels y Pieter Muysken [16], se deduce que los idiomas más utilizados y ampliamente hablados en la actualidad son el aimara (aymara) y el quechua. Son estos lenguajes los que se usarán más adelante para el análisis de los topónimos del país. No es de extrañar que el sustrato indígena se perciba en la toponimia nacional a lo ancho de todo el país.

5. Topónimos bolivianos provenientes de lenguas autóctonas

El sustrato indígena –quechua y aimará– es evidente en todo el sistema toponímico boliviano. Los ejemplos son múltiples. Nos limitaremos por los más emblemáticos y significativos.

Cochabamba. Según la investigación de Adolfo Mendoza Leigue, el topónimo *Cochabamba* deriva del nombre “Qhuchapampa”. Traduciendo del quechua “Qhucha” significa “Laguna Pampa”, “Plano, llano, llanura, piso, suelo”. Por lo tanto, el nombre *Cochabamba* significaría “Lugar lleno de lagunas”, entonces su nombre original en quechua sería “Qhuchapampa”.

Analicemos unos topónimos de las zonas más populares de la ciudad de Cochabamba.

Muyurina. Topónimo derivado de un verbo: del quechua “Muyuy” significa “Dar vueltas, girar”. El nombre de Muyurina significaría “Giraremos”, “Daremos vueltas”.

Huayra K'asa. Topónimo derivado de un nombre y un adjetivo: del quechua “Wayra” – “Viento (Nombre) Q'asa”, “Desportillado, incompleto”. El nombre de Huayra K'asa podría significar: “Lugar por donde termina el viento” o “Lugar donde corre el viento”. Entonces su nombre original en quechua sería “Wayra Q'asa”.

La Chimba. Topónimo derivado de un adverbio: del quechua “Chimpa”- “Enfrente, del otro lado del río”. Entonces su nombre original en quechua sería “Chimpa”.

Jayhuaico. Topónimo derivado de un verbo: del quechua “Jayway” – “Entregar, dar, alcanzar”. El nombre de Jayhuaico significaría “Alcanzamos”. Entonces su nombre original en quechua sería “Jaywayku”.

Taquiña. Topónimo derivado de un verbo: del quechua “Takiy” – “Cantar”. También apreciamos el sufijo “-ña” – “ya”. Sin embargo, de acuerdo a nuestro análisis sería “Takina”. El nombre de Taquiña significaría “Cantemos”. Entonces su nombre original en quechua sería “Takina”.

Lípez. Francisco M. Gil García [8] define el topónimo Lipes como “un paisaje de paisajes: punas yermas e inhóspitas, aunque ricas en recursos minerales, donde campan las vicuñas y adonde acuden los indios para su caza de acuerdo con un arte específico”.

El autor examina varias versiones posibles del origen del nombre. El más cercano a la actualidad - el español. Teniendo en cuenta la riqueza mineralógica de los espacios de Lípez, ensalzada tanto en época colonial como durante el periodo republicano y aun (por más que ya muy desmerecida) en el presente, podría buscarse una conexión simple entre el topónimo Lípez y una piedra en particular: la piedra lipes, destacada por su abundancia en estas tierras.

Sin embargo, llama la atención que entre los cronistas citados, los dos más próximos del mundo de los incas, Betanzos y Garcilaso de la Vega, se refieran al territorio que nos ocupa por el nombre Llipi y no Lipes. Tanto en quechua como en aimara, llipi alude a los conceptos de brillo y refulgencia, con lo que el topónimo Lípez empieza así a adquirir otro sentido: un paraje que, tal vez por abundancia mineral y/o las cualidades de ciertos minerales, refulge.

Según lo recién señalado, no en aimara pero sí en quechua, la raíz llipi cuenta con otro significado que nos sitúa sobre la construcción de Lípez como un paisaje yermo de ásperas punas, y que tiene que ver con lo despojado, vacío o pelado. Así lo recoge el vocabulario de González Holguín: “Llipicuni, o llipircuni, o llipircarini. Estar vacío, desocupado, pelado de todo, estar pobre.”

Por lo tanto, nos encontramos en el significado de un nombre de lugar el reflejo de toda la historia del pueblo originario y sus actividades en el dicho territorio, incluyendo las últimas influencias de conquista y la lengua española.

Cabe mencionar que el Diccionario de la Real Academia Española indica la etimología de la denominación “piedra lipes” como “De Lipes, territorio boliviano” [14].

Veamos algunos otros ejemplos de la toponimia andina de la región Altiplano.

Tunupa. Es un orónimo, nombre del volcán ubicado al sur del departamento de Oruro, en el municipio de Salinas de Garci Mendoza, limitando con el Salar de Uyuni, tiene una altura de 5.432 metros sobre el nivel del mar. No solo el volcán es muy importante para entender la cosmovisión y filosofía de los pueblos prehispánicos, sino su nombre también. Tunupa (también llamado en otros sitios Tuapaca o Taguapaca) es el nombre de una deidad andina venerada actualmente en el altiplano boliviano. Se le considera el dios del volcán y del rayo. Tunupa es una de las

divinidades más antiguas del área central andina que en su máximo apogeo se veneró en el altiplano (Collao) y el área del Colesuyu. Se cree que el origen del culto a Tunupa se encuentra en los periodos pre-tiahuanaco y pre-puquina, alcanzando su auge durante el periodo de los reinos aymaras (especialmente los Collas, Lupacas y Carangas), también estuvo vigente durante el periodo incaico pero es también durante éste periodo que su culto empieza a ser confundido con el culto a Wiracocha. Posteriormente con la colonización española el culto a Tunupa retrocede demográficamente afincándose en el Collao.

La función de Tunupa era el ordenamiento del mundo, por lo cual muchos etnohistoriadores lo confundieron con Ticsi Wiracocha. Lo describen acompañado de Tarapacá y Taguapacá, quienes lo ayudaban a ordenar el mundo. Otros autores aseguran que el hecho de que a Tunupa se le asocie a otros nombres corresponde a que se pudo tratar de una pareja de dioses que eran uno solo, correspondientes al mundo de arriba y al mundo de abajo. El Tunupa del mundo de arriba sería el rayo y la lluvia, mientras que el Tunupa del mundo de abajo era la lava de los volcanes, los ríos y los manantiales. Esta bipartición de la cosmovisión era común antes de la llegada de los españoles pero, al no ser entendida por éstos, se le describió a la manera de los dioses occidentales.

Potosí. Potosí es el nombre del departamento, de la ciudad y del cerro. Del aymara: “pfutuc”, onomatopeya de algo que revienta; “siwa” significa “ha dicho”. Su equivalente en español sería: “¡Pum! ha dicho”. Es emblemático que la alusión a los yacimientos de plata de Potosí sirvió de motivo inspirador para la denominación del estado y su capital homónima en México, San Luis Potosí.

6. Topónimos de la época de la conquista de América por los europeos.

En su mayoría contienen elementos de significado religioso o son topónimos descriptivos.

La Paz, capital del país. Enseña Lipski que “La Paz, fundada originariamente en medio del territorio aimara como estación de paso entre Cuzco y el sur de Charcas, fue un puerto importante entre Perú y Potosí, y se convirtió en un centro comercial y administrativo” [13, p. 206].

Villamontes (o Villa Montes), es en nombre del municipio y la ciudad al sur del país. La etimología es bien transparente y alude a montes y villa.

Trinidad, la ciudad del departamento de Beni, ubicada en el centro del país, alude a unos de los símbolos cristianos más importantes.

7. Topónimos híbridos.

Topónimos híbridos son los que combinan voces castellanas, que en la mayoría son descripciones de accidentes geográficos de tipo “Salar” y voces autóctonas.

Veamos un ejemplo relevante.

Salar de Uyuni. El salar de Uyuni es el mayor desierto de sal continuo y alto del mundo. Está situado en el suroeste de Bolivia, en el departamento de Potosí, dentro de la región altiplánica de la cordillera de los Andes. ¿Cuál es el origen del nombre Uyuni? Uyuni es la capital de la antigua provincia Porco. Traducido del aymara “uyu” significa “canchón, sitio”; “ni” – “que tiene”. Por lo tanto, encontramos “un lugar coto que tiene algo”. El salar de Uyuni es la mayor reserva de litio en el mundo con el 50-70% del litio mundial e igualmente cuenta con importantes cantidades de potasio, boro y magnesio. Entonces se trata de un canchón rico de minerales, cuyas fronteras se delinean claramente de las manchas de sal.

8. Topónimos conmemorativos

Bolivia, nombre del país, proviene del apellido de Simón Bolívar (*Simón José Antonio de la Santísima Trinidad Bolívar de la Concepción y Ponte Palacios y Blanco*; 1783-1830), “*El Padre de la Patria*” para colombianos, venezolanos, ecuatorianos, peruanos, bolivianos, panameños.

En cuanto a los topónimos conmemorativos, reflejan los valores patrióticos de los bolivianos que es la tendencia predominante en su perfil semiótico y en los topónimos hispanoamericanos en general.

He aquí unos ejemplos de antropotopónimos bolivianos:

Sucre. Antonio José de Sucre vivió en la primera mitad del siglo XIX y era uno de los más destacados liberadores de Bolivia de los conquistadores, además de ser uno de los líderes de la Guerra de la independencia de Hispanomérica. En 1813 Sucre acompañó a Simón Bolívar. Fue el segundo presidente de Bolivia desde el 1826 hasta el 1828 y fue asesinado por sus adversarios políticos.

Santa Cruz. Andrés de Santa Cruz era funcionario, mariscal y el siguiente (después de Sucre) presidente de Bolivia. Mientras desempeñaba la función del presidente, introdujo una serie de reformas administrativas y era el fundador principal de la Confederación peruano-boliviana en el 1836. Después de que Chile declaró la guerra, la confederación se descompuso y Santa Cruz se vio obligado a abandonar el territorio del continente americano.

En el Departamento de Oruro encontramos una gran variedad de topónimos conmemorativos.

La Provincia de Antonio Quijarro –antes la Provincia de Porco- lleva el nombre del político boliviano Antonio Quijarro.

La Provincia José María Linares fue bautizada en honor a José María Linares (1808-1861), notable político y ex presidente boliviano.

La Provincia Frías honra a Tomás Frías (1804-1884), notable jurisconsulto boliviano, oriundo de la ciudad de Potosí, capital de esta provincia y del departamento de Potosí.

También existen otros tipos de conmemoración. Hay unos ejemplos de topónimos modernos usados en lugar de los nombres históricos. Hay casos de una actualidad apremiante como ese topónimo que denomina como **“Rocas de Dalí”** a un conjunto geológico de una belleza singular ubicado en el desierto de Los Lípez. El topónimo que obviamente recuerda al pintor surrealista español nació al calor de la creciente industria turística local y así está destacado en la cartografía oficial. Los bolivianos esperan en futuro ser capaces de cambiarlo por uno de mayor relevancia dentro del contexto cultural regional.

9. Nombres gentilicios

El sufijo “-eño” para formar gentilicios resulta el más relevante en este sistema toponímico nacional: *aiguileño, alteño, apoleño, araneño, arqueño, ayopayeño, camireño, capinoteño, cliceño, cobijeño, cruceño, chapareño, chaqueño, chuqisaqueño, llallagueño, mizqueño, orureño, paceño, punateño, puneño, quill-*

acolleño, riberalteño, sacabeño, tapacareño, tarateño, tarijeño, tiraqueño, totoreño, tupiceño, viacheño, villamonteño, yacuibeño), al compararlo con “-ino” y sus solamente cinco ejemplos o “-ense” con cuatro coincidencias. Dicho sufijo resulta ser el más frecuente en los procesos de formación de gentilicios no sólo en Bolivia, sino también en otros países hispanohablantes sudamericanos, tales como Venezuela, Colombia, Perú y Paraguay. Es interesante el caso del gentilicio *movima* referido a los habitantes de la ciudad *Santa Ana del Yacuma*, que proviene de la denominación de la lengua indígena y el pueblo que lo habla en esta región [5; 6].

10. Conclusión

En resumen, se ha podido ver que la toponimia boliviana forma un sistema toponomástico autosuficiente y flexible que está en constante evolución. Presenta rasgos universales de la toponimia hispanoamericana, sudamericana y andina al mismo tiempo. Contiene voces autóctonas que forman su sólido sustrato indígena, voces de la época de la conquista del país por los peninsulares, nombres geográficos surgidos en la época de la independencia de Bolivia que –al igual que en otras toponimias hispanoamericanas nacionales- permiten diversas combinaciones. En el futuro, resultan relevantes temas de contactos de la toponimia boliviana (San Luis Potosí, en México, por ejemplo) y homonimia (Sucre, en Colombia) de la toponimia boliviana con otras toponimias hispanoamericanas nacionales.

REFERENCIAS BIBLIOGRÁFICAS

1. Бобылева Е.С. Лингвокультурологический анализ макротопонимов Чили. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2016. с.61-67.
2. Журавлева Н.Ю. Словообразовательный и лексико-семантический потенциал оттопонимических номинаций в мексиканском национальном варианте испанского языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.05 / Журавлева Наталья Юрьевна; Москва: РУДН, 2013. 20 с.
3. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст- семиосфера- история. М.: Языки русской культуры, 1996.
4. Мурзаев Э.М. Очерки по топонимике. М.: Мысль, 1974.
5. Радович М. Лингвокультурологический анализ топонимов и катойконимов боливийского национального варианта испанского языка. М.: РУДН, 2016, // Вестник РУДН: «Русский и иностранные языки и методика их преподавания», № 4/2016., М.: РУДН, 2016. С. 133-140.
6. Радович М. Топонимика Южной Испаноамерики и Бразилии : катойконимы и метафорика : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.05 / Радович Мария; Москва: РУДН, 2017. 20 с.
7. Фирсова Н.М. Испанский язык и культура Боливии. Под редакцией Гидо Рамиро Техерина Ледесма. М.: РУДН, 2009. Fírsova. La lengua española y la cultura de Bolivia. Moscú, RUDN. 2008.
8. García, Francisco M. Gil. Paisajes para un topónimo. Reflexiones fenomenológicas sobre la aprehensión inca y española de los espacios de Lipes (altiplano sur andino). Universidad Complutense de Madrid, 2009.
9. Chesnokova, Olga. Toponimia latinoamericana: Un enfoque semiótico. Forma y Función. vol. 24, n. 2 julio-diciembre del 2011. Bogotá, Colombia, ISSN 0120-338x, pp. 11-24.
10. Chesnokova, Olga. Perfil semiótico de la toponimia colombiana // Revista – e-escrita. Revista do Curso de Letras da UNIABEU Nilópolis, v.5, Número 2, maio-agosto, 2014. pp.151-160.

11. Chesnokova, Olga. Los topónimos latinoamericanos: los lazos paradigmáticos, sintagmáticos y un diálogo de culturas. Cuadernos Iberoamericanos, выпуск 1(3), Изд-во МГИМО (У), 2014. pp. 115-119.
12. Gramática descriptiva de lengua española, Tomo 1- Sintaxis básica de las clases de palabras. Madrid, Ed. Espasa, 1999.
13. Lipski, John M. El español de América. Madrid: Cátedra, 1996. 447 p.
14. El diccionario de la lengua española (DRAE). 22ª ed. Madrid: Espasa Calpe, 2001. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.dle.rae.es (Дата доступа 5 февраля 2018 г.)
15. Crevels, Mily y Muysken, Pieter (2009). Lenguas de Bolivia. Tomo I, p.15-16. La Paz: Plural editores. 2009. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ru.nl/lenguassp/lenguas/lenguas/>; https://books.google.ru/books?id=26LdarGBj0UC&pg=PA13&dq=Lenguas+de+Bolivia.&source=bl&ots=YkHkt3GGhI&sig=9VmoZZI_K670flscIGeM6RA4NKo&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKewjG4Mb6sMbZAhWLWSwKHa3lBbIQ6AEI2gEwDg#v=onepage&q=Lenguas%20de%20Bolivia.&f=false (Дата доступа 7 февраля 2018 г.)

Сведения об авторах:

Ольга Станиславовна Чеснокова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов (Россия, Москва). Сфера профессиональных интересов: этнолингвистика, лингвокультурология, языковая картина мира носителей испанского языка, топонимика, перевод художественного текста. E-mail: tchesnokova_olga@mail.ru.

Мария Радович (Сербия) – кандидат филологических наук, ассистент кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов (Россия, Москва). Сфера профессиональных интересов: топонимика, катойконимы, межкультурная коммуникация, этимология. E-mail: radovic.mar@gmail.com.

Гидо Рамиро Техерина Ледесма (Боливия) – старший преподаватель кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов (Россия, Москва). Сфера профессиональных интересов: межкультурная коммуникация, переводоведение, юмористический дискурс. E-mail: tejerina@yandex.ru.

NOTES ON BOLIVIA PLACE NAMES

Chesnokova Olga, Radović Marija, Tejerina Ledesma Guido Ramiro

RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia),
Miklukho-Maklaya Street, 6, 117198, Moscow, Russia

The Abstract: *This article focuses on historical, national and cultural aspects of Bolivian place names. The materials used for this article included maps of the Republic of Bolivia, national and bilingual dictionaries, texts and discourses of different types, all of which provided a corpus of 300 units. The origin, motivation, and both the morphological and semantic structure of Bolivian toponyms were analyzed from the semiotic point of view, which allowed evaluating their role in the Bolivians' worldview, as well as in terms of contacts between different languages and cultures. A special attention was paid to Bolivian demonyms. The results of the analysis make it possible to draw the conclusion that the Bolivian toponymy forms a self-sufficient and flexible system that is constantly developing. It reveals universal features of Latin American, South American and Andean toponymy. It contains native place names that form its solid indigenous substrate due to Quechua and Aymara languages, as well as place names from the period of the conquest of the country by the Europeans and geographical names that emerged during the Independence period. All given features of Bolivia's toponymy, like in other Spanish-American national toponymies, allow various combinations. The results of the suffix productivity analysis in the word formation of Bolivian demonyms are also presented.*

Key Words: *toponymy, Bolivia, linguistic contacts, demonyms, onomastic geography, semiotic studies, toponymic system.*

References

1. Bobyleva E.S. Lingvokul'turologichesky analiz mikrotoponimov Chili [Linguocultural analysis of microtoponyms in Chile]. Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov: Seriya: Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniia [The Journal of RUDN University. Series: Russian and Foreign Languages and the Methods of Their Teaching]. RUDN University 2016. p. 61-67.
2. Zhuravliova N.Yu. Slovoobrazovatel'ny i leksiko-semantichesky potentsial ottoponimicheskikh nominatsiy v meksikanskom natsional'nom variante ispanskogo iazyka [The Lexical, Semantical and Word Forming Potential of Demonyms in Mexican National Variant of Spanish]. Avtoreferat dis.... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.05 / Zhuravliova Natal'ya Yur'evna [The Abstract of a PhD thesis for the PhD Degree in Romance Languages]. Moscow, RUDN University, 2013. 20 p.
3. Lotman Yu.M. Vnutri mysliaschikh mirov. Chelovek-tekst-semiosfera-istoriia. [Inside the Thinking Worlds. The Man-the Text-the Semiosphere-the History], Moscow. Yazyky russkoi kul'tury, 1996.
4. Murzaev, E.M. Ocherki po toponimike. [The Essays on Toponymy]. Moscow, Mysl, 1974.
5. Radović M. Lingvokul'turologichesky analiz toponimov i katoikonimov bolivijskogo natsional'nogo varianta ispanskogo iazyka [The Linguocultural Analysis of Toponyms and Demonyms in the Bolivian National Variant of Spanish]. Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov: Seriya: Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniia [The Journal of RUDN University. Series: Russian and Foreign Languages and the Methods of Their Teaching n. 4/2016]. RUDN University 2016. p. 133-140.
6. Radović M. Toponimika Iuzhnoi Ispanoameriki i Brazili: katoikonimy i metaforika [The Toponymy of Spanish-Speaking South America and Brazil: Demonyms and the Metaphorical Aspect]. Avtoreferat dis.... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.05 / Radovich Maria [The Abstract of a PhD thesis for the PhD Degree in Romance Languages]. Moscow, RUDN University, 2017. 20 p.
7. Firsova N.M. Ispansky yazyk i kul'tura Bolivii [The Spanish Language and the Culture of Bolivia]. Pod redaktsiei Guido Ramiro Tejerina Ledesma [Coord.: Guido Ramiro Tejerina Ledesma], Moscow, RUDN University. 2009.
8. García, Francisco M. Gil. Paisajes para un topónimo. Reflexiones fenomenológicas sobre la aprehensión inca y española de los espacios de Lipes (altiplano sur andino). Universidad Complutense de Madrid, 2009.
9. Chesnokova, Olga. Toponimia latinoamericana: Un enfoque semiótico. Forma y Función. vol. 24, n. 2 julio-diciembre del 2011. Bogotá, Colombia, ISSN 0120-338x, pp. 11-24.
10. Chesnokova, Olga. Perfil semiótico de la toponimia colombiana // Revista – e-escrita. Revista do Curso de Letras da UNIABEU Nilópolis, v.5, Número 2, maio-agosto, 2014. pp.151-160.
11. Chesnokova, Olga. Los topónimos latinoamericanos: los lazos paradigmáticos, sintagmáticos y un diálogo de culturas. Cuadernos Iberoamericanos, выпуск 1(3), Изд-во МГИМО (У), 2014. P. 115-119.
12. Gramática descriptiva de lengua española, Tomo 1- Sintaxis básica de las clases de palabras. Madrid, Ed. Espasa, 1999.
13. Lipski, John M. El español de América. Madrid: Cátedra, 1996. 447 p.
14. El diccionario de la lengua española (DRAE). 22ª ed. Madrid: Espasa Calpe, 2001.– Available at: www.dle.rae.es (accessed 5 February 2018)
15. Crevels, Mily y Muysken, Pieter (2009). *Lenguas de Bolivia*. Tomo I, p.15-16. La Paz: Plural editores. 2009. – Available at: <http://www.ru.nl/lenguassp/lenguas/lenguas/>; https://books.google.ru/books?id=26LdarGBj0UC&pg=PA13&lpq=PA13&q=Lenguas+de+Bolivia.&source=bl&ots=YkHkt3GGhI&sig=9VmoZZI_K670flscIGeM6RA4Nko&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjG4Mb6sMbZAhWLWSwKHa3lBbIQ6AEI2gEwDg#v=onepage&q=Lenguas%20de%20Bolivia.&f=false (accessed 7 February 2018)

About the authors:

Olga Chesnokova – Dr. Sc in Romance Philology, Full-time Professor of the Department of Foreign Languages, RUDN University (Russia, Moscow). Spheres of professional interest: culture-oriented linguistics, mentality and linguistic world-image of Spanish-speaking people, place names studies, literary text translation. E-mail: tchesnokova_olga@mail.ru.

Marija Radović (Serbia) – PhD in Romance Philology, Full-time Teaching Assistant Professor of the Department of Foreign Languages, RUDN University (Russia, Moscow). Spheres of professional interest: toponymy, demonyms, intercultural communication studies, place names studies, etymology. E-mail: radovic.mar@gmail.com.

Guido Ramiro Tejerina Ledesma (Bolivia) – Senior Professor of the Department of Foreign Languages, RUDN University (Russia, Moscow). Spheres of professional interest: intercultural communication studies, translation studies, humoristic discourse. E-mail: tejerina@yandex.ru.

★ ★ ★

МЕТАЯЗЫКОВАЯ МОДИФИКАЦИЯ АССЕРТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

С.В. Чиронов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье на основе корпусных данных проводится сравнительный анализ маркирования ассертивных высказываний вводными оборотами металингвистического характера в японском языке. Автореферентны основному высказыванию обороты с одиночным речевым глаголом в условной форме, выполняющие функции маркеров приблизительной номинации. Экспликация искренности производится оборотами с сопровождением речевого глагола модификаторами со значением «честно», «искренне», «правда», что отражает следование говорящего постулату качества. Особенностью набора метаязыковых средств для японского языка является наличие оборотов с речевыми глаголами в пассивном залоге, где вербализуются элементы речевой ситуации, связанные с отношениями между собеседниками. Близость ментальных глаголов к речевым позволяет рассмотреть в числе метаязыковых средств и обороты с ними. В функциональном плане все из языковых средств, указывая на те или иные существенные составляющие ассертивного значения, служат повышению персуазивной силы высказывания. При этом в общей структуре подкласса и семантике отдельных единиц можно выделить как универсально значимые, так и лингво- или культурно специфические составляющие.

Ключевые слова: японский язык, лингвистическая прагматика, речевые акты, вводные обороты, ассертивность, персуазивность, корпусные данные.

1 Интенции говорящего (иллокутивные смыслы), в лингвистической прагматике традиционно отражаемые в виде таксономии речевых актов, эксплицируются в речи различными, нелинейными способами. Наиболее прямыми, «жёсткими» экспликаторами являются перформативные формулы, высокорелевантны грамматические, конструктивные, просодические факторы. Нельзя отрицать и значимость вспомогательных лексических средств индикации интенциональной стороны высказывания, на которую указывают такие авторитетные авторы, как В.В. Виноградов [3] и Д. Вандервекен [21]. Особо повышается их роль в ассертивных высказываниях, относительно «бесцветных» с точки зрения маркирования интенциональности прочими способами. Именно для ассертивов, од-

нако, этот тип выражений изучен пока далеко не полностью.

Принадлежащие к различным формальным классам (наречия, особенно сентенциального типа, частицы, вводные слова и обороты) и занимающие промежуточное положение между ними или же периферийное внутри них, упомянутые средства объединяются по функциональному признаку в единый класс – модальные слова, маркеры дискурса, дискурсивные слова. Сложилось такое положение и в японском языке, где, например, Х. Кудо [19] условно выделяет класс модальных (или предикативных, или модусных) наречий по признаку модификации предиката (в широком смысле). Таким образом, из адвербиального по существу класса единиц как бы исключаются частицы и вводные обороты. Отчасти эта позиция

оправдана морфологическими диспропорциями среди языков – иным функционалом частицы в японском, а также тем, что вводный оборот как таковой развит в нём не настолько, как, например, в романо-германских или арабском языках. В чистом виде, разрывая ткань предложения, он вызывает ощущение искусственного, «переводного» книжного стиля. Однако в этом смысле можно сказать, что функции вводных оборотов в современном японском языке «делегированы» оборотам предваряющим – *maeoki* («зачинам»), помещаемым слева от основного предложения и соединяемым с ним слабопротивительной или виртуально-условной связью. Тогда встаёт вопрос о разграничении свойственных *maeoki* речевых функций хеджа, оговорки (снижающих ответственность за высказывание), организации дискурса и повышения убедительности высказывания. В наиболее подробной из известных нам классификаций (ср. также [15, 16, 17]) автор, следуя «столпу» японского языкознания Х. Киндаити (выделившему у *maeoki* функции когнитивной и эмоциональной подготовки собеседника [18]), использует для этого критерий соотнесения оборота с интересубъектным или информационным планом общения [22]. «Зачины» первого типа могут быть достаточно чётко соотнесены с типами тех высказываний, которые они вводят: выражения со значением «понимания позиции собеседника» предваряют отказ, «скромности» – предшествуют оценкам и пожеланиям, оговорки в отношении собственной компетенции делаются с целью смягчить оценки, обычно негативные, а извинения предваряют широкий круг выражений, включая директивы (о них см. в нашей работе [12]). Для второго типа выделяются метаязыковые выражения, преследующие цели управления дискурсом – «задающие тему» (фактически это расширенный топик) и «определяющие форму повествования» (кратко, подробно и т.п.) [22, с. 113]. Предложенная схема отчасти перекликается со списком модусных адвербиалов Х. Кудо, куда попадает и ряд прагматизированных вводных (предваряющих) оборотов. Однако именно для асертивных высказываний задача восстановить полную картину остаётся.

Как известно, общая перлокутивная цель асертивов заключается в том, чтобы изменить когнитивный статус адресата – убедить его, заставить поверить утверждениям говорящего. Очевидно, что достичь её возможно с использованием различных тактик, по-разному учитывающих параметры коммуникативной ситуации. Но в любом

случае наличие такого персуазивного компонента в асертивной интенции предопределяет действенность тактик, либо а) эксплуатирующих аксиоматичные для обоих коммуникантов представления об истинности высказывания, либо б) эксплицитно указывающих на неё. К первому подтипу следует отнести обороты метаязыкового плана с глаголами речевого и вербального действия, где убеждению собеседника способствует сема фактивности [2]. По сути, в них сводятся к «чистому содержанию» многочисленные формулы, удостоверяющие когнитивную «предысторию» утверждения, включая показатели эпистемической вероятности, эвиденциальности и пр. Ко второму подтипу относятся различные интенсификаторы, выражения с семантикой или «истинности» и «ясности» как характеристики самой информации (мы описывали их в работах [10; 11]), или же «искренности» говорящего – как вербальной экспликации известного условия искренности [6, с. 165].

В упомянутой классификации Х. Кудо на эти два подтипа приходится три рубрики подкатегории «субмодальность». Первому типу соответствует рубрика «пришедшее на ум» – обороты с ментальными глаголами *omoeba*, *kangaete miru to*, *omoiokoseba*, а также рубрика «фигуральное выражение» – с глаголами речи *iwaba*, *iu nareba*, *itte mireba*. Часть единиц второго типа включает маркеры «признания» из соответствующей рубрики *jitsu wa*, *jitsu-o ieba*, *shoojiki (itte)*, которые либо в обязательном порядке требуют введения речевого глагола, либо допускают употребление с ним. Провести сравнительный разбор всех указанных единиц, привлекая для анализа ситуаций употребления данные открытого корпуса [20], и будет целью настоящей работы. При этом мы перегруппируем материал, стремясь к тому, чтобы соответствие между функциональностью единиц (предмет классификаций) максимально соответствовало их внутренней форме, то есть семантике используемых во вводных оборотах речевых и ментальных глаголов. Оба вида выражений в силу значения глаголов представляют собой метаязыковой (мета-мыслительный) комментарий к основному высказыванию.

2. Общей типологии вводных выражений метаязыкового характера в японском языке уже была посвящена наша работа [8]. Обороты, которые составляют предмет нашего внимания теперь, не выходят за рамки формул для таких выражений. Объединяет их и иллокутивный критерий: вводимые ими высказывания – чи-

стые ассертивы, не проявляющие (на уровне косвенного речевого акта) элементов побудительности (директивности) или комиссивности. Особенность большинства выражений, однако, в том, что речевой (или ментальный) глагол в них представляет собой не техническое средство введения, «подставку» для модификатора, на который приходится смысловой центр выражения (скажем, *gutaiteki-ni ieiba* = **говоря конкретно**), а сам составляет ядро оборота или весь оборот, причём, будучи таким образом семантически «оголётным», естественно, развивает определённые прагматические смыслы, характерные для данной формы в данном контексте, то есть прагматизируется. Заметим, что функционально близкие к формулам перформативов (о связи с ними см. [1]), вводные обороты отличны от них и формально – положением в предложении, и содержательно – не называя прямо речевой акт.

Так, например, происходит с выражением *itte mireba* (подстрочник – *если попробовать сказать*), которое, судя по данным корпуса, получает устойчивую дискурсную функцию интродукции дефиниции, обобщающей характеристики. Об этом говорит частота появления маркеров дефинитивной конструкции: *to iu no wa* (из 261 примеров 11 вхождений левее по тексту) и *to iu koto/mono* (15 и 6 справа) – высокий уровень с учётом факультативности маркирования в данном случае (дефиниция работает и в простом предложении с именным сказуемым):

全国を業務区域としてあまねく公平に送達サービスを提供させることが適当と考えられる。」、こういう文言があります。これは言ってみれば、クリームスキミングは駄目ですよということなんですね。// «Услуги по доставке должны предоставляться одинаково на всей территории страны» – вот такая формулировка. Это, **будем так говорить**, *означает*: пенки снимать с рынка нельзя (парламентская стенограмма 2002) [20].

Itte mireba можно считать модернизированной версией употребительных в застывшем виде анахронизмов *iwaba* и *iu nareba*. В процессе внутриязыкового «перевода» со старописьменного языка на современный произошло дополнение оборота вспомогательным глаголом *miri*, который кроме аспектуального инхоативного значения попытки (необязательно успешной) развивает ещё и когнитивное (коммуниканту интересны результаты события, что объясняет сочетаемость форманта и с неакциональными глаголами), а также прагматическую «нагрузку», связанную со

смягчением предполагаемого эффекта действия. «Попытке» в этом наборе соответствует то, что дефиниция выдвигается говорящим после некоторого колебания, перебора разных версий. Это отражается графически предшествием отточий, введением хезитативной частицы *таа*, вербализацией вариантов обобщения. Фиксация на познавательном результате проявляется в использовании служебного имени *wake* (образует объяснительную конструкцию типа рус. *речь идёт о том.../это значит, что...*), причём как среди предшествующего контекста слева (11), так и с правой стороны, а также с обеих сторон (3). В сочетании с отрицанием оно опять-таки даёт эффект перебора тезисов:

あるいはこれから復興しなければならない東欧などが復興事業を受注するというわけだ。言ってみれば、世界的なニューディール、ケインズ政策になるわけで// Можно это трактовать и так: возникает спрос на содействие восстановлению в Восточной Европе. Вообще, **если можно так говорить**, *речь идёт о всемирной «новой сделке» на кейнсианских принципах...* (Н. Сима «Новый мир после холодной войны – глазами диктора» 1992), ср.: 失恋の記憶を持ち合わせているわけでもない、カネ持ちになった彼が若い恋人と恋愛しているわけでもない…。言ってみれば平凡な恋愛観しか持ち合わせていないのが彼だった// *Не то чтобы у него был опыт разочарования, не то чтобы теперь, разбогатев, любил своих пассий...* **Вообще, знаете**, у него просто были очень банальные представления о любви (А. Кито «Кого любил Ютака Одзаки» 1995) [20].

Упомянутая семантика «попытки», озвучиваемая перед основным содержанием пропозиции, выполняет роль речевого хеджа, снижая ангажированность говорящего в связи с его неокончательным утверждением. Вместо безапелляционной сентенции мы видим процесс осмысления реальности и языкового «о-значивания» в динамике, что отражается и на использовании речевых формул рассуждения:

要するに、オペレーションというのは、言ってみれば、米軍のすべての行動がオペレーションの一環であるということにもなるわけでしょう。// В целом «операции» означают, что, **вообще говоря**, *получается*, все действия войск США являются частью оперативного плана (парламентская стенограмма 1999) [20].

Выражение *iwaba* (представляет собой более старую условную форму речевого глагола *iu* = *говорить*) получило в дискурсе несколько иную

функцию. Если *itte mireba* служит своего рода сигналом о факте попытки говорящего сформулировать свою идею (которая сама по себе не обязана получать особенно новаторское выражение), то *iwaba* отражает затруднения с подбором адекватного языкового выражения для его мысли.

В этой ситуации включается механизм семиотического творчества, в рамках которого следующий языковой знак используется *ad hoc* – либо создаётся заново, либо заимствуется по принципу переноса. Говоря в терминах Д. Блейкмор, оборот несёт процедурную информацию, содержащую запрос на предоставление более расширенной рамки релевантности для интерпретации сказанного [14], без чего, «с бухты-баряхты» обработать последующий элемент кода может быть трудно:

今日は嫌いなことを必ず一つやりますから、神様、守護して下さい」というわけですね。言ってみれば、ギブ・アンド・テイクです。// Получается – «боже, я сегодня сделаю что-нибудь плохое, а ты, пожалуйста, сохрани меня!» **Так сказать, ты – мне, я – тебе!** (К. Нанасава «У каждого своя судьба» 2005, – расхожая формула – на своём месте), ср. 世界同時不況の中で悩む他の先進国と比べた場合には、いわばがまんの哲学ではございませんが、まだそれなりに対応可能のものではないか、こういう...// В условиях параллельной рецессии в развитых странах мы должны развивать не то чтобы, так скажем, философию терпения, а думать, что нам с этим делать (парламентская стенограмма 1983, выражение «придуманно»), ср. также: 日本テレビドラマが台湾、香港などアジアで大変な人気を集める中で、韓国は いわば「空白地帯」だった。// Хотя популярность японских телесериалов на Тайване и в Гонконге растёт, Корея пока была, **так сказать, «терра инкогнита»** (газета «Тюоку-симбун» 6.02.2002, метафора) [20].

Обратный семиотический путь проделывает говорящий в высказывании с *iu nareba*. Здесь тоже имеет место характеристика, перифраз объясняющего свойства (из 81 примера, исключая переводы и модифицированные варианты, 5 вхождений с упомянутым *wake*). Но если с *iwaba* автор бросает попытки найти адекватное выражение своей мысли среди существующих знаковых средств и подбирает выражение *ad hoc*, то здесь, наоборот, он частично жертвует оригинальностью своей концептуализации и «срежет угол», выбирая уже известное определение, даже если оно не вполне подходит материалу. Отча-

сти это напоминает происходящее в ситуации употребления русского *грубо говоря* [5]. Элемент преодолеваемого здесь противоречия, «семиотического сопротивления», коррелирует с использованием в качестве «подставки» для условной формы детранзитивизирующего глагола *naru*, позже (если сопоставлять с грамматикой выражения), с развитием субстантивации оформившегося в конструкцию, исключаящую волю деятеля <V(inf) + *koto-ni naru*> – подстрочник «если стало так, чтобы говорить»:

もともと貴族への見世物だった（見た目のきれいさにこだわる、いくなればセックスアピール）フィギア世界に、伊藤みどりというとんでもない日本の少女が現れた// *Так в мире фигурного катания, ублажавшего глаз аристократов (с его погоней за внешностью, если можно так сказать – сексапильностью) появилась никому не известная японка Мидори Ито (блог сайта «Яху» 2008) [20].*

В отличие от *itte mireba*, где говорящий, размышляя, пользуется «своим» языком, здесь в речь осознанно вклеивается готовая, узнаваемая «деталь» из «чужого» дискурса (что графически отражается кавычками), привносится элемент полифонии по М. Бахтину: 今までの「ゲキヤスクラぶ」は3500円とか5500円とか、いくなれば「安かろう悪かろうツアー」ばかりだったのだ。// До сих пор «сверхдешёвыми» были туры где-то по 3500-5500 иен – что называется «дёшево и сердито». (Х. Суэфудзи «Сверхдешёвые туры глазами гида» 1997) [20].

В целом вводные выражения с языковым глаголом в действительном залоге вписываются в универсальную тенденцию к использованию метаязыковых маркеров приблизительности номинации, компенсирующих возникающую ситуацию «номинативного голода» в постоянном процессе наложения сложившейся языковой системы на непредсказуемую реальность. Маркирование таких средств связано с нарушением грайсова постулата способа речи, предписывающего ясность и точность коммуникации [4, С. 52].

Несколько особняком среди выражений с речевым глаголом стоит оборот *soo ieba* (подстрочник – «если так/об этом говорить», см. англ. *talking of which*). Внешне являя собой привязку к существующему контексту, он эксплуатирует это свойство не только при развитии или сдвиге темы, но и при выдвижении совершенно новой, создавая при этом иллюзию связности дискурса, ср. рус. *кстати*, а также инициальное *a* в *A вы не знаете...? А что ты скажешь, если...?*

С точки зрения позиции в тексте *soo ieba* отличается фиксированное инициальное положение (не считая случаев ненормативной орфографии в 265 примерах из 1949 ему предшествует кавычка, открывающая прямую речь, в 672 – точка, в 27 примерах – многоточие, в 170 – запятая, 40 и 33 употреблений после вопросительного и восклицательного знака, в восьми случаях так начинается запись в блоге, всего в трёх случаях мы видим смещение правее маркера топики *wa*). Так оформляется высказывание после риторического (но не «наводящего»!) вопроса, в режиме припоминания. 40 вхождений с междометием *a'*), которое сигнализирует невольную реакцию на внешний стимул, также следует признать характерной чертой «пришедшего на ум», по Х. Кудо.

В самом таком «перескоке», конечно, ощущается немалая лёгкость, даже безответственность, что, по-видимому, исключает использование *soo ieba* в таком «тяжёлом» жанре, как парламентская дискуссия (всего 2 примера). С другой стороны, благодаря этой черте оборот становится мощным средством ненавязчиво представить собственное мнение, используемым гораздо чаще «искренних» модификаторов. Именно «ненавязчивость» становится фактором использования его в качестве хеджа в вопросах и директивах, «случайностью» поворота темы вуалируя нацеленность говорящего на результат:

судно 角川さんが、俺にこういった。「そういえば、君は歌を歌ってるんだよね。じゃあ主題歌もやってみない?」それで俺の合格が決まってしまった// А Какугава говорит: «Кстати, ты же у нас поёшь, верно? Так, может, ты и споёшь эту тему?» Так меня взяли на главную партию. (Дж. Яманака «Вечный крик» 2001)

В страдательном залоге выступает речевой глагол в *iwarete mireba* (159 вхождений, против 29 – варианта с другим типом условности *iwarete miru to*). Присутствие вспомогательного глагола «попытки» из отмеченных выше черт проявляет в первую очередь когнитивный эффект: говорящий описывает своё видение привнесённого извне (высказанного субъектом говорения) тезиса. Едва ли странно, что большинство из высказываний, открываемых этим выражением, подпадают под речеактовую рубрику согласия. Частотны формулы согласия, включая 4 вхождения с *tashika-ni* = точно левее и 15 правее, 7 *sono toori* = так и есть, 3 *paruhodo* = понятное дело, 2 *mottomo* = правда, 2 *nattoku da* = убедили. Однако здесь не всё так просто. В значительной части случаев дальше, правее конвенциональной фор-

мулы, согласие выражается не полное, а лишь «в первом приближении», довольно сдержанное. Оно либо отрицается далее по ходу реплики (вводится противительный союз), либо ослабляется оговорками и хеджами, каких, чрезвычайно разнообразных, мы находим целый фейерверк – 12 *soo kamoshirenai* = может быть, и так, 6 *soo da na/ne* = ну да/да уж, *soo na no ka na* = да как уж там, *soo mienai koto mo nai/soo mienaku mo nai* = не то чтобы [дело] не виделось таким образом, *sonna ki mo shinai de mo nai no desu ga* = не то чтобы не было и такого ощущения тоже, хотя...

それだけホテル側も霊の存在を認めているってことよ」確かに言われてみればわかる気もする。ホテル側だってタダで泊める添乗員にいい部屋を当てるワケがないのだ// «Значит, и в отеле признают существование привидения!» Действительно, что тут скажешь? Их тоже, наверное, можно понять [кажется и так, что мне понятно]. Конечно, зачем им давать гиду хорошую комнату? (Х. Суэфудзи «Сверхдешёвые туры глазами гида» 1997), см. также текст ремарок: 山本は押し黙り、考えた。言われてみれば確かにそのようにも取れる、と一応、頭のなかでは理解した。だが、これまでの // Ямамото вдруг замолчал задумался. Головой он в принципе понимал: если так посудить, и правда можно так истолковать. Но по опыту... (Н. Харада «Властитель флота» 2003); ср.: 当然に保証人が必要です」向井は、極めつけるような口振りになった。「そう言われてみれば、そうかもしれませんね」小野は、まだ、よく呑み込めないでいた // «Естественно, нам будет нужен гарант» – сказал Мукаи безапелляционным тоном. «Ну, коль так – может, и правда, верно ведь?» – Он пока явно не был убеждён. (С. Ваку «Кудесник судебной защиты» 1986), ср. также: ... ことが妙に増えたような気がする」狩獵に出かけることの多い男が口を挟んだ。「言われてみれば、そうじゃ」男達の間にざわめきが広がった。「三郎、何を言いたいのです!」// Кажется, это стало происходить как-то чаще, – заметил один из опытных охотников. Среди мужчин стали раздаваться голоса: вообще, мол, поди, оно и правда, если так посмотреть... «Так, Сабуро, а ты что вообще хочешь сказать?» (Ф. Ниситани «Святая ведьма» 1990) [20].

Отсутствие случаев прямого несогласия с «входящим» тезисом, которые вводились бы данным выражением, связано с наличием другого оборота, где условность заменена уступительностью – *soo iwarete mo* (103) = досл. даже если мне так говорят. Он уже не зеркален: для

устойчивости добавляется анафор, отсутствует вспомогательный глагол со значением «попытки» (таким образом, вклад собеседника не становится объектом хотя бы даже ритуального заинтересованного рассмотрения и не «ценится»). Примечательно, что конвенционально закреплён не противительный вариант, а именно этот, где семантика уступительности, не предполагающая прямого отрицания пропозиции в протазисе, позволяет выразить определённую резистентность мнения субъекта, продолжающего существовать параллельно с услышанным от другого коммуниканта.

3. Усилителем метаязыковых оборотов служит вербализация интенции говорящего высказываться честно и прямо. На их прагматической нюансировке прямо сказывается семантика самих модификаторов, но в целом потребность обозначить её всегда возникает в силу существования помех, соображений, которые препятствуют прямому высказыванию. В первую очередь, препятствующие соображения связаны с необходимостью сохранения лица собеседника, ограничения нагрузки на него, возникающей в результате речевого взаимодействия. В основном негативные оценки высказываются *sotchoku* = *откровенно*. Оборот довольно экзотичен: всего 10 вхождений модели *sotchoku-na tokoro*, а из 20 *sotchoku itte* 7 встречаются в переводных текстах. Наивность, непосредственность, которые передаёт *shoojiki* = *честно*, допускающее подчинённое положение коммуниканта, согласуются с оценками, сообщениями о психологическом состоянии говорящего: из 153 примеров с *sotchoku itte* 5 – *odoroita* = *удивился*, см. также *tsurai* = *тяжело*, *jishin nai* = *неуверен*, *mitooshi warui* = *бесперспективно*. Это типичный речевой акт Признание, затруднённый нежеланием скомпрометировать себя и нанести ущерб социальному «лицу» собеседника. Подобные «реверансы» намеренно отбрасываются в *hakkiri itte* = *прямо говоря*, когда суждение довольно редко сопровождается средствами снижения категоричности высказывания, например, *to omou* (59 из 514 вхождений) или наводящий вопрос. В этом случае, как и в следующем, коммуникант сигнализирует о намерении не поступиться максимой искренности. Для *hontoo-no koto-o iu to* = *по правде говоря* содержание признания на порядок более серьёзное и включает фактические сведения, способные поменять действия собеседников. Тем самым высказывание подготавливает директив или коммисив:

神経叢に癌がくっついているため、手術には大きな危険が伴うのだそうだ。それに、**本当のことを言うと**、肝臓にも転移している // *Рак обнаружен в синапсах, и оперировать рискованно. К тому же, по правде говоря, метастазы уже достигли печени* (Х.Сано «Борьба с раком – 18 мужественных людей» 1999), ср. 「じゃあ言いますけれど、他には秘密ですよ」「約束する」「**本当のことを言うと**、物凄く忙しいんです」「...時期だからな」「それもありますけど...// *Я скажу, но это секрет! – Хорошо, обещаю. – По правде говоря, я ужасно занят... – Ну, такой период, да. – Это тоже, но вообще...* (Ц. Авака «Журавлики» 1988) [20].

В типологическом плане интерес представляет степень факультативности вербализации в подобных выражениях аргумента авторской оценки в виде речевого глагола, автореферентного осуществляемому высказыванию. В японском, как и в английском и в русском, появление речевого глагола регламентировано по-разному для различных глаголов и для различных типов речевых ситуаций. Так, английское сентенциальное наречие *frankly* способно и к одиночному внедрению, и к соположению с речевым глаголом без особого изменения смысла высказывания (*frankly speaking*, ср. рус. *честно говоря*), но *honestly* в экспрессивном высказывании, особенно с раздражением, не может сопровождаться речевым глаголом, как и русское *честно* в речевом акте попытки оправдания. Японские экспликатеры искренности высказывания такого «удвоения» значений за счёт развития функции прагматического маркера определённого типа высказывания не знают: *shojiki* и *sotchoku* факультативно допускают речеактовый глагол, с некоторыми модификациями это же видим и с *honto-no koto* (*hontoo wa*), тогда как с одиночным *hakkiri* сентенциальная модификация невозможна.

4. Сходство с рус. *если так посмотреть*, англ. *come to think of it* обнаруживает вводный оборот с ментальным глаголом *kangaete mireba*. Мы выделяем в корпусе 538 вхождений, отбрасывая варианты с разнообразной модификацией слева, напр. *reisei-ni natte kangaete mireba* = *если подумать спокойно* и, напротив, включая (де)интенсифицирующую модификацию – *chotto* = *немножко* (4), *yoku* = *хорошо* (20), *yokuyoku* = *хорошенько* (17). Во всех случаях говорящий представляет своё высказывание как результат некоторых размышлений, стремясь придать ему дополнительный вес. Любопытно, что в речи парламентариев в «голом» виде (без указания,

каким конкретно образом, в каком направлении размышляли) оборот неупотребителен: это та среда, где по умолчанию подразумевается вдумчивое и ответственное использование языка.

Место оборота в речи, как видно из анализа контекста, подсказывает сама структура монолога: он встречается после паузы, риторического вопроса, противопоставления (87 вхождений с союзами *demo*, *shikashi*, *kedo*, *ga*, *5 to iu no to* = *тоже (мне)*). При этом получается, что за счёт «глубокомысленного» введения само содержание высказывания в какой-то мере освобождается от необходимости быть чем-то экстраординарно глубоким. В описанном выше несколько стеснённом речевом контексте (слева – противоречие, пауза), когда от субъекта требуется «на ходу» сформулировать оценку, часто он ограничивается либо чем-то вроде «я тоже так считаю», либо «гм, непонятно», см. в контексте справа 9 *atarimae* = *само собой*, по 8 *toozen(-no koto)* = *естественно* и *fushigi* = *странно*. Ещё чаще говорящий представляет «сырые» результаты своей мысли, то, в чём сам до конца не уверен и не воспринимает как истину в последней инстанции. Индикаторами этого служат показатели предположительности *kamoshirenai* = *может быть* (15), *hazu* = *(по идее) должен* (7), эвиденциальное *pandaka* = *что-то, как-то* и др. И такая тактика оказывается вполне оправданной: как будто заставляя говорящего в фазе активного размышления, высказывание получает особую персуазивность с точки зрения доказательств его искренности, а в когнитивном плане осмысливается как призыв к сотрудничеству в совместном поиске истины. В поверхностной структуре эта тактика обнаруживается в оформлении основной фразы убеждающими риторическими фигурами типа *de wa nai ka*:

不死人になって永遠に生きるというのも、**考えてみれば**かなりグロテスクなことではないか。死があるからこそ、おれが求めてやまない灼けつくような危険の感覚を生きてることができる。// *Жить вечно? Если так подумать – не гротескно ли это? Именно благодаря смерти можно почувствовать обжигающее чувство опасности, которое так нужно мне* (Ё. Сасакава «Война вампиров» 2004) [20].

Говорящий, конечно, вполне отдаёт себе отчёт в ограниченных потенциях подобного «рассуждения на ходу». Поэтому в речеактовой цепочке сентенции остаются на положении промежуточных выводов перед дальнейшим развитием рассуждения или даже оговорок, какие в русском

языке вводят союзы *правда, хотя*. Впрочем, даже «проходящая» оценка за счёт ссылки на размышления звучит солиднее и придаёт больший вес всей линии аргументации. Интрига же, создаваемая здесь «меандром» мысли, подкрепляет её риторически:

他の文明の影響を受けながら日本であり続ける。しかし、**考えてみれば**当たり前のことなのだが、各国はそれぞれ独自の文化なり、歴史を有しており、日本が日本的なものを維持し続けているのと同じように、フランスもドイツもフランス的あるいは... // *Несмотря на влияние других цивилизаций, Япония сохраняет самоидентичность. Но – хотя это, если вдуматься, само собой разумеющийся факт – у всех стран своя история, культура, и, как Япония остаётся собой, так же и Франция, и Германия сохраняют что-то своё...* (Э. Сакакибара «Прощай, прогресс, или Чем плоха теория японской особенности» 1996) [20].

Принципиально иное содержание высказывания, вводимого оборотом *omoikoseba*, объясняется разной семантикой основных глаголов: если *kangaeru* предполагает размышление, то *otoui* значит просто «подумалось» о буквально любом, пришедшем на ум (о других «осознанно субъективных» сентенциях с компонентами сходной семантики см. нашу работу [13]). Во всех 17 примерах в корпусе так вводятся высказывания – пересказ припоминаемых событий. Тем не менее риторическая ценность их заключается примерно в том же, что и с *kangaete mireba*: глаголом, описывающим, как он «роется в голове», «воссоздаёт в уме», говорящий ручается за истинность предъявляемых сведений. Данный приём используется также в процессе рассуждений, а не в попытке «продать» готовый тезис:

今は大丈夫、、、と言われても**思い起こせば**今日は元気がなかった・・・何だかいつもより気が入っていないなあ、、、くらいにしか思えない... // *Сейчас уже лучше... Хотя всё же, если всё припомнить, сегодня опять состояние вялое... Как-то вот просто нет сил, иначе и не скажешь* (блог сайта «Яху» 2008) [20].

5. Проведённый обзор позволяет утверждать, что использование металингвистических средств связано с применением различных речевых тактик, все из которых так или иначе связаны с повышением персуазивности высказывания. Используя их, говорящий апеллирует к транспарентности собственных ментальных действий, ангажирует собеседника на кооперативное поведение в совместном поиске истины,

в то же время снижая категоричность высказывания признанием того, что высказываемые оценки не являются окончательными. Сочетание этих компонентов даёт богатую палитру вариантов осмысления метаязыковой ссылки. Как и в других группах квазисинонимов, мы убедились также, что этимологически родственные выразительные средства с близкой семантикой развивают различные прагматические возможности, выражаемые в ощутимом тяготении к употреблению в определённых типах утвердительных высказываний, если обратиться к терминологии, введённой нами ранее [9], – оценок, суждений, характеристик, сообщений о мире говорящего и репортажей о внешних событиях, а также промежуточных выводов. Естественно, что высказывания о метаязыковом коде будут особенно тесно связаны с таким типом высказываний, как дефиниции и квалификации.

Тогда как выражения типа рус. *так сказать*, англ. *so to say* достаточно распространены в языках различной географии и строя (и нередко в примерах из переводных текстах даже видно, «откуда растут ноги»). Специфичным для японского языка, по всей видимости, является маркирование метаязыковыми ссылками реактивных речевых актов типа согласия и несогласия, эксплицитно признающее внимание к «вкладу» привходящей информации. При этом и содержательную сторону «если вы так говорите» в японском отличает гораздо если и не больший энтузиазм, то во всяком случае меньшая осторожность в принятии слов собеседника как руководства к формированию суждения, в чём, конечно, отражается культурспецифичная склонность носителей данного языка к гармонизации общения. Впрочем, так ли уж пассивен коммуникант-японец, будто бы готовый для цели гармоничного общения «подыгрывать» партнёру в безразличии к поиску истины в столкновении мнений? Выявленные нами различия в оформлении «честного признания» и «вынужденного» показывают, что, не противясь открыто социальному давлению, японский коммуникант всё же остаётся верен самому себе и проводит разграничение между тем, что «полагается», и тем, что на самом деле происходит у него в голове.

Данный тезис, затрагивающий тему изоляции, автономии субъекта, его «распараллеленности», затрагивает ещё несколько моментов. Первый ка-

сается преобладания в оформлении металингвистических маркеров показателя наиболее отвлечённой «теоретической» условности (из общего набора четырёх возможных). Это действует как сильный хедж, придавая всему высказыванию формальные признаки гипотетического предположения (ср. расхожий ответ на утверждение в русской речевой практике: *можно и так сказать*, «хамскость» которого – в занижении степени категоричности утверждения собеседника).

Далее, из сравнения поведения вербальных и ментальных глаголов явствует, что японец в каком-то смысле с большей смелостью говорит, чем думает. В речевой деятельности допускается и даже поощряется свобода творчества, в мыслительной – поддерживается дисциплина «без сюрпризов».

Наконец, вербализуясь в металингвистическом маркировании ассертивов, интересным образом преломляется представление об искренности, положительный образ которой оказывается увязанным не с точным отражением реальности, а с таким покорным «чистосердечным признанием», душевным «разоружением». Другой полюс составляет «прямое» высказывание, в котором японец позволяет себе начисто отбросить себе всякие «политесы» (половина вхождений приходится на довольно ограниченный – лишь за два года – массив примеров из блогосферы). Всё это идёт вразрез с традиционным для русской речевой культуры «весом» и положительным образом искренности.

В целом проведённое исследование, на наш взгляд, показало важность выделения конкретных компонентов прагматического смысла, приносимых в высказывание различными модификаторами, с точки зрения уточнения и развития таксономии их типов. Данные говорят и о возможности выделения дальнейших релевантных категорий на основании различных параметров коммуникативной ситуации помимо предлагаемых в литературе – например, интенсивности иллокутивной силы, ассоциируемой с персуазивностью [7]. Безусловно, перспективным в этом плане представляется изучение сходных выражений из числа околуперформативного «облака», включая авторемарки, в частности, с ментальными глаголами, в аспекте вклада, который они вносят в экспликацию интенциональной стороны высказывания на японском языке.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Кобозева И.М. Вводные слова в семантической структуре предложения // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. Красноярск, 1984, с. 83-93.
2. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. вып. 8. Лингвистика текста. Сост. Т. Николаева. М., 1978, с. 402-421.
3. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. с. 53-87.
4. Пигрова Е.К. Метакоммуникативные маркеры в устной спонтанной речи. Дисс. канд. филол. н. СПб. 2001. 168 с.
5. Розина Р.И. Так называемый: семантика вводных метаязыковых оборотов 2009. [Электронный ресурс] URL= <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/66.htm> (дата доступа 27.10.2017)
6. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. - М., 1986. - С. 151-169.
7. Сулейманова Ю. М. Способы экспликации персуазивного компонента в ассертивных речевых актах // Вестник ОГУ. 2009. №11 С.113-118.
8. Чиронов С.В. Вводные обороты оценки в японском языке / С.В.Чиронов // Достижения вузовской науки. Сборник материалов XX Международной научно-практической конференции г. Новосибирск, 2 февраля, 19 февраля 2016 г. (под об. ред. С.С. Чернова). - С. 212-225.
9. Чиронов С.В. Иллокутивность и субъективная модальность в монологической речи (микроисследование) / С.В.Чиронов // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Выпуск 14. - Москва: Издательство «Ключ-С», 2016. - С. 219-231.
10. Чиронов С.В. Модальные слова категорической достоверности в японском языке (апостериорная оценка) / С.В.Чиронов // Новый взгляд. Международный научный вестник. - 2016. - №11. - С.153-168.
11. Чиронов С.В. Прагмасемантика характеристики когнитивного статуса говорящего (на материале японского языка) / С.В.Чиронов// Альманах мировой науки. - 2015. - № 3(2)-3. - С. 6-13.
12. Чиронов С.В. Прагматика извинений в директивах в японском деловом общении (как проблема преподавания и перевода) / С.В. Чиронов // Теоретические и практические аспекты лингвистики, литературоведения, методики преподавания, перевода и межкультурной коммуникации. Материалы международной научно-прикладной конференции 17 ноября 2014 г. Астрахань: АГУ, 2014, 290 С.
13. Чиронов С.В. «Субъективно говоря»: адвербиалы-маркеры «частного мнения» в японском языке / С.В.Чиронов // Дискурс, текст, слово в свете современных исследований филологических наук. Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. - Научно-издательский центр «Открытое знание», 2017. - С. 45-56
14. Blakemore D. Relevance and Linguistic Meaning: The Semantics and Pragmatics of Discourse Markers. Cambridge: CUP 2002.
15. 梅岡巳香「日本語表現の特徴をさぐる」昭和女子大学大学院日本文学紀要 15, (Умэока М. Об особенностях выражений японского языка. Записки женского университета Сёва) 2004, pp. A9-A19
16. 大塚容子「テレビ討論における前置き表現 —「ポライトネス」の観点から」『岐阜聖徳学園大学紀要・教育学部・外国学部』通号37 (Ооцука Ё. Зачины в теледебатах – с точки зрения вежливости. Учёные записки университета Гифу Сётоку гакуэн. Педаг. ф-т. № 37) 1999 С. 117-131 [Электронный ресурс] URL= <http://ci.nii.ac.jp/els/contents110000034602.pdf?id=ART0000362758> (дата доступа 28.10.2017)
17. 小沼喜好. “日本語の前置きの働きと分類について.” 外国語教育論集 (Онума Ё. О функциях и классификации зачинов в японском языке. Сборник статей о преподавании иностранных языков) Вып. 29 2007. С. 127-137.
18. 金田一春彦『話し言葉の技術』講談社(Киндайти Х. Техника устной речи. Токио, Коданся) 1977. 323 с.
19. 工藤浩「叙法副詞の意味と機能—その記述方法をもとめて—」『研究報告集』vol.3.国立国語研究所(КудоХ.Значение и функции модальных наречий японского языка – к построению описания. Собрание докладов, т. 3. Государственный институт родного языка)1982 [Электронный ресурс] URL= http://www.ab.cyberhome.ne.jp/~kudohiro/modal_types.html (дата доступа 2.2.2016)
20. 現代日本語書き言葉平均コーパス (Взвешенный корпус письменных источников современного японского языка) [Электронный ресурс] URL= http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (дата доступа 27.10.2017)
21. ダニエル・ヴァンダーヴェーケン著、久保進監訳「意味と発話行為」[Текст] ひつじ書房、東京、333 頁 (Vanderveken D. Meaning and Speech Acts, V 1. Principles of Language Use. Cambridge, CUP 1990). 1997. 333 с.
22. 陳臻渝. “日本語会話における前置き表現.” 言語文化学研究. 言語情報編 2 (Чэн Тайюй. Зачины в японском диалоге. Лингвокультурологические исследования. Отдел языковой информации) 2007. Вып. 2. С. 99-115. [Электронный ресурс] URL= http://ci.nii.ac.jp/els/contentscinii_20171115205014.pdf?id=ART0009088908 (дата доступа 28.10.2017)

Сведения об авторе:

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО. Сфера научных интересов – лингвистическая прагматика, теория дискурса, когнитивная лингвистика, проблемы лексической семантики.
Email: s.chironov@inno.mgimo.ru.

METALINGUISTIC MODIFICATION OF ASSERTIVE SPEECH ACTS IN JAPANESE

S.V. Chironov

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *This paper uses corpus data to analyze and compare the metalinguistic markers of assertive speech acts in Japanese. Bare speech act verbs in such markers produce a self-referent comment to the main utterance, which functionally is close to approximate nomination. Modifiers of the type of “honestly”, “frankly”, “truth” provide for an explication of the sincerity condition, thus verbalizing the maxim of quality. A feature particular to Japanese is the use of speech act verbs in passive voice in meta-comment. This allows one to verbalize the elements of the speech situation pertaining to the interpersonal relations of communicants. We also consider mental verbs as typically close to the speech verbs in their function in meta-comment. From the functional point of view, all of the expressions act as intensifiers of the illocutionary force of the utterance, stressing one or the other of the constituent features of the speech act and therefore elevating its persuasive potential. We are also able to note linguo- and culture-specific features in the composition of the class of metalinguistic markers and their semantics.*

Key Words: *Japanese language, pragmatic meaning, speech acts, parenthetical expressions, assertion, persuasion, corpus data.*

References

1. Wierzbicka A. *Metatekst v tekste* (Metatext in text) // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* (New findings in foreign linguistics. Vol. 8. Text linguistics. Ed. T. Nikolaeva) M., 1978, p. 402-421.
2. Baranov A.N., Kobozeva I.M. *Vvodnye slova v semanticheskoy strukture predlozheniya* (Parentheticals in semantics structure of the sentence) // *Sistemnyj analiz znachimyh edinic russkogo yazyka. Sintaksicheskie struktury*. (System analysis of significant words of Russian. Syntactic structures) Krasnoyarsk, 1984, p. 83-93.
3. Vinogradov V.V. *O kategorii modal'nosti i modal'nyh slovah v russkom yazyke* (On the category of modality and modal words in Russian) // Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoj grammatike* (Selected works. Studies on Russian grammar), Nauka, 1975. p. 53-87.
4. Pigrova E.K. *Metakommunikativnye markery v ustnoj spontannoj rechi* (Meta-communicative markers in spontaneous spoken speech) PhD thesis. St Petersburg 2001. 168 p.
5. Rozina R.I. *Tak nazyvaemyj: semantika vvodnyh metazykovykh oborotov* (SO-CALLED – semantics of metalinguistic parentheticals) 2009. [Online resource] URL= <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/66.htm> (accessed on 27.10.2017)
6. Searle J.R. *Chto takoe rechevoj akt* (What is a speech act) // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* (New findings in foreign linguistics) vol. 17. Moscow 1986. pp. 151-169.
7. Sulejmanova Yu. M. *Sposoby eksplikacij persuzivnogo komponenta v assertivnyh rechevyh aktah* (Means of explication of the persuasive component in assertive speech acts) // *Vestnik OGU* (Orenburg state university papers). 2009. No.11 pp.113-118.
8. Chironov S.V. *Vvodnye oboroty ocenki v yaponskom yazyke* (Parentheticals of evaluation in Japanese) // *Dostizheniya vuzovskoj nauki. Sbornik materialov XX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii g. Novosibirsk (pod ob. red. S.S. CHernova)* (Achievements in university science. Conference papers, Novosibirsk, ed. By S.S. Chernov). 2016. pp. 212-225.
9. Chironov S.V. *Illokutivnost' i sub'ektivnaya modal'nost' v monologicheskoy rechi (mikroissledovanie)* (Illocution and subjective modality in monologue – micro-study) / *Yaponskij yazyk v vuze: aktual'nye problemy prepodavaniya* (Japanese in university education – actual issues of teaching). Vol.14. Klyuch-S, 2016. pp. 219-231.
10. Chironov S.V. *Modal'nye slova kategoricheskoy dostovernosti v yaponskom yazyke (aposteriornaya ocenka)* (Modal words meaning certainty) / *Novyj vzglyad. Mezhdunarodnyj nauchnyj vestnik* (The New view. International scientific bulletin) 2016. Vol. 11. pp. 153-168.
11. Chironov S.V. *Pragmasemantika harakteristik kognitivnogo statusa govoryashchego (na materiale yaponskogo yazyka)* (Pragmasemantics of the speaker's cognitive status evaluation – the Japanese data) / *Al'manah mirovoj nauki* (World science almanac). 2015. Vol 3(2)-3. pp. 6-13.
12. Chironov S.V. *Pragmatika izvinenij v direktivah v yaponskom delovom obshchenii (kak problema prepodavaniya i perevoda)* (Pragmatics of apology in directives in business Japanese as an issue of teaching and translation) / *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty lingvistiki, literaturovedeniya, metodiki prepodavaniya, perevoda i mezhkul'turnoj kommunikacii. Materialy mezhdun-*

- arodnoj nauchno-prikladnoj konferencii 17 noyabrya 2014 g. Astrahan': AGU (Theoretic and practical aspects of linguistics, philology, education, translation and intercultural communication. Conference papers, Astrakhan state university, 17 November 2014), 2014, 290 s.*
13. Chironov S.V. «Sub'ektivno govorya»: adverbialy-markery «chastnogo mneniya» v yaponskom yazyke (SIBJECTIVELY SPEAKING – adverbial markers of personal opinion in Japanese) / *Diskurs, tekst, slovo v svete sovremennyh issledovaniy filologicheskikh nauk. Sbornik nauchnykh trudov po materialam I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Nauchno-izdatel'skij centr «Otkrytoe znanie»* (Discourse, text, word in the light of modern linguistic studies. Collected papers, Scientific and editorial centre Open Knowledge) 2017. p. 45-56.
 14. Blakemore D. *Relevance and Linguistic Meaning: The Semantics and Pragmatics of Discourse Markers*. Cambridge: CUP 2002.
 15. 梅岡巳香「日本語表現の特徴をさぐる」昭和女子大学大学院日本文学紀要 15, (Maka Umeoka. On peculiarity of Japanese expressions. Sowa women's university papers) 2004, pp. A9-A19.
 16. 大塚容子「テレビ討論における前置き表現 – 「ポライトネス」の観点から」『岐阜聖徳学園大学紀要・教育学部・外国学部』通号37 (Yoko Ootsuka Maeoki expressions in television debates – from the point of view of politeness. Papers of Gifu Shotoku gakuen university. Education faculty Vol. 37) 1999 pp. 117-131. [Online resource] URL= <http://ci.nii.ac.jp/els/contents110000034602.pdf?id=ART0000362758> (accessed on 28.10.2017)
 17. 小沼喜好.“日本語の前置きの働きと分類について”外国語教育論集 (Yoshiko Onuma. On the functions and classification of Japanese maeoki expressions. Collected works on teaching foreign languages) Vol. 29 2007. pp. 127-137.
 18. 金田一春彦『話し言葉の技術』講談社 (Haruhiko Kindaichi. *Technics of spoken speech*. Kodansha) 1977. 323 p.
 19. 工藤 浩「叙法副詞の意味と機能 – その記述方法をもとめて –」『研究報告集』vol.3.国立国語研究所 (Hiroshi Kudo. *Meaning and functions of the Japanese predicate adverbs – towards a descriptive model*. Collected reports, vol. 3. State institute of Japanese language) 1982 [Online resource] URL= http://www.ab.cyberhome.ne.jp/~kudohiro/modal_types.html (accessed on 2.2.2016)
 20. 現代日本語書き言葉平均コーパス (Weighted corpus of the written sources of modern Japanese) [Online resource] URL= http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (accessed on 27.10.2017)
 21. ダニエル・ヴァンダーヴェーケン著、久保進監訳「意味と発話行為」[Текст] ひつじ書房、東京、333 頁 (Vander-veken D. *Meaning and Speech Acts, V 1. Principles of Language Use*. Cambridge, CUP 1990). 1997. 333 s.
 22. 陳臻渝.“日本語会話における前置き表現.”言語文化学研究. 言語情報編 2 (Chen Taiyu. *Maeoki expressions in Japanese. Language and culture studies, linguistics division*) 2007. Vol. 2. C. 99-115. [Online resource] URL= http://ci.nii.ac.jp/els/contentscinii_20171115205014.pdf?id=ART0009088908 (accessed on 28.10.2017)

About the author:

Sergey Vladimirovich Chironov – PhD in Linguistics, Assistant Professor, Head of the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian linguistics, MGIMO. E-mail: s.chironov@inno.mgimo.ru.

* * *

ПСЕВДОПАРТИТИВНЫЕ ИМЕННЫЕ ГРУППЫ ТИПА EINE ART+ADJ+N В НЕМЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVII-XX ВЕКОВ

Э.Л. Шубина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Данная работа посвящена историческому развитию псевдопартитивных именных групп типа eine Art+Adj+N в немецких прозаических текстах XVII-XX веков. Именные группы типа eine Art+N без определения перед вторым компонентом не позволяют в современном немецком языке определить падеж второго существительного и вид подчинительной связи. Определение перед вторым компонентом позволяет в большинстве случаев определить падеж второго существительного и вид подчинительной связи, организующий сочетания. Проблема состоит в том, что именные группы типа eine Art+Adj+N оформляются разными способами, а именно при помощи генитивного управления eine Art neuer Volkspartei, предложного управления eine Art von neuer Volkspartei и согласования eine Art neue Volkspartei. Выбор вида подчинительной связи в некоторых случаях определяется грамматическими показателями компонентов именной группы. Исследование показало, что именные группы с компонентами во множественном числе практически полностью заблокированы для проникновения согласования. У существительных в единственном числе в текстах XX века примерно в равном соотношении представлены конструкции с генитивом и конструкции с согласованием. При этом для женского рода предпочтение отдаётся конструкциям с генитивным управлением. В статье показано историческое развитие грамматического оформления конструкций. Наблюдая с XVII по XX век за количественным соотношением видов подчинительной связи можно сделать вывод, что постепенно конструкции с согласованием вытесняют конструкции с генитивным и предложным управлением.

Ключевые слова: немецкий язык, именные группы, управление, согласование, существительное, категория рода, падежная система, категория числа, аппроксиматор.

В этой работе рассматривается историческое развитие двучленных псевдопартитивных именных групп типа eine Art+Adj+N в немецких прозаических текстах XVII-XX веков. Исследуемые именные группы состоят из первого компонента *eine Art* и второго, который распространён определением, выраженным прилагательным или причастием *Adj+N* *eine Art neue Volkspartei* (что-то вроде новой партий).

(1) Die AfD ist **eine Art neue Volkspartei** der neuen Bundesländer (<http://www.rtddeutsch.com/>)

Именные группы с первым членом *eine Art* (что-то вроде, своего рода) именуется языковедами по-разному. Исходя из их функции в тексте, Сабина Дёнингаус причисляет подобные лексемы, как *wie/und ähnliches, ähnliches wie* к так называемым хедж-маркёрам [6]. Согласно Д. Лакоффу, который является основоположником теории хеджирования, функция хедж-маркёров состоит в том, чтобы сделать понятия более или менее «расплывчатыми» [10, с.195]. Хедж-маркёры защищают говорящего от радикальных высказываний. Понятие хеджирования пришло к нам из

области экономики и страхования. Под хеджированием в бизнесе подразумевают страхование рисков. Заметим, что термин сохранил исходное значение в языкознании, обозначая «речевое страхование». В немецком языкознании существуют термины *Hecke*, *Heckenausdrücke*, которые позволяют смягчить категоричность высказываний. Шмидлин Регула считает, что термин «хеджирование» относится к выражениям, которые способны сделать выражение расплывчатым, и приводит пример *Das ist eine Art Familientreffen*. Такие хедж-маркёры как *eine Art*, *quasi*, *pseudo* смягчают, согласно Мюллеру, прототипичность понятий*. *eine Art Mütze* это не типичная шапка, а похожий на шапку и обладающий примерно схожими функциями головной убор [11]. Аналогичную точку зрения встречаем и у Колде, который именует *eine Art...* метафорическим индикатором [9].

Авторы авторитетной грамматики Дуден описывают *eine Art (von)* как синоним к *etwas Ähnliches wie*. Однако *etwas Ähnliches wie* используется гораздо реже по сравнению с *eine Art...* Помимо этого, авторы упомянутой грамматики рассматривают именные группы типа *eine Art Salat*, *eine Sorte Stoff* и квантификативные сочетания *eine Kanne Kaffee* как партитивную аппозицию (приложение) *Auf dem Tisch stand [eine Kanne [schwarzer Kaffee]. Zur Vorspeise gab es [eine Art [griechischen Salat]]. Anna wählte [eine andere Sorte [Stoff]]* [8, с. 980]. Однако следует заметить, что «партитивная (количественная) аппозиция употребляется после имён существительных с собирательным значением, а также значением меры, количества и объёма» [3, с. 222; 5, с. 153].

В статье данные субстантивные группы именуются псевдопартитивными конструкциями или конструкциями с аппроксиматором *eine Art*, которые оформляются аналогично квантитативным сочетаниям. Подразумеваются квантитативные сочетания, состоящие из абстрактного количества единиц, отделяемого от основного множества именем, обозначающим меру: *выпиваю чашку чаю*. В отличие от псевдопартитивных, партитивные конструкции включают в себя определённое подмножество единиц, которое отделяется от основного множества именем, обозначающим меру количества или объёма: *мне дали славный салат из морковки, чашку чая*.

Упомянутые сочетания следует рассматривать в рамках проблемы номинации со значением приблизительности, анализируя с точки зрения логики, когнитивной лингвистики и прагматики. Так, представителей логического направления интересует неопределённость значения и способы обозначения её в языке. С позиции когнитивной лингвистики семантика приблизительности выражается в неполноте знаний говорящего об объекте именовании (неопределённости именуемого объекта). С точки зрения прагматики, называя объект или явление приблизительно, говорящий считает точную номинацию несущественной или смягчает категоричность высказывания. Такая способность псевдопартитивных именных групп свидетельствует о выразительном потенциале данных сочетаний, их способности выступать в качестве стилистических средств, которые обогащают выразительные ресурсы языка, делая его особенно гибким для передачи тончайших оттенков мысли и чувств [4, с. 315]. Пристинская Т.М. причисляет к аппроксиматорам в немецком языке такие однословные или несколькословные номинации как: *fast eine Familie* (почти семья), *eine Art Zauberei* (своего рода волшебство), *so etwas wie eine Autobiographie* (что-то вроде биографии), *das Beinahe-Abenteuer* (почти приключение), *fast blind* (почти слепой). Наиболее частотным аппроксиматором является *eine Art*, который и формирует именную группу. Интерес представляет грамматическое оформление этих групп, о чём и пойдёт речь в статье [2, с. 130].

Именные группы типа *eine Art+N* без определения перед вторым компонентом (*eine Art Familientreffen*) не позволяют в современном немецком языке определить падеж второго существительного и вид подчинительной связи. В нововерхненемецком языке у существительных женского рода падеж формально не выражен. У существительных мужского и среднего рода имеется флексия в генитив (*Familientreffen-s*). Как утверждают немецкие языковеды, в средневерхненемецком окончание *-s* ещё было широко распространено [12, с. 294]: *eyne art holtzes*, *eine Ahrt Apffel-Baums*. Начиная с XV столетия окончание *-s* постепенно выходит из употребления: *von eyner art Seeschneiln*. В настоящий период окончание *-s* в группах типа *eine Art+N* крайне редко встречается в возвышенном стиле: *welche*

* Люди формируют конкретный или абстрактный образ предметов и ситуаций, принадлежащих определённой категории. Этот образ называется прототипом. Таким образом человек воспринимает действительность: член категории, который максимально схож с этим образом и является образцом класса, так называемым прототипичным экземпляром. [1, с. 201].

eine Art Erdreichs ist. Этот факт не означает, что в рассматриваемых группах отсутствует падеж. Падежная форма проявляется с распространением второго компонента *fünft-er Kolonne* (генитив или датив), *riskant-en Versuchsballon* (аккузатив), *fotografischem Auge* (датив).

В группах типа *eine Art+Adj+N* второй компонент присоединяется пятью способами, а именно:

(i) используя генитив: *eine Art groben Schotters*;

(ii) используя предлог *von*: *mit einer Art von grobem Schotter*;

(iii) используя согласование членов именной группы (при наличии сильного склонения прилагательного: *mit einer Art grobem Schotter*;

(iv) используя согласование членов именной группы (при наличии слабого склонения прилагательного: *mit einer Art groben Schotter*;

(v) используя примыкание: *mit einer Art grober Schotter*.

В конструкциях типа (i) и (ii) синтаксически (при помощи генитивного и предложного управления) обозначено, что второй компонент дополняет первый. В конструкциях типа (iii), (iv) и (v) не понятно, какой из компонентов является дополнением, а какой – ядром именной группы. Конструкции типа (iv) встречаются в современном немецком языке крайне редко. Представлены они в сочетаниях, первый компонент которых стоит в дательном падеже, а второй компонент является существительным женского рода. Данный факт подтверждается примерами из анализируемых текстов XIX и XX веков:

(2) in **einer Art abergläubischen Vorstellung** (Фонтане);

(3) bei **einer Art internen Verlobungsfeier** (Носсак).

В конструкциях типа (v) синтаксические отношения выражены семантически. Отсутствие согласования в падеже у прилагательного (тип v) устанавливается в тех случаях, когда первый компонент стоит в дативе или генитиве: *mit einer Art grober Schotter*. Форма второго компонента совпадает с формой именительного падежа. Авторы авторитетной грамматики считают эти конструкции ошибочными [8, с. 99]. В исследованных литературных текстах подобные примеры не встретились.

С исторической точки зрения складывается впечатление, что в группах типа *eine Art+Adj+N* происходит вытеснение конструкций типа (i), (ii) конструкциями типа (iii). В данной работе по-

казано историческое развитие грамматического оформления конструкций.

Предварительно необходимо рассмотреть ситуацию в современном немецком языке. Согласно нормативной грамматике Дуден к аппроксиматору *eine Art* существительное присоединяется посредством предлога *von* + Dativ, посредством согласования или используя генитив: *Es war eine Art hölzernes Gestell/von hölzernem Gestell* [8, с. 105]. Генитивное управление встречается редко и представлено, по мнению авторов нормативной грамматики, в возвышенном стиле: *Es war eine Art hölzernen Gestells*. В дативе прилагательное часто получает слабое окончание: *Der Topf war mit einer Art blauen Glasur* (вместо: *blauer*) *Glasur*. Слабое окончание рассматривается как правильное.

С помощью обширного корпуса примеров мы покажем распределение именных групп анализируемого типа по типам конструкций с XYII по XX век в прозаических текстах. Анализируя количественное соотношение разных типов групп, необходимо учитывать так называемые амбивалентные формы. Имеются в виду примеры, которые можно причислить к разным типам. Так, если первый компонент стоит в генитив, то конструкция может быть отнесена как к типу (i), так и к типу (iii), так как окончание *-s* и окончание прилагательного *-en* указывают на управление и на согласование. Амбивалентные формы представлены в примерах в дативе с существительными женского рода:

(4) ... in **einer Art trotziger Stimmung** (Томас Манн).

Если *eine Art* стоит в аккузатив, а вторым членом группы выступает существительное мужского рода, то формально не существует разницы между сильным и слабым типом склонения прилагательного, примеры могут быть причислены и к конструкциям типа (iii) и к конструкциям типа (iv):

(5) In Babkins Körper gab es **eine Art elektrischen Schlag** ... (Конзалик).

Если *eine Art* стоит в номинатив или аккузатив, а второй компонент группы употребляется во множественном числе, то вся именная группа рассматривается как тип (iii) (согласование) или тип (v) (примыкание):

(6) Noch **eine Art lächerliche Sprachkünstler** gibts beydes unter Adel und Unadel (Гриммельсгаузен).

Если *eine Art* стоит в номинатив или аккузатив, а второй компонент представлен женским родом, то именную группу можно отнести к типу

Таблица 1.

Типы конструкций	XVII век	XVIII век	XIX век	первая половина XX века	вторая половина XX века
Тип (i)	3 (60%)	38,5 (23%)	111 (46%)	27 (23%)	98 (40%)
Тип (ii) von	–	127 (74%)	60 (25%)	54 (47%)	39,5 (17%)
Тип (iii)	1 (20%)	5,5 (3%)	55 (22%)	29 (26%)	93 (38%)
Тип (iv)	–	0,5 (0,2%)	12 (5%)	4 (3,5%)	10,5 (4%)
Тип (v)	1 (20%)	0,5 (0,2%)	5 (2%)	1 (1%)	4 (1%)
Всего	5	172	244	115	245

(iii) (согласование), (iv) (слабая форма прилагательного) или (v) (примыкание):

(7) So **eine Art persönliche Rache** (Гейне).

Все амбивалентные формы причислены к разным типам (если к двум, то считали по 0,5, а если к трём, то по 0,3). Все данные корпуса занесены в таблицу по векам и наглядно демонстрируют распределение по пяти типам конструкций.

Как видно из таблицы 1, ограниченное количество примеров из корпуса текстов ХУ11 века не позволяет нам выявить тенденции в выборе вида подчинительной связи, организующей именные группы с аппроксиматором *eine Art*. Именные группы представлены только в номинатив и датив, а в состав групп входили компоненты во множественном числе. Мы можем только отметить, что представлены в выборке примеры типа (i), (iii) и (v). Предположительно, сочетания с этим аппроксиматором не были характерны для текстов рассматриваемого периода:

(8) Es war aber in Britannien **eine Art gewisser Weisen** ... (Лобенштайн);

(9) Es gibt auch **eine Art weise Sprach-Herren** ... (Гриммельсгаузен).

В текстах ХУ111 века мы наблюдаем широкое распространение данных именных групп. Их количество позволяет выявить тенденции в оформлении сочетаний. В таблице показано распределение именных групп по падежам и родам вторых компонентов. Соответственно в таблице 2 указаны только существительные в единственном числе.

Таблица 2.

eine Art	НОМИНАТИВ			АККУЗАТИВ			ДАТИВ			ГЕНИТИВ			всего
второй компонент	m	n	f	m	n	f	m	n	f	m	n	f	
тип (i)	2	1	2			9	1	1	3,5	–	–	–	19,5 (13%)
тип (ii) von	8	10	7	16	19	35	2	4	19	–	1	–	121 (83%)
тип (iii)	2	–	–	0,5	–	–	–	1	1,5	–	–	–	5 (3%)
тип (iv)	–		–	0,5	–	–	–	–	–	–	–	–	0,5 (1%)
тип (v)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
всего													146 (100%)
доля	32 (22%)			80 (54%)			33 (23%)			1 (1%)			146 (100%)

Согласно нашим данным, абсолютное большинство конструкций оформлено по типу (ii). Существительное *eine Art* употребляется во всех падежных формах, а в качестве второго компонента выступают существительные мужского, среднего и женского рода:

(10) **eine Art von produktiver Imagination** bei ihnen zu finden (Гёте).

Только незначительная часть примеров оформлена по типу (i). Первые компоненты также представлены во всех падежных формах, а в качестве вторых компонентов представлены преимущественно существительные женского рода:

(11) ...um zu irgend **einer Art zweideutigen Gewinnes** zu gelangen ... (Гёте);

(12) ... **eine Art schwarzer Kunst** ... (Гёте).

Крайне редко представлены в текстах этого периода конструкции типа (iii):

(13) Es wurden Rettig und **eine Art sehr harter länglicher kleiner Käse** ... (Моритц).

Достаточно частотны в текстах группы с существительным во множественном числе. Данные из таблицы 4 показывают, что преобладают конструкции типа (i), а конструкции типа (ii) в отличие от групп с единственным числом составили только четвертую часть. Конструкции типа (ii) представлены одним примером.

(14) Sie weben **eine Art feiner Netze**... (Виланд).

Сопоставление текстов, относящихся к разным периодам, продемонстрировало, что в XIX

Таблица 4.

eine Art	номинатив	аккузатив	датель	всего
тип (i)	3	11	5	19 (73%)
тип (ii)	2	2	2	6 (23%)
тип (iii)	0,5	–	–	0,5 (2%)
тип (iv)	–	–	–	–
тип (v)	0,5	–	–	0,5 (2%)
всего	6 (23%)	13 (50%)	7 (27%)	26 (100%)

веке в два раза увеличивается количество групп, организованных по типу (i):

(15) ... und **eine Art grauen Ueberwurfes** trug... (Келлер).

При этом также в два раза сократилась доля групп, организованных по типу (ii):

(16) um **eine Art von indianischen Tanz** um den Tisch zu beginnen. (Пабе)

Значительно увеличилось количество групп организованных по типу (iii):

(17) Das Endresultat ist immer **eine Art dankbares Staunen** darüber ... (Фонтане).

В прозаических текстах XIX века впервые зафиксированы сочетания с окончанием –en прилагательного перед компонентом женского рода (тип iv):

(18) in **einer Art abergläubischen Vorstellung** (Фонтане).

В таблице 5 наглядно показана зависимость выбора типа конструкций от падежа аппроксиматора *eine Art* и рода второго существительного.

Согласно нашим данным, в корпусе XIX века сочетания с существительными единственного числа организованы примерно в равной степени по типам (ii) и (iii), однако преимущество сохраняется за сочетаниями типа (i). Все примеры во множественном числе были организованы посредством управления (тип i):

(19) Das Wort “Tory” bedeutete in Irland **eine Art schäbiger Diebe** (Гейне).

Таблица 5.

eine Art	номинатив			аккузатив			датель			всего
второй компонент	m	n	f	m	n	f	m	n	f	
тип (i)	5	7	21	12	6	28	4	3	11	97 (42%)
тип (ii) von	4		4	9	7	8	7	12	9	60 (26%)
тип (iii)	14	9	2,6	2,5	7	1	3	5	11	55 (24%)
тип (iv)			2,6	2,5		1			6	12 (5%)
тип (v)			2,6			1	1			4,6 (2%)
всего										229 (100%)
доля	72 (26%)			85 (54%)			72 (20%)			229 (100%)

По сравнению с корпусом XIX века в произведениях первой половины XX века доля конструкций типа (i) сократилась более чем на 20%:

(20) ... und dabei **eine Art kleiner Tyrannei** ausübte (Кафка).

Доля конструкций с предлогом выросла более чем на 20%, при этом в состав группы входили все рода существительного, и группа стояла во всех падежах:

(21) Mit Hilfe **einer Art von metallenen Schuhlöffel** (Томас Манн).

Доля именных групп с согласованием незначительно увеличилась:

(22) **Eine Art arabisches Zelt**, ganz aus Teppichen aufgebaut (Келлерманн).

Примеры типа (iv) можно причислить к типам (iii) и (v), а тип (v) к типам (iii) или (iv):

(23) ... woran **eine Art geheime, eigentümliche Freude** hatte (Роберт Вальзер).

Распределение конструкций показано в таблице 6.

С первой половины XX века наблюдается существенное сокращение доли конструкций типа (i) в группах со вторым компонентом единственного числа. Доля сочетаний с предлогом составила почти половину от всех сочетаний.

Все группы с множественным числом оформлены по типу (i), как и в текстах предыдущего периода.

Значительно меняется количественное соотношение типов конструкций в текстах второй половины XX века. Таблица 7 демонстрирует

Таблица 6.

eine Art	номинатив			аккузатив			датив			генитив			всего
Второй компонент	m	n	f	m	n	f	m	n	f	m	n	f	
тип (i)	1	1	5	–	3	5	3	2	7	–	–	–	27 (23%)
тип(ii) von	4	1	7	7	3	7	9	7	8	1	–	–	54 (47%)
тип (iii)	5	3	–	3	4	1	5	2	7	–	–	–	30 (26%)
тип (iv)	–	–	–	3	–	1	–	–	–	–	–	–	4 (3%)
тип (v)	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1 (1%)
всего	10	5	12	13	10	15	17	11	22	1	–	–	116 (100%)
доля	27 (23%)			38 (33%)			50 (43%)			1 (1%)			116 (100%)

соотношение разных типов групп. Так, на 17% выросла доля групп типа (i). Однако доля сочетаний с предлогом von резко сократилась и составила лишь пятую часть от общего количества именных групп:

(24) ... **eine Art von grotesker Pantomime** findet statt (Вольф).

По сравнению с текстами предыдущего периода выросла доля сочетаний типа (iii):

(25) ... aber das Ganze sei **eher eine Art tragischer Zufall** gewesen ... (Фришмут)

В текстах второй половины XX века в группах с единственным числом примерно в равной степени представлены типы (i) и (iii), а доля типа (ii) существенно сократилась.

Как и в текстах первой половины XX века, именные группы с существительными во множественном числе оформляются исключительно при помощи управления (либо генитивного, либо предложного):

(26) ... aus **einer Art spanischer Reiter** (Конзалик).

Анализ прозаических текстов ХУ11-XX веков показал, что интересующие нас именные группы были организованы на основе управления и со-

гласования. Однако авторы произведений предпочитали в каждый из периодов разные типы конструкций. Наблюдая с ХУ11 по XX век за количественным соотношением этих типов, можно сделать вывод, что постепенно конструкции типа (i) и (ii). Этот процесс активно протекает с Х1Х века. Некогда наиболее частотное предложное управление уступает место генитивному управлению и согласованию. Конструкции типа (v) (примыкание) в прозаических текстах не представлены. Низкий процент этих групп объясняется слабовыраженными формами прилагательных перед женским родом и множественным числом существительных. Конструкции типа (iv) достаточно часто представлены в дативе перед женским родом существительных. Важно подчеркнуть, что именные группы с компонентами во множественном числе практически полностью заблокированы для проникновения согласования. Иначе обстоит дело у существительных в единственном числе. Здесь примерно в равном соотношении представлены типы (i) и (iii). При этом для женского рода предпочтение отдается конструкциям типа (i) (генитивное управление).

Таблица 7.

eine Art	номинатив			аккузатив			датив			генитив			всего
второй компонент	m	n	f	m	n	f	m	n	f	m	n	f	
тип (i)	3	2	31	5	6	31	4	1	14,5	–	0,5	–	98 (40%)
тип (ii) von	6	2	3	5	2	10	3	–	8	–	0,5	–	39,5 (17%)
тип (iii)	19	21	2,6	5,5	12	1,6	10	7	14,5	–	–	–	93 (38%)
тип (iv)	–	–	2,6	5,5	–	1,6	–	–	1	–	–	–	10,5 (4%)
тип (v)	–	–	2,6	–	–	1,6	–	–	–	–	–	–	4 (1%)
всего	28	25	42	21	20	46	17	8	38	–	1	–	245 (100%)
доля	95 (39%)			87 (35%)			63 (25%)			1 (1%)			245 (100%)

Список литературы

1. Вежбицкая А. Прототипы и инварианты // Язык. Культура. Познание. М., 1996. с. 201-231.
2. Пристинская Т.М. Функции аналитических номинаций со значением приблизительности в высказывании // Единство системного и структурного анализа языковых единиц. Белгород, 1996. Вып.2. с. 128-134.

3. Фадеева Л.В. Структурно-семантическая характеристика приложения в современном немецком языке / Л.В. Фадеева // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2(17). с. 221-225.
4. Фадеева Л.В. Стилистический потенциал немецкого синтаксиса / Л.В. Фадеева // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. с. 312-316.
5. Шубина Э.Л. Проблема нормы и вариативности в немецком языке на уровне словосочетаний типа Nquant+AdjN и eine Art+AdjN (по материалам художественной литературы XVII-XX веков, современной прессы и экспериментальных данных). Дисс. докт. филол. наук. М., 2007. 505с.
6. Dönninghaus S. Die Vagheit der Sprache/Begriffsgeschichte und Funktionsbeschreibung anhand der tschechischen Wissenschaftssprache/ Harrassowitz Verlag Wiesbaden, 2005. 596 S.
7. Duden. Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. 5., neu bearb. u. erw. Aufl. – Mannheim etc.: Dudenverlag, 2001. 953 S. – (Der Duden in 12 Bd.: Das Standardwerk zur deutschen Sprache; Bd. 9.)
8. Duden. Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. 8., überarbeitete Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. Mannheim u.a.: Dudenverlag (Duden Band 4), 2009. 1349 S.
9. Kolde G. Probleme der Beschreibung von Heckenausdrücken im allgemeinen einsprachigen Wörterbuch. In: Hugo Steger et al. (Hgg.) Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie. Berlin etc.: de Gruyter (= HSK 5.1.), 1989. S. 805-814.
10. Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. In: Journal of Philosophical Logic 2, 1973. S. 458-508.
11. Müller K. Lernen im Dialog: gestaltungslinguistische Aspekte des zweitspracherwerbs/Klaus Müller –Tübingen: Narr, Tübinger Beiträge zur Linguistik; 2000. 445 S.
12. Paul H. Deutsche Grammatik, Band III: Syntax (Erste Hälfte). Tübingen: Niemeyer (Nachdruck, 1968), 1919. 225 S.

Сведения об авторе:

Шубина Эльвира Леонидовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкого языка МГИМО (У) МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика немецкого языка, лингвокультурология, фразеология, лексикология. E-mail: elvira.shubina@mail.ru.

PSEUDO-PARTITIVE NOMINAL GROUPS OF THE TYPE EINE ART+ADJ+N IN THE GERMAN LITERARY LANGUAGE OF THE XVII-XX CENTURIES

E.L. Shubina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *This work focuses on the historical development of pseudo-partitive nominal groups of the type eine Art+Adj+N in the German prosaic texts of the XVII-XX centuries. Nominal groups of the type eine Art+N without an attribute before the second component in contemporary German language do not allow one to determine the case of the second noun and the form of subordination. The attribute before the second component allows us in the majority of cases to determine the case of the second noun and the type of subordination. The problem lies in the fact that nominal groups of the type eine Art+Adj+N are arranged by different methods, mainly by means of genitive: eine Art neuer Volkspartei, or prepositional government: eine Art von neuer Volkspartei, or agreement: eine Art neue Volkspartei. The selection of the form of subordination is determined in some cases by the grammatical indices of the components of a nominal group. The study has showed that the nominal groups with the components in the plural are almost completely blocked for agreement. In the XX-century texts nouns in singular are equally represented with constructions with the genitive case and agreement. In case of feminine nouns preference is given to constructions with genitiv. The article considers the historical development of the grammatical shaping of constructions. Comparing the quantitative correlation of subordination types from the XVII century up to now, we can come to the conclusion that agreement construction gradually displaces genitive and prepositional constructions.*

Key Words: *German language, nominal groups, control, the agreement, noun, gender, case system, the category of number, approximator.*

References

1. Vezhbickaja A. Prototipy i invarianty [Prototypes and invariants]// Jazyk. Kultura. Poznanie. M., 1996. S. 201-231.
2. Pristinskaja T.M. Funkcii analiticheskikh nominacij so znacheniem priblizitel'nosti v vyskazyvanii [Functions of analytical nominations with the meaning of proximity in utterances]// Edinstvo sistemnogo i strukturnogo analiza jazykovyh edinic [Unity of systemic and structural analysis of linguistic units]. Belgorod, 1996. Vyp.2. S. 128-134.
3. Fadeeva L.V. Strukturno-semanticheskaja harakteristika prilozhenija v sovremennom nemeckom jazyke [Structurally-semantic characteristic of apposition in modern German]/ L.V. Fadeeva // Vestnik MGIMO-Universiteta. - 2011. - № 2(17). - S. 221-225.
4. Fadeeva L.V. Stilisticheskij potencial nemeckogo sintaksisa [Stylistic potential of German syntax] / L.V. Fadeeva // Vestnik MGIMO-Universiteta. - 2013. - № 4. - S. 312-316.
5. Shubina Je.L. Problema normy i variativnosti v nemeckom jazyke na urovne slovosochetanj tipa Nquant+AdjN i eine Art+AdjN (po materialam hudozhestvennoj literatury XVII-XX vekov, sovremennoj pressy i jeksperimentalnyh dannyh). [The problem of the norm and variation in German at the level of word-combinations of the type Nquant+AdjN i eine Art+AdjN (on the material of the XV11-XX century German literature, modern media and experimental data). Diss. dokt. filol. nauk. M., 2007. 505s.
6. Dönninghaus S. Die Vagheit der Sprache/Begriffsgeschichte und Funktionsbeschreibung anhand der tschechischen Wissenschaftssprache/ Harrassowitz Verlag Wiesbaden, 2005. 596 S.
7. Duden. Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. 5., neu bearb. u. erw. Aufl. – Mannheim etc.: Dudenverlag, 2001. 953 S. – (Der Duden in 12 Bd.: Das Standardwerk zur deutschen Sprache; Bd. 9.)
8. Duden. Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. 8., überarbeitete Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. Mannheim u.a.: Dudenverlag (Duden Band 4), 2009. 1349 S.
9. Kolde G. Probleme der Beschreibung von Heckenausdrücken im allgemeinen einsprachigen Wörterbuch. In: Hugo Steger et al. (Hgg.) Wörterbücher: ein internationales Handbuch zur Lexikographie. Berlin etc.: de Gruyter (= HSK 5.1.), 1989. S. 805-814.
10. Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. In: Journal of Philosophical Logic 2, 1973. S. 458-508.
11. Müller K. Lernen im Dialog: gestaltlinguistische Aspekte des zweitspracherwerbs/Klaus Müller –Tübingen: Narr, Tübinger Beiträge zur Linguistik; 2000. 445 S.
12. Paul H. Deutsche Grammatik, Band III: Syntax (Erste Hälfte). Tübingen: Niemeyer (Nachdruck, 1968), 1919. 225 S.

About the author:

Elvira L. Shubina – advanced PhD, professor of German language Department MGIMO University. Spheres of research and professional interest: German grammar, cultural linguistics. E-mail: elvira.shubina@mail.ru.

* * *

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА И РАЗВИТИЕ КОГНИТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Т.В. Андрюхина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье изучается роль когнитивного механизма концептуальной метафоры в формировании и развитии когнитивной компетенции студентов-международников на продвинутом этапе предметно-языкового обучения. В современном обществе знания стали основным ресурсом и источником развития, поэтому изучение человеческого разума, когнитивных механизмов человеческого мышления лежат в основе комплекса междисциплинарных компетенций XXI века. В исследовании показано, что изучение иностранных языков в области профессиональной деятельности с позиций теории познания и когнитивной лингвистики, в частности, теории концептуальной метафоры, имеет потенциал для повышения эффективности обучения и намечает новые приёмы в лингводидактике. Концептуальная метафора рассматривается в статье как универсальный когнитивный инструмент, который получает внешнюю форму в языке и одновременно отражает лежащую в его основе концептуальную систему предметной области. Делается вывод о том, что разные виды работы с метафорой могут и должны стать адекватными учебно-методическими приёмами, использование которых обеспечивает развитие когнитивной компетенции в процессе профессиональной языковой подготовки студентов-международников.

Ключевые слова: когнитивная компетенция, компетенции XXI века, концептуальная метафора, метафорическая компетенция.

В условиях создания общества знаний на основе цифровой экономики параметры образовательной парадигмы формируются новыми потребностями рынка труда и новыми требованиями к образовательным результатам. По мнению специалистов, будущие выпускники вузов должны быть вооружены иным набором компетенций для решения задач XXI века. Эти компетенции можно объединить в три группы – когнитивные, внутриличностные и межличностные [20]. Обращает на себя внимание тот факт, что сложный состав и комбинаторика компонентов этих компетенций позволяют расширительно и по-новому определять образовательные цели и ожидаемые образовательные результаты на современном этапе. Например,

блок внутриличностных компетенций включает способность работать в команде, сотрудничество и лидерство. Межличностные компетенции подразумевают опору на этику межличностных отношений, рефлексия и интеллектуальную открытость ко всему новому. Когнитивная компетенция определяется способностью получать, использовать и критически анализировать информацию, умением транслировать идеи, в том числе, на иностранном языке и с соблюдением норм другой культуры коммуникации [17].

В международной образовательной среде запросы современности получили реализацию, например, в широком распространении модели предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL), которая предусматривает одно-

временное изучение профильной дисциплины и иностранного языка, повышая эффективность профессиональной подготовки в обоих направлениях. В центре внимания предметно-языкового интегрированного обучения находятся две цели: обучение контенту и языку. При этом предлагается учитывать четыре компонента – так называемые 4 «С»: содержание предметной области и ожидаемые результаты обучения (content), общение со всем его широким диапазоном лингвистических средств, необходимых для освоения предметной области (communication), развитие мыслительных способностей нижнего и высшего порядка (cognition), межкультурные и культурологические навыки (culture). Весь комплекс компонентов предметно-языкового интегрированного обучения перекликается с компетенциями XXI века.

Особенностью образования в сфере международных отношений в России на современном этапе является междисциплинарность и инновационность как исследований этой научной области, так и преподавания соответствующих учебных дисциплин. При этом в соответствии с собственными образовательными стандартами высшего образования Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации (МГИМО) в перечень компетенций, например, магистров, подготовка которых требует привлечения и дальнейшего развития широкого круга когнитивных навыков, входят:

- общекультурные, включая способность самостоятельно приобретать новые знания и пользоваться иностранным языком как средством профессионального общения, соблюдать этику межличностных отношений;
- общепрофессиональные, например, способность проводить самостоятельные исследования, интегрировать знания из различных областей, в том числе на иностранном языке;
- профессиональные – аналитическая, организационно-управленческая, проектная деятельность и научно-исследовательская – компетенции [9].

Очевидно, что намечаемые результаты освоения программы магистратуры МГИМО соответствуют основным международным векторам профессиональной подготовки специалистов на будущую перспективу.

Как показывает анализ компетенций XXI века, специалист будущего должен интегрировать комплекс междисциплинарных умений как про-

фессиональных, так и общегуманитарных, социальных или «человеческих» навыков, многие из которых связаны с корректным коммуникативным поведением, в том числе и в межкультурном пространстве. Этот довольно широкий диапазон разных по своим свойствам компетенций может объясняться рядом факторов, среди которых изменения в характере научных исследований, особенно бурно происходящих со второй половины XX века в большой степени в связи с построением общества знаний. Для современного общества знания стали основным ресурсом, источником развития. Изучение человеческого разума, когнитивных умений человека (знание, понимание, догадка, интерпретация), образного, креативного, а также критического мышления и, наконец, искусственного интеллекта являются предметом когнитивной науки. Последняя сравнивается с зонтиком, объединяющим под своим «куполом» целый ряд наук, создавших новую парадигму исследований под названием «когнитивной парадигмы», появление которой отражает современный интерес человечества к проблемам познания. Когнитивная наука как область междисциплинарных исследований процесса познания объединила усилия и достижения психологии, компьютерных наук, лингвистики, нейронауки, философии и когнитивной антропологии, образовав так называемый «когнитивный шестиугольник» [11]. Задача образования на ближайшую перспективу, как представляется, – взять на вооружение достижения когнитивного подхода.

Следует признать, что используемые синонимично понятия когнитивной или познавательной деятельности трактуются в научной литературе довольно широко. Например, в педагогической традиции учебно-познавательную деятельность определяют как комплекс учебных действий и умений ученика, необходимых для самостоятельной познавательной деятельности, например, логические действия, целеполагание, планирование, анализ, рефлексия и самооценка в процессе познавательной активности [12]. Такой подход, как нам кажется, подразумевает овладение знаниями, их анализ, классифицирование, хранение и т.п., но оставляет за рамками познавательные механизмы и модели, лежащие в основе различных действий с информацией, а также социально-культурный контекст её кодификации и передачи.

Максимально кардинальная трактовка роли познавательных процессов в образовании пред-

лагается в так называемой «когнитивной образовательной модели, основанной на когнитивной парадигме». «Для когнитивной парадигмы вектор образовательного процесса ориентирован на формирование и оттачивание креативного интеллекта, генерирующего новые знания. При этом накопление и первичная переработка информации осуществляется вспомогательным внешним сервисом, роль которого выполняют компьютеры и сетевые технологии» [13, с.10].

Признавая лидирующую роль человеческого интеллекта в поисках нестандартных решений, креативных подходов в процессе генерирования знаний, обратимся к ресурсам языкового мышления, использование возможностей которого может способствовать развитию познавательной способности студентов-международников, изучающих профессиональную область на иностранном языке.

Общая когнитивная компетенция студентов может быть представлена как целый кластер когнитивных компетенций, имеющий определённую структуру. В последнюю можно включить: сбор и хранение информации, переработку, понимание и осмысление языковой и образной информации, сообщение информации в окружающую среду. Среди подуровней каждой из составляющих компетенций можно выделить способность расчленять целое на части и сравнивать их между собой, обобщать получаемую информацию, делать умозаключения на основе обработки как языковой, так и образной информации, создавать ментальную модель ситуации, переключаться с одного её аспекта на другой, создавать ассоциированные комплексы понятий и образов [7]. В этой трактовке когнитивной компетенции прослеживается установленная в когнитивном «шестиугольнике» связь познавательных психических и вербально-коммуникативных процессов.

Огромный вклад в формулирование и теоретическое обоснование связи мыслительных и вербальных процессов внесла в своё время концепция Л.С. Выготского о взаимозависимости формирования интеллекта, развития речи и социально-культурного опыта человека. Возвращаясь к компетенциям XXI века, можно сказать, что в большой степени их концепция зиждется на взаимосвязи гибких и разнообразных когнитивных инструментов, языковых и коммуникативных навыков, а также навыков взаимодействия людей в широком социокультурном контексте их деятельности. Концепция Л.С. Выготского и

последователей российской психолингвистической школы, которая исходит из «двухаспектности предмета» психолингвистики, учитывающей как внутренние (психофизиологические), так и внешние (экстралингвистический контекст коммуникации) условия производства и восприятия речи [10], продолжает оказывать влияние на понимание механизмов языковой компетенции. Так, внутри общей языковой компетенции выделяют два различающихся между собой компонента. Это базовые коммуникативные навыки межличностного общения (BICS – basic interpersonal communicative skills) и когнитивно/академические языковые умения (CALP – cognitive/academic language proficiency), которые необходимы в процессе обучения. Приобретение и развитие общей языковой компетенции требует от обучающихся когнитивных усилий и обеспечивает благоприятную среду для развития мыслительных навыков [15].

Познавательные навыки часто связываются с общим интеллектом обучающегося, его индивидуально психологическими особенностями, в частности характеризующимися лёгкостью и быстротой приобретения лингвистических знаний. Подчёркивается взаимосвязь интеллектуальных (мыслительных) и коммуникативных компетенций, то есть правил анализа и синтеза единиц языка, способности накапливать и систематизировать информацию, решать сложные задачи, пользоваться системой языка для достижения коммуникативно речевых целей, мыслить абстрактно [6, с. 124].

Универсальным когнитивным инструментом, который одновременно получает внешнюю форму в языке и отражает лежащую в его основе концептуальную систему, называют концептуальную метафору [18]. Теория концептуальной метафоры получила дальнейшее развитие во множестве исследований её особой роли в профессиональных или научных дискурсах, где она находится на острие познания и осмысления новых явлений действительности, где потребность в концептуальной метафоре как когнитивного приёма описания нового, абстрактного посредством конкретного и известного из опыта людей многократно возрастает благодаря наглядности и расширению восприятия. Эту роль метафоры прекрасно иллюстрирует известное высказывание о том, что «любая наука начинается с метафоры и завершается алгеброй; возможно также, что без метафоры наука никогда не достигла бы алгебры» [5, с.163]. Интересно, что на раннем

этапе своего развития когнитивная наука сама строилась на основе компьютерной метафоры познания, которая позволяла трактовать познавательные процессы человеческого восприятия, мышления и памяти как процессов переработки информации, уподобляя их принципам работы компьютера.

Настоящее исследование обращается к изучению отражения когнитивных процессов в языке и ставит своей целью рассмотреть механизмы метафорической концептуализации и метафорического мышления как инструмента познания, использование которого в учебной практике способно повысить когнитивные компетенции обучающихся. Представляется, что приобретение студентами-международниками метафорической компетенции может обусловить расширение их общего познавательного инструментария особенно при получении знаний в процессе предметно-языкового интегрированного обучения.

Теория концептуальной метафоры проходила в своём развитии разные этапы. Ошибочно считалось, например, что некоторый набор концептуальных метафор изначально заложен в сознании человека как готовый к использованию в познании и коммуникации инструмент. Со временем теория концептуальной метафоры уточнялась, предлагая новые понимания того, как работает человеческое сознание в процессе коммуникации. В настоящее время среди учёных наблюдается консенсус по поводу роли эмпирического, телесного опыта людей в концептуализации окружающего мира. Такой вид познания получил название «воплощённого разума». Источник базовых понятий усматривается в перцептивно-моторных системах нашего организма, то есть в процессе индукции – логическом умозаключении от единичного телесного опыта и наблюдения к обобщению [19]. В свою очередь концептуальные метафоры обеспечивают абстрактную концептуализацию, позволяя устанавливать соотнесения между конкретным и абстрактным и таким образом делая когнитивные проекции за пределы понятийной области, сформированной эмпирическим опытом. Так, концептуальная метафора делает возможным науку и все другие формы абстрактного теоретического мышления. Следует отметить, что вследствие взаимосвязи познавательных и речевых процессов «овнешнение» внутренних когнитивных процессов отражения действительности происходит с помощью языковых средств, в том числе метафор, что даёт возможность обучающимся усвоить мыслитель-

ные операции, лежащие в основе того или иного языкового средства.

Преподавание иностранных языков с позиций теории познания и когнитивной лингвистики ведёт, по признанию специалистов, к повышению эффективности обучения и намечает новые приёмы в лингводидактике. Например, Беляевской Е.Г. и Левковской Н.А. показано, как знание концептуальных структур, лежащих в основе семантики дискурса и языковых единиц, может помочь минимизировать негативное влияние родного языка обучающегося на усвоение им иностранного языка [14, р. 257].

В данной статье намечаются некоторые новые, на наш взгляд, пути развития когнитивной компетенции студентов в курсе вузовского обучения, основанного на принципе интеграции предметных и языковых компетенций, а именно посредством обучения их концептуальной метафоре. В основу настоящего исследования легли как результаты анализа научных публикаций по когнитивистике и концептуальной метафоре, использованию метафоры в лингводидактике и обобщение богатого преподавательского опыта автора статьи, а также анализ учебных материалов и учебной деятельности студентов бакалавриата и магистратуры МГИМО. В качестве методов исследования использовался метод наблюдения, в том числе включённого, за процессом и результатами учебной деятельности студентов в освоении ими ряда учебно-методических материалов в курсе английского языка для менеджеров [1, 2], включающих задания с привлечением концептуальных метафор. Также в анализе текстового учебного материала, содержащего концептуальные метафоры, применялись концептуальный анализ, контекстный и дискурсивный анализ.

В использованных учебных материалах студентам предлагались следующие типы заданий с привлечением метафоры:

- различение прямого и переносного значения лексических единиц в контексте
- понимание метафорических моделей терминообразования
- инференция
- парафраз метафоры
- комментирование метафоры
- перевод метафоры
- анализ метафорической модели текста
- выявление скрытой авторской оценки и воздействующего эффекта метафоры в тексте
- аннотирование и реферирование содержания текста, содержащего смысловую двуплановость.

Анализ процесса и результатов выполнения студентами перечисленных типов заданий на основе разных когнитивных операций по обработке концептуальной метафоры позволил сделать вывод о зависимости уровня метафорической компетенции студентов от их общей языковой и предметной компетенции [4]. Одновременно анализ учебной активности студентов также показал более высокий уровень понимания экономического дискурса у студентов, владеющих когнитивным механизмом концептуальной метафоры, и, следовательно, эффективность обучения метафоре для развития познавательных профессионально-коммуникативных умений обучающихся при предметно-языковом интегрированном обучении. О способности студентов к анализу, структурированию и переносу усвоенных метафорических когнитивных механизмов может свидетельствовать, например, узнавание ими универсальной концептуальной метафорической модели *economy is a human being* в текстах, относящихся к разным тематическим разделам микро и макро экономики, где эта метафора получает разное языковое воплощение:

- фаза подъёма экономического цикла – *The US Economy is back on its feet again* (оживление в экономике уподобляется человеку, принявшему вертикальное положение);
- экономический кризис – *Economic depressions: cause and cures* (экономический кризис уподобляется депрессивному состоянию человека, а пути выхода из кризиса его лечению);
- финансы – *In capitalism, money is the life blood of society* (финансовая система ассоциируется с кровеносной системой человека);
- слияния и поглощения – *Kirin beer company toasts same-sex marriages for its employees* (слияние двух пивоваренных компаний, занимающих схожее положение на рынке, сравнивается с однополым браком);
- управление людскими ресурсами – *Going up a career ladder* (продвижение по службе уподобляется подъёму по лестнице) и т.п.

Важная роль метафоры в концептуализации предметной области, в частности микро и макро экономики обуславливает, на наш взгляд, «целесообразность выделения метафорической компетенции в составе профессионально значимых компетенций для осуществления иноязычной коммуникации» [3, с.7] в профессиональной сфере. Осмысление роли метафоры в использованном учебном материале позволяет составить некоторый перечень способов участия концеп-

туальной метафоры в создании и извлечении знаний в предметной области, учёт которых в учебной практике предметно-языкового интегрированного обучения представляется эффективным для развития когнитивной компетенции обучающихся на вузовском этапе образования.

1. Метафора как основа гипотезы и развития научной теории

Концептуальная и языковая метафора в сфере научного познания является средством научного поиска и упорядочения научной теории, придания последней целостности и создания картины определённой предметной области. Впечатляющим примером того, как концептуальная метафора может служить неким концептуальным стержнем, вокруг которого формируется вся научная гипотеза, служит «лингвистическая» метафора в основе терминологической системы описания ДНК: *DNA is like a book which is made up out of four letters: Adenine, Guanine, Cytosine, and Thymine (A C G T) that appear in a certain sequence. One chromosome is like a sentence, much of it doesn't make any sense to us: the letters seem to be in a random order. But sometimes the letters DO make sense: a gene is like a word.* Как видно из примеров, ДНК уподобляется книге, её отдельные химические элементы – буквам, хромосомы – предложениям, ген – слову и т.п.

То же наблюдаем в языке экономики, где метафоры участвуют в концептуализации абстрактных экономических понятий, например, *the invisible hand of the free market; black, grey market*, отражающих сопоставление данных людям в ощущениях дня и ночи и объективных / субъективных и легальных / нелегальных форм функционирования рынка. Метафора также служит средством отражения изменений в социально-экономической жизни. Появление новых рыночных и управленческих реалий привело, например, к появлению новой концептуальной метафоры построения карьеры. Вместо традиционной метафорической модели *career is a path*, отражающей общее представление человека о жизни как о дороге из точки А в точку Б, а также представление об успешности как о движении вверх (базовая пространственная метафора *up is good, down is bad*) в парадигме компетенций XXI века метафора *corporate / career ladder / path, to move higher up the career ladder* видоизменяет свои очертания и мыслится в виде сетчатой конструкции *a lattice career*. Последняя издавна известна

человечеству своей гибкостью и прочностью благодаря многократным ответвлениям в стороны составляющих элементов, что в применении к карьере в XXI веке предполагает способность неоднократно менять карьерные устремления, сочетая разные профессиональные навыки, чтобы всегда оставаться востребованным на рынке труда.

2. Продуцирование и восприятие метафоры в контексте

Дальнейшее осмысление роли познавательного механизма концептуальной метафоры в усвоении учебного материала указывает на необходимость продемонстрировать студентам, как работает когнитивный механизм концептуальной метафоры, а именно, не изолированно, а под влиянием контекста. Конструирование и понимание метафоры может зависеть от «телесного» или эмпирического (“the body as context”) опыта студентов, а также лингвистического контекста, отражающего факторы адресанта и адресата, а также факторы места, времени, цели, наличия фоновых знаний, относящихся высказывание к определённой теме (“about what”) [16, p. x-xi]. Следствием этого может быть более эффективное усвоение не только метафоры, но и других «психолингвистических параметров восприятия и понимания текста и алгоритма этих процессов», обеспечивающих достижение «разных уровней осмысления текста и прогнозирование речевой ситуации в целом» [8, с.75]. В этом случае студенты, владеющие метафорическими инструментами мышления, осознают, что контекст не только участвует в порождении метафоры, но и сам строится на её концептуальной основе, когда она играет роль порождающей модели или сценария. Например, в основе текстов о деятельности корпораций лежит метафора *a corporation is a person* (корпорация – это юридическое лицо, которое платит налоги, имеет права и обязанности, может обращаться в суд и т.п.). Описание мер по повышению эффективности и конкурентоспособности компаний часто ведётся в терминах войны *economy is war* (экономика – это война). Положение на фондовой бирже описывается как «медвежий» или «бычий» рынок, что свидетельствует о лежащей в основе концептуальной метафоре *economy is an animal* (экономика – это животное) и т.п. Понимание таких метафор мотивировано эмпирическим опытом студентов, а также фо-

новыми знаниями, включающими знание места, времени, распределения ролей участников и других деталей экономического и языкового контекста.

3. Превалирование определённых метафорических моделей в тех или иных предметных областях

Владение метафорическим механизмом в процессе изучения экономики приводит также к пониманию того, что ряд метафор «закреплён» за определённой тематической ситуацией, причём как в русском, так и в английском языках. Например, задание вычленив концептуальную метафору, использующуюся для категоризации процессов функционирования финансовых рынков, указывает на то, что финансовые операции уподобляются движению жидкостей. Узнавание и понимание принципа аналогии в познании объекта способствуют усвоению профессионального знания и приобретению соответствующих иноязычных знаний в конкретной предметной области. Сравните, например, примеры в английском языке: *to pool all financial resources*, *to pour millions into*, *ebb and flow of cash*, а также в русском языке: деньги *утекают* сквозь пальцы, финансовые *потоки*, *выкачивать*, *выжимать* деньги и т.п. Осведомлённость студентов о преобладающих концептуальных метафорах в той или иной профессиональной области, способность воспринимать научную информацию, применяя в том числе и метафорический познавательный инструментарий, является очевидным познавательным ресурсом.

4. Универсальность метафоры в разных предметных областях

При работе с метафорой студенты могут сделать вывод о том, что она является языковой универсалией и может использоваться в разных предметных областях, получая выражение в целом ряде детализирующих производных, например, *economy is a mechanism*, *human body is a mechanism*, *speech is a mechanism*, *mind is a mechanism (a computer)*. Усвоение этого факта способствует пониманию на основе аналогии не только отдельного фрагмента понятийной области (например, термина), но и протяжённого фрагмента или всего дискурса в разных предметных областях.

5. Культурная специфичность концептуальной метафоры в национально-специфических контекстах

Как упоминалось, когнитивная компетенция в рамках компетенций XXI века предполагает способность к коммуникации в иной культурной среде. С этой точки зрения, стоит подчеркнуть, что свойство универсальности концептуальной метафоры неразрывно связано со свойством культурной специфичности, что затрагивает ещё один аспект развития познавательных умений студентов: учитывать возможную культурную специфику профессиональных понятийных областей, представленных в их учебных и профессиональных текстовых материалах. В следующем примере экономический метафорический концепт *bears* преобразуется в тексте об азиатских переходных экономиках, приобретая национально-специфические черты благодаря зооморфизму *dragons*: When *dragons* dance with *bears*. Понимание другого заголовка As Greenback Sinks, Dubai's Chief Economist Calls For Chinese 'Redback' и стратегии построения всего текста основаны на использовании метонимического механизма в основе обозначения американского доллара *greenback*, переносе его на обозначение другого объекта *redback* в контексте сопоставления двух национальных финансовых систем и выведении его значения «юань».

6. Участие метафоры/ сочетания метафор в текстообразовании и понимании дискурса

Восприимчивость метафоры к лингвистическому контексту и её способность как порождать на основе базовой новые детализирующие метафоры, так и видоизменяться в нём, создавая в результате в тексте некоторую метафорическую сеть, определяет важную роль метафоры в текстообразовании и понимании связного текста. При этом метафорическая модель способна объединять отдельные отрезки текста в единое смысловое целое, а также целый ряд текстов в интертекст. Примером может служить задание проанализировать метафоры в одном из учебных текстов в курсе английского языка для менеджеров [2]. Метафора *glass ceiling* и вытекающие из неё в разных текстах всё новые логические выводы и проекции в смежные понятийные области организуют не только каждый из текстов, но и весь дискурс о гендерном неравенстве в бизнесе. Приведём примеры использо-

вания метафоры *glass ceiling* в ряде текстов и их заголовках:

1. Cracks in the Glass Ceiling

This month a woman got access to [...] *the top ranks* of the City law firms. [...] With more women promoted to senior positions, *the glass ceiling is being cracked*. (The Economist).

2. Forget the glass ceiling, we need to fix the broken windows first

The *glass ceiling* is an outdated metaphor. Instead we must focus on the cumulative effect of the smaller issues that stop women reaching *the top*. [...] But *the road* to those business benefits will be a long one if we just focus on the *glass ceiling*. First we need to fix the *broken windows* preventing female employees' *career progress*. Once this is done, we will find *the ceiling much easier to crack*. (The Guardian).

3. The glass ceiling: a metaphor that needs to be smashed

Hillary Clinton says she has made the biggest *crack* yet in the *glass ceiling*. It's a rousing, triumphant statement – but history shows the imaginary *building* is really *made of concrete*. (The Guardian)

Понимание метафоры *glass ceiling* требует привлечения целого ряда взаимодействующих между собой базовых концептуальных метафор, таких как *карьера – это путь, дорога, карьера – ориентирована вверх, карьера – это здание* и т.п. Из метафоры *glass ceiling* логически вытекают известные нам из эмпирического опыта выводы: что при строительстве зданий используются разнообразные по свойствам материалы, что стекло – прозрачный и хрупкий материал, а бетон обладает непробиваемой прочностью, что если стекло с трещиной, то его прочностные характеристики падают; что конструктивными элементами зданий кроме лестниц и потолков являются окна, что разбитые окна – источник ветра или сквозняка, что сильный сквозняк мешает работе и т.п. Понимание аргументации автора текста зависит от умения умственно проследить важные для смысла данных текстов аналогии и логические переходы, а также видеть переходы от одной метафоры к новым метафорическим конфигурациям благодаря общим концептам. Интересно отметить, что при обсуждении возможных вариантов понимания метафоры *glass ceiling* в более широком контексте социальных гендерных ролей, одна из студенток вывела неожиданное, но вполне обусловленное, на наш взгляд, значение. Она указала, что «разрушение потолков» как конструктивных элементов здания может привести к его неустойчивости и даже «обрушению»

всей конструкции, то есть полному отказу от традиционных принципов управления персоналом или построения карьеры и т.п.

7. Метафора как средство компрессии и декомпрессии информации в тексте

Ещё одна важная роль концептуальной метафоры как инструмента обработки информации и порождения или получения знаний состоит в её способности служить когнитивным механизмом семантической компрессии и декомпрессии информации. Понимая метафору и составляющие её концептуальные элементы, можно «развернуть» последние и наложить как смысловую сеть на некоторую профессиональную понятийную область, присвоив её компонентам определённые роли по аналогии с элементами конкретной понятийной области. Зная, например, ролевые модели героев легенд о добрых и злых рыцарях, можно судить о роли и характере деятельности участников сделки по слиянию или поглощению компании, создав некоторую речевую ситуацию в опоре на термины *a white knight* и *a black knight*. Также легко представить и описать в небольшом тексте роль в предпринимательстве лица, получившего название *a business angel*. И наоборот, некоторый профессиональный сюжет благодаря метафоре легко поддаётся компрессии, как например, в случае с выражением *Black Friday*. Люди, имеющие профессиональные знания или общее представление о ведении учётных записей в бухгалтерии, легко узнают в метонимии *Black Friday* отсылку

к бухгалтерской традиции фиксировать прибыль чёрными чернилами, что позволяет им кратко сконструировать значение «доходная пятница» вместо целого текста-объяснения: *When Black Friday would be recorded in the financial records, once-common accounting practices would use red ink to show negative amounts and black ink to show positive amounts. Black Friday, under this theory, is the beginning of the period when retailers would no longer be «in the red», instead taking in the year's profits.* (Wikipedia).

Когнитивный потенциал метафоры в познавательной деятельности в целом и в профессиональных областях в частности позволяет сделать вывод о необходимости обучения метафоре как универсальному познавательному инструменту, общему для их профессиональных и коммуникативных компетенций. Обучение метафоре ведёт к расширению диапазона мыслительных операций и переносу в смежную область применяемых мыслительных операций анализа, синтеза, логического вывода, сравнения, сопоставления и аналогии, абстрагирования и конкретизации, критического мышления, понимания стратегий развития дискурса и т.п. Таким образом, концептуальная метафора является естественным одновременно познавательным и языковым механизмом, и поэтому разные виды работы с метафорой могут и должны стать адекватными учебно-методическими приёмами, применение которых обеспечивает развитие когнитивной компетенции как в предметной области, так и в профессиональной иноязычной коммуникации.

Список литературы

1. Английский язык для магистрантов-менеджеров: готовясь к будущему = English Course For Management Masters: Preparing for the Future : уровень C1 / [Т.В. Андрияшина и др.] ; под ред. Н.А. Зинкевич ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, каф. англ. яз. № 4. М. : МГИМО-Университет, 2016. 418 с.
2. Андрияшина Т.В. Принимая новые вызовы: англоязычные коммуникативные компетенции = Embracing New Challenges: English Communicative Competencies : учебник. В 2 ч. Ч. 1 : уроки 1–4 : уровни B2–B2+ / Т.В. Андрияшина ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, каф. англ. языка № 4. М.: МГИМО-Университет, 2017. 131, [1] с.
3. Андрияшина Т.В. К определению понятия метафорической компетенции / Т.В. Андрияшина // Обучение иностранным языкам: от профессионализации к профессионализму. Материалы второго международного научно-методического межвузовского семинара 18 ноября 2011 г. Сборник статей под ред. Е.В. Воевода. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 7–16.
4. Андрияшина Т.В. Обучение метафоре как прием реализации когнитивного компонента модели предметно-языкового интегрированного обучения / Т.В. Андрияшина // 25 лет внешней политике России: сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.). В 5 т. Т. 5: Социально-гуманитарные аспекты международных отношений. В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. А.В. Мальгина ; [науч.ред.: А.В. Шестопал и др.]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Рос. ассоциация междунар. исследований (РАМИ). М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 9–29.
5. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: сб. статей. М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.
6. Воронин А.Н., Кочкина О.М. Дискурсивные и лингвистические способности в структуре интеллекта человека / А.Н. Воронин, О.М. Кочкина // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Том 5. №2. 2008. С.124–132.

7. Гилев А.А. Основные индикаторы когнитивных компетенций / А.А. Гилев // Самарский государственный архитектурно-строительный университет. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://vestnik-pp.samgtu.ru/uploads/series/1/40/416/2014-1-21-0007.pdf> (Дата доступа: 6 октября 2017 г.).
8. Леденева С.Н. О психолингвистических аспектах понимания связного текста / С.Н. Леденева // Вопросы прикладной лингвистики. 2016. № 32(22). С. 75-85.
9. Образовательные стандарты высшего образования МГИМО МИД России. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/2016/05/os-management-master.pdf> (Дата доступа: 18 октября 2017 г.).
10. Тарасов Е.Ф. Проблемы теории речевого общения / Е.Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2(12). С. 20-26.
11. Фаликман М.В. Когнитивная парадигма: есть ли в ней место психологии? / М.В. Фаликман // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 3. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://psystudy.ru> (Дата доступа: 07.11.2017).
12. Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты // Интернет-журнал "Эйдос". 2002. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm> (Дата доступа: 07.11.2017).
13. Шевчик А.П., Мусаев А. А. Общество знаний: парадигма когнитивного образования // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. №6. С. 6-13. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.kstu.kz/wp-content/uploads/docs/restricted/lib/periodic/Alma%20mater_2016_6_6.pdf (Дата доступа: 07.11.2017).
14. Beliaevskaya E.G., Levkovskaya N.A. The method of cognitive modeling in teaching English as a second language // The Magic of Innovation: New Techniques and Technologies in Teaching Foreign Languages. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. 2015. P. 257-274.
15. Cummins J. BICS and CALP: Empirical and Theoretical Status of the Distinction/ B. Street, N. Hornberger, (Eds.) // Encyclopedia of Language and Education, 2nd Edition. Vol. 2: Literacy. New York: Springer Science + Business Media LLC. 2008. P. 71-83.
16. Kövecses Zoltan. Where Metaphors Come From: Reconsidering Context in Metaphor. Oxford University Press, 2015. 232 p.
17. Doyle H. B. How to Thrive in the 21st Century Educating a new generation of global citizens prepared to create, collaborate, and navigate the world's complexities // Usable Knowledge: Connecting Research to Practice/ Harvard Graduate School of Education. 2016. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.gse.harvard.edu/news/uk/16/11/how-thrive-21st-century> (Дата доступа: 18 октября 2017 г.).
18. Lakoff G., Mark J. Metaphors We Live By. University of Chicago Press, 2003. 191 p.
19. Lakoff G., Mark J. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. Basic Books, 1999. 624 p.
20. Reimers F. M., Chung C. K. (Eds.) Teaching and Learning for the Twenty-First Century: Educational Goals, Policies, and Curricula from Six Nations. Harvard Education Press, 2016. 304 p.

Сведения об авторе:

Андрюхина Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка №4 Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России Российской Федерации (МГИМО). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика текста, политический и профессиональный дискурс, когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, методика преподавания иностранных языков, разработка учебных курсов и учебно-методических материалов по общему английскому языку и языку для специальных целей. E-mail: anaitat@yandex.ru.

CONCEPTUAL METAPHOR AND IMPROVING STUDENTS' COGNITIVE COMPETENCE

Tatiana V. Andryukhina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *The article looks at the role conceptual metaphor and its cognitive mechanism play in developing students' cognitive competence in a language and content integrated course at tertiary level. At present, knowledge has become the main resource and driver of social and economic development. That is why studying human intelligence and its cognitive mechanisms are at the core of the XXI century interdisciplinary competences. The article shows that second language acquisition from the perspective of cognitive psychology and cognitive linguistics has a potential for raising effectiveness of learning and implies new techniques in foreign language pedagogy. Conceptual metaphor is viewed in the article as a*

universal cognitive instrument that surfaces in the language and at the same time reveals the underlying conceptual system of a professional domain. A conclusion is drawn that conceptual metaphor is a natural cognitive and language mechanism, which makes it, as well as a system of metaphor-based tasks, an effective learning technique contributing to cognitive competence development in professional language training of international relations students.

Key Words: *cognitive competence, competences of the XXI century, conceptual metaphor, metaphorical competence.*

References

1. Angliskii iasyk dlia magistrantov-menedzherov: gotovias' k budushchemu: uroven' C1 = English Course for Management Masters: Preparing for the Future: Level C1. Ed. N.A. Zinkevich. Moscow: MGIMO-University Publ., 2016. 418 p.
2. Andriukhina T.V., Prinimaia novye vyzovy: angloiazychnye kommunikativnye kompetentsii = Embracing New Challenges: English Communicative Competencies. Moscow: MGIMO-University Publ., 2017. 131 p.
3. Andriukhina T.V. K opredeleniiu poniatia metaforicheskoi kompetentsii [To the definition of metaphorical competence]. Teaching Foreign Languages: From Professionalization to Professionalism. Materialy vtorogo mezhdunarodnogo nauchno-metodicheskogo mezhvuzovskogo seminar 18 noyabrya 2011 [Materials of the second international research-methodological interuniversity seminar November 2011]. Sbornik statei [A collection of articles]. Ed. E.V. Voevoda. Moscow: MGIMO-University Publ., 2012, pp. 7-16 (in Russian).
4. Andriukhina T.V. Obuchenie metafore kak priem realizatsii kognitivnogo komponenta modeli predmetno-iazykovogo integrirovannogo obucheniia [Teaching metaphor as a technique of CLIL cognitive component realization]. 25 let vneshnei politike Rossii: sb. materialov X Konventa RAMI (Moskva, 8-9 dekabrya 2016 g.) [25 years of Russian foreign policy: proceedings of the 10th RAMI Convent (Moscow, 8-9 December 2016)]. V 5 tomah. Tom 5: Sotsial'no-gumanitarnye aspekty mezhdunarodnykh otnoshenii. V 2 ch. Ch. 1 [In 2 volumes. Volume 5: Socio-humanitarian aspects of international relations. In 2 p. P. 1] / A.V. Malgin (ed.); [scient. ed.: A.V. Shestopal et al.]; Russian Foreign Ministry MGIMO-University, Russian Association of International Research (RAMI). Moscow, 2017, pp. 9-29 (in Russian).
5. Blak M. Metafora [Black. M. Metaphor] // Teoriia metaphory: sbornik statei [The theory of metaphor: collection of articles]. M.: Progress, 1990. P. 153-172.
6. Voronin A.N., Kochkina O.M. Discursivnye i lingvisticheskie sposobnosti v structure intellekta cheloveka [Discursive and linguistic abilities in the structure of human intelligence]. Psihologiya. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki – Journal of Higher School of Economics, 2008, v.5, no.2, pp. 124-132 (in Russian).
7. Gilev A.A. Osnovnye indicatory kognitivnykh kompetentsii (Main indicators of cognitive competencies). Samara state architectural and civil engineering university. Available at: <http://vestnik-pp.samgtu.ru/uploads/series/1/40/416/2014-1-21-0007.pdf> (accessed 6 October 2017).
8. Ledeneva S.N. O psiholingvisticheskikh aspektakh ponimaniia svyaznogo teksta [Psycholinguistic aspects of understanding a cohesive text.]. Voprosy prikladnoi lingvistiki – Issues of applied linguistics, 2016, no.32 (22), pp. 75-85 (in Russian).
9. Obrazovatel'nye standarty vysshego obrazovaniia [Educational standards of higher education]. Available at: <https://mgimo.ru/upload/2016/05/os-management-master.pdf> (accessed 18 October 2017).
10. Tarasov E.F. Problemy teorii rechevogo obshcheniia. [Problems of the theory of speech communication]. Voprosy psiholingvistiki – Issues of psycholinguistics, 2010, no. 2 (12), pp. 20-26 (in Russian).
11. Falikman M.V. Kognitivnaia paradigma: est' li v nei mesto psikhologii? [The cognitive paradigm: is there room for psychology within it?]. Psikhologicheskie issledovaniia – Psychological studies, 2015, v. 8, no. 42, pp. 3. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 18 November 2017) (in Russian).
12. Hutorskoi A.V. Kliuchevye kompetentsii kak komponent lichnostno-orientirovannoi paradigmy obrazovaniia [Key competences as a component of person-oriented paradigm of education]. Narodnoe obrazovanie – National Education, 2003, no. 2, pp. 58-64 (in Russian). Available at: <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm> (accessed 18 November 2017).
13. Shevchik A.P., Musayev A.A. Obshchestvo znaniy: paradigm kognitivnogo obrazovaniia [Knowledge society: the paradigm of cognitive education]. Alma mater (Vestnik vysshei shkoly) – Alma mater (Bulletin of higher education), 2016, no.6, pp. 6-13. Available at: http://www.kstu.kz/wp-content/uploads/docs/restricted/lib/periodic/Alma%20mater_2016_6_6.pdf (accessed 18 November 2017) (in Russian).
14. Beliaevskaya E.G., Levkovskaya N.A. The method of cognitive modeling in teaching English as a second language // The Magic of Innovation: New Techniques and Technologies in Teaching Foreign Languages. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. 2015. P. 257-274.
15. Cummins J. BICS and CALP: Empirical and Theoretical Status of the Distinction/ B. Street, N. Hornberger, (Eds.) // Encyclopedia of Language and Education, 2nd Edition. Vol. 2: Literacy. New York: Springer Science + Business Media LLC. 2008. P. 71-83.
16. Kövecses Zoltan. Where Metaphors Come From: Reconsidering Context in Metaphor. Oxford University Press, 2015. 232 p.
17. Doyle H. B. How to Thrive in the 21st Century Educating a new generation of global citizens prepared to create, collaborate, and navigate the world's complexities. Usable Knowledge: Connecting Research to Practice. Harvard Graduate School of Education, 2016. Available at: <https://www.gse.harvard.edu/news/uk/16/11/how-thrive-21st-century> (accessed 18 November 2017).
18. Lakoff G., Mark J. Metaphors We Live By. University of Chicago Press, 2003. 191 p.

19. Lakoff G., Mark J. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. Basic Books, 1999. 624 p.
20. Reimers F. M., Chung C. K. *Teaching and Learning for the Twenty-First Century: Educational Goals, Policies, and Curricula from Six Nations*. Harvard Education Press, 2016. 304 p.

About the author:

Tatiana V. Andryukhina – PhD (Philology), Assistant Professor of Department of Foreign Languages, MGIMO University (Russia, Moscow). Spheres of research and professional interest: text linguistics, political and professional discourse, conceptual metaphor, TEFL methodology, course design and materials development for General English and ESP. E-mail: anaitat@yandex.ru.

* * *

ОТ НОМО LUDENS К НОМО COMPETENS: УПРАЖНЕНИЯ НА СИТУАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

И.Э. Полянская

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматривается формирование и развитие компонентов коммуникативной компетенции при выполнении упражнений на ситуативное взаимодействие/интеракцию на примере французского языка. Сравнение формата упражнений с теоретическими положениями Общеввропейских компетенций владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка позволяет сделать выводы как об их соответствии теоретическим положениям Общеввропейских компетенций, так и об эффективности использования данных упражнений в качестве рабочего инструмента преподавания иностранного (французского) языка с точки зрения формирования коммуникативной компетенции. Многоуровневый процесс приобретения и развития компетенций и, в частности, включение в систему таких параметров, как экзистенциальная компетенция (savoir-être) и умение учиться (savoir-apprendre) приводит нас к рабочей гипотезе о возникновении нового образовательного концепта Номо competens. Статья также затрагивает вопрос введения оценочных дескрипторов как одно из преимуществ ориентации на Общеввропейские компетенции владения иностранным языком при выборе критериев оценки владения устной речью.

Ключевые слова: Французский язык, коммуникативная компетенция, общие компетенции, знания о мире (culture générale), экзистенциальная компетенция (savoir-être), Общеввропейские компетенции владения иностранным языком, упражнения на ситуативное взаимодействие (exercices en interaction), DELF – DALF, Номо competens, критерии оценки уровня владения устной речью.

Переход российского образования к компетентностному подходу, в рамках которого результат обучения оценивается не только как сумма усвоенной информации, но и как способность человека действовать в различных ситуациях, ставит и перед преподавателями, и перед обучающимися новые задачи. Отечественная лингводидактика посвятила компетентностному подходу целый ряд публикаций [1; 2; 3; 7; 10; 11]. Однако, поскольку заявленная тема ка-

сается преподавания иностранного (французского) языка, нам представляется целесообразным отталкиваться от определений, предложенных работой «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка» [12], поскольку вышеупомянутый труд берёт на себя попытку гармонизации изучения, преподавания и оценки именно иностранных (в том числе, и французского) языков. Согласно определению, предложенному Общевпей-

скими компетенциями владения иностранным языком, использование языка и его изучение включают действия человека, в процессе выполнения которых он как субъект социальной деятельности развивает ряд компетенций: общую и коммуникативную, тогда как под компетенцией понимается сумма знаний, умений и личностных качеств, которые позволяют человеку совершать различные действия [12, с.15].

В настоящей работе мы предлагаем рассмотреть формирование коммуникативной компетенции в формате ситуативного взаимодействия/интеракции. Выбор именно этого аспекта из всех возможных проявлений коммуникативной компетенции, как то восприятие, порождение или медиация (устный и письменный перевод), объясняется существующей, по нашему мнению, определённой сложностью формирования у взрослых обучающихся навыков речевой деятельности в ситуации взаимодействия/интеракции вне языковой среды изучаемого языка (французского, в нашем случае).

Задача данной публикации – проследить соответствие предлагаемых нами упражнений, приведенных в Приложении 1, теоретическим положениям Общевропейских компетенций владения иностранным языком, работы, которая в рамках данной публикации рассматривается как основополагающее произведение, описавшее систему уровней владения иностранным (французским) языком через приобретённые компетенции и, по возможности, отметить преимущества выявленного соответствия. Мы также попытаемся продемонстрировать многоуровневый подход к описанию и оценке приобретаемых в процессе изучения иностранного (французского) языка компетенций, высказав гипотезу о создании образовательного концепта *Homo competens*. В заключительной части работы мы коснёмся преимуществ ориентации на шкалу Общевропейских компетенций при оценке уровня владения устной речью.

В зависимости от уровня владения иностранным (французским) языком, обучающимся предлагается решение задач разной сложности в разных ситуациях общения. Примеры упражнений для уровней A1, A2 и B1 приводятся в Приложении 1.¹ Мы надеемся проследить общую парадигму стимулирования коммуникативной компетенции для разных уровней. Вместе с тем, мы также попытаемся продемонстрировать мно-

гоуровневый подход к понятию компетенции на примере упражнений на интеракцию.

Общевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка [12] подразделяют совокупность компетенций владения иностранным языком на два больших разряда: общие компетенции и коммуникативную языковую компетенцию, которая, в свою очередь, состоит из лингвистического, социолингвистического и прагматического компонентов.

Коммуникативная языковая компетенция включает лингвистический компонент, который подразумевает знание лексики, фонетики и грамматики и соответствующие навыки и умения [12, с.17]. В зависимости от уровня обучающихся, выполнение каждого из предложенных упражнений предполагает владение грамматическими навыками определённого уровня: спряжение неправильных глаголов и их глагольное управление (C1); работа над правильным построением вопроса и грамотно построенные простые и вопросительные предложения (C1, C2); знание и корректное употребление прошедших и будущих времён и, в случае необходимости, согласования времён, косвенного вопроса и косвенной речи, местоимений-дополнений, безличных конструкций, частично сослагательного наклонения и т.д. (C3). Очевидно, что предугадать заранее с абсолютной точностью сценарий диалога не представляется возможным, однако, реализация на практике любого из допустимых сценариев продемонстрирует уровень владения нормативной грамматикой. Что касается лексики, то, равно как и в грамматическом аспекте, обучающиеся работают с пройденным на их уровне материалом: названия стран и городов, транспорт и средства передвижения, путешествия, интерьер и предметы мебели и обихода, гостиничный бизнес, проблемные ситуации в поездках и т.д. На уровне фонетики, помимо общего звучания, обучающиеся работают с интонационными конструкциями вопросительного предложения (C1, C2), которые на начальном уровне изучения иностранного (французского) языка требуют постоянной тренировки. В C3 очень важны просодические характеристики предложений для выражения недовольства и несогласия.

Социолингвистический компонент отражает социокультурные условия использования языка. В силу ориентации на социальные нормы

¹ Далее при отсылке к упражнениям Приложения 1 мы будем использовать сокращения С(итуация)1, C2 и C3.

(правила хорошего тона, нормы общения между представителями разных поколений, полов, классов и социальных групп, языковое оформление определённых ритуалов, принятых в данном обществе), социолингвистический компонент оказывает большое влияние на речевое общение между представителями разных культур, которые могут даже не осознавать этого [12, с.18].

С этой точки зрения, предложенные задания работают с речевым этикетом и речевым поведением, прежде всего, с точки зрения такого, казалось бы, очевидного выбора, как обращение на «ты» или «вы». Несмотря на то, что выбор регистра во французском и русском языках, скорее, совпадает, практические наблюдения показывают, что на начальном этапе обучающиеся регулярно перескакивают с «ты» на «вы» или, например, ошибочно обращаются на «ты» к преподавателю.²

Вместе с тем, С2 и С3 предполагают умение грамотного выбора и употребления формул вежливости в сфере социального общения, т.е. тренируют языковое оформление определённых ритуалов (покупка транспортного документа, решение проблемной ситуации в поездке). Для С3 важно сохранять формальную вежливость даже при выражении несогласия и неудовлетворенности.

Прагматический компонент предполагает языковые средства в определённых функциональных целях (реализация коммуникативных функций, порождение речевых актов) в соответствии со схемами взаимодействия. Особое влияние на формирование прагматического компонента оказывают *социальное взаимодействие и культурная среда* (курсив мой. – И.П.) [12, с.18].

Формат разбираемых упражнений на ситуативное взаимодействие, приближенный к ролевой игре, позволяет породить речевой акт и реализовать коммуникативную функцию в социальном взаимодействии.

Именно инструмент ролевой игры в условиях отрыва от среды изучаемого иностранного (французского) языка, позволяет симитировать ситуацию живого общения или, если угодно, *социального взаимодействия*. На важность ролевых игр в изучении иностранного (французского) языка указывали многие психологи и методисты [3; 4; 5; 8; 9; 11]. В контексте заданной проблематики нам представляется целесообразным

подчеркнуть особую важность стимулирования таких моментов, как создание психологической готовности обучающихся к речевому акту и тренировку в выборе нужного речевого варианта, что является подготовкой к реализации коммуникативной функции.

Таким образом, если в плане лингвистического компонента упражнения на ситуативное взаимодействие дополняют и продолжают многие другие хорошо разработанные и универсальные инструменты, то к их «количественному» преимуществу можно отнести стимулирование социолингвистического и прагматического компонентов.

При этом ориентация на выбранный нами *ouvrage de référence*³, помимо удобного в применении и чёткого описания знаний и умений в зависимости от уровня владения иностранным (французским) языком, количественно расширяет набор педагогических инструментов, используемых для достижения поставленных задач. Тогда как акцент на прагматическом компоненте изначально приучает обучающихся ориентироваться не только на приобретение академических знаний, но и оттачивать навыки социального взаимодействия во всём их многообразии.

Перед тем, как перейти к следующему большому блоку так называемых общих компетенций, напомним, что коммуникативная компетенция реализуется пользователями в различных видах речевой деятельности, связанных с восприятием, порождением, интерактивными действиями и медиацией [12, с.18]. Мы также выше определили ситуативное взаимодействие/интеракцию как устный и/или письменный обмен информацией между двумя и более людьми.

К особенностям ситуативного взаимодействия/интеракции при устном общении относится то обстоятельство, что процессы восприятия и порождения могут чередоваться, либо накладываться друг на друга. Собеседники зачастую говорят и слушают друг друга одновременно, и даже если строго соблюдается очерёдность высказываний, слушающий, как правило, пытается предугадать общий смысл адресованного ему высказывания и заранее сформулировать свой ответ. Следовательно, для полноценного включения в процесс интеракции, недостаточно просто научиться восприятию и порождению высказываний [12, с.18].

² Так, на открытом уроке, мотивированный и старательный студент 2-го курса добродушно обратился к заведующей секцией доценту N.N. с приветствием: «Salut ! Tu vas bien ? » (Привет! У тебя все в порядке?)

³ Справочное издание.

Выше, говоря о прагматическом компоненте, мы обратили внимание на важность выбранного формата для реализации коммуникативной функции при социальном взаимодействии. Многие отечественные методисты и преподаватели иностранных (в том числе, и французского) языков также подчёркивали важность включения языкового материала и действий с ним в речевую деятельность, протекающую в естественных условиях [3; 4; 5; 8; 11]. В отличие от прогнозируемой ситуации воспроизведения заученного наизусть диалога, при выполнении упражнений на ситуативное взаимодействие обучающиеся оказываются лицом к лицу с непредсказуемыми репликами и реакциями собеседника.

Мы позволим себе несколько отклониться от темы, чтобы добавить ещё одно, педагогическое, измерение в нашу работу. Коллективный характер упражнения вынужденно включает в работу и обычно пассивных или неуверенных в себе обучающихся, испытывающих большие сложности с выходом в речь. В ситуации такого упражнения обучающийся неизбежно окажется в ситуации сравнения своих возможностей с возможностями других, причём самостоятельно, без оценочного вмешательства преподавателя. Стремление быть «не хуже всех», ориентироваться на самых активных коммуникантов может активировать фактор соревновательности и стать большим стимулом для работы, нежели угроза плохой оценки или низкого рейтинга.

Что касается общих компетенций, то они включают знания, умения и экзистенциальную компетенцию, а также способность учиться. Под знаниями, то есть декларативными знаниями (*savoir*) понимаются знания, приобретаемые человеком по мере накопления опыта (эмпирические знания) и в процессе обучения (академические знания). Эффективность общения зависит от того, насколько его участники владеют общими для всех знаниями об окружающем мире [12, с.16].

Общие компетенции.

Знания о мире (culture générale).

Знания о мире, полученные благодаря своему жизненному опыту, образованию или из других источников, в частности, включают:

- знания населённых пунктов, общественных институтов и организаций, персоналий, предметов, событий и т.п. Особое значение имеют страноведческие знания (географическое положение, демографическая обстановка, экономика и политика стран изучаемого языка) [12, с.82].

Преподавателям, имеющим опыт работы по учебникам иностранных (французских) издательств, знакомы разделы, посвящённые знаниям о мире. Отечественные УМК в этом плане неоднородны. Исходя из задачи расширения знаний о мире, для С1 можно предложить выбор в качестве направления франкоязычные страны, Квебек или, например, Заморские территории Франции. Продолжая «географическую» логику, можно пофантазировать, на какое, собственно, море так хочется смотреть из окна? Или речь идёт об океане? В любом случае, здесь очевиден прямой выход на географическое положение Франции. После выполнения упражнения обучающиеся могут подвести своеобразный географический итог своих знаний, освежив или пополнив карту франкофонного мира и побережий Франции.

Что касается С2, то оно предполагает наличие знаний (или приобретение таковых) об особенностях разнообразной и разветвлённой транспортной инфраструктуры Франции и возможных способах передвижения по этой стране.

Однако, если ориентация на приобретение и обогащение общих компетенций, в частности, знаний о мире (стране изучаемого языка), которое всегда было и остаётся для отечественной лингводидактики своеобразным дополнительным измерением при составлении и выборе упражнений, то введение т.н. *экзистенциальной компетенции (savoir-être)* [12, с.17], под которой понимается совокупность индивидуальных характеристик человека, его черт характера, взглядов, представлений о себе и об окружающих, готовность к социальному взаимодействию, имеет смысл рассматривать как актив Общеввропейских компетенций.

Из общего определения следует, что экзистенциальная компетенция выходит далеко за пределы лингводидактики. В целом, все вышеперечисленные компоненты апеллируют к таким пограничным дисциплинам, как социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, страноведение. Однако, факт включения *индивидуальных характеристик человека и черт его характера* в список компетенций интересующего нас программного документа приводит нас к рабочей гипотезе о создании нового концепта обучающегося эпохи компетентностного подхода, а именно *Homo competens*.

Хотелось бы завершить предложенный нами краткий экскурс в компетенции в ракурсе неоднократно процитированного труда упоминанием

о приобретении такого навыка, как способности учиться (*savoir-apprendre*). Если вернуться к формулировкам Общевропейских компетенций, то участие в коллективной, групповой работе развивает способность учиться (*savoir-apprendre*), а также стимулирует развитие экзистенциальной компетенции, умений, рост декларативных знаний. В интересующем нас контексте ситуативного взаимодействия под проявлением экзистенциальной компетенции понимается готовность проявлять инициативу или даже идти на риск при непосредственном общении с носителями языка, обращаться за помощью к собеседнику, например, попросить его выразить ту же мысль более простыми словами; внимательно слушать собеседника, осознавать риск возможного культурно обусловленного непонимания в ходе общения [12, с.85]. Здесь, как нам кажется, ставится вопрос о формировании очень важного навыка, поскольку практика приёма устных экзаменов показывает, что зачастую экзаменуемый не понимает сути задания, но в силу целого ряда причин боится задать уточняющий вопрос. Работа с компетенцией *savoir-apprendre* может оказаться эффективной для понимания причин этого явления и устранения его в высшей степени негативных последствий.

Что касается качественной оценки полученных результатов, то для их практической демонстрации разработан отдельный вид контроля компетенций, который, собственно, и представляет собой упражнение на ситуативное взаимодействие. Такой вид оценки выносится во многих ВУЗах на устный экзамен по иностранному (французскому) языку, а также является частью международного экзамена на знание французского языка DELF – DALF. Мы далеки от мысли, что сам факт регулярного использования упражнений на ситуативное взаимодействие на занятиях иностранным (французским) языком гарантирует успешное прохождение испытания. Однако, вне зависимости от результата сама форма такой оценки знаний не будет неожиданностью для экзаменуемого.

Преимущество ориентации на Общевропейские компетенции владения иностранным языком заключается в гармонизации определённого уровня владения языком и введении такого оценочного инструмента, как дескриптор [12, с.23]. Ориентация на общевропейскую систему уровней не ограничивает возможности различных педагогических коллективов по разработке и описанию своей системы уровней и модулей

обучения [1; 8]. Тем не менее, нам представляется, что знакомство с дескрипторами может быть положено в основу для дальнейшей адаптации и усовершенствования предложенной модели в зависимости от утверждённых учебных программ.

Поскольку мы рассматривали овладение коммуникативной компетенцией в рамках ситуативного взаимодействия, нам представляется целесообразным напомнить, что оценка достигнутых обучающимся успехов в интеракции учитывает такие навыки, как умение установить социальный контакт, использовать формулы вежливости, умение задавать вопросы и реагировать на ответ [2; 3], то есть те умения, которые позволяют приобрести и усовершенствовать практическое выполнение упражнений подобного типа. В свете вышесказанного, допустимо базово отталкиваться от оценочных таблиц, предложенных учебными пособиями по подготовке к сдаче международных экзаменов DELF–DALF [14, с.99], которые при использовании их вне контекста международного экзамена, обозначая основные критерии, оставляют свободу для их дальнейшей адаптации. Прозрачность требований, которые предъявляются к обучающимся, бесспорно повысит эффективность и результативность процесса обучения.

В этой связи вывод, что грамотная интеграция упражнений на ситуативное взаимодействие не только расширяет и обогащает формат работы по преподаванию иностранного (французского) языка в рамках компетентностного подхода и способствует гармонизации процессов и инструментов обучения и преподавания иностранных языков, но и является предпочтительным форматом для развития коммуникативной компетенции в ситуации взаимодействия – представляется нам логичным и находится в полном соответствии с предложенными Общевропейскими компетенциями владения иностранным языком критериями.

Являясь в своём роде вторичным в плане работы с лингвистическим компонентом, упражнение на ситуативное взаимодействие даёт, однако, дополнительные возможности для приобретения и обогащения социолингвистического и прагматического компонентов, а также расширяет знания о мире, повышает готовность к социальному взаимодействию, развивает экзистенциальную компетенцию и улучшает способность учиться. Его многоуровневый характер позволяет говорить о комплексном подходе к овладению компетенциями и формировании *Homo competens*.

Вместе с тем, работа в рамках европейского стандарта значительно облегчает и совершенствует оценочные инструменты достижений обучающихся.

В целом, упражнения подобного типа, не вступая в противоречие с другими рабочими инструментами преподавания иностранных языков в рамках компетентностного подхода, формируют у обучающихся иноязычные компетенции, необходимые для межличностного общения различных уровней сложности в широком спектре социокультурных и социально-политических ситуаций [6].

Приложение 1.

Уровень: A1.

C1. Rencontres à l'aéroport/Встречи в аэропорту.

Продолжительность: 10-15 минут.

Необходимый материал: карточки с легендой участников.

Ход выполнения: Участники вытягивают карточки с легендой. Например:

Yoko Mistsumi ← le Japon, Tokyo → la Finlande, Helsinki ⁴	Natacha Tchernychova ← la Russie, Moscou → le Sénégal, Dakar ⁵
--	---

По легенде, игроки делают пересадку в аэропорту и, в ожидании своего рейса, знакомятся друг с другом. Верхняя стрелочка вводит название страны и города, из которой прилетел тот

или иной участник, а вторая, соответственно, указывает на страну и город, куда он направляется. Обучающиеся разбиваются на пары и работают над мини-диалогами, в которых они должны познакомиться, узнать, откуда прилетел собеседник, и ответить на его вопросы.

Уровень A2.

C2. Carte de transports/Транспортная карта (проездной).

Продолжительность: 5 минут.

Необходимый материал: карточки с заданной ситуацией.

Ход выполнения: Участники тянут жребий:

S2. Vous habitez en France. Vous voulez une carte de transports. Vous demandez à l'employé de la compagnie des transports publics des informations sur les abonnements, la durée, les prix, les documents nécessaires, etc.

Le professeur joue le rôle de l'employé.⁶

Уровень B1.

Продолжительность: 5 минут.

Необходимый материал: карточки с заданной ситуацией.

Ход выполнения: Участники тянут жребий:

S3. Vous avez réservé une chambre en France dans un hôtel avec vue sur la mer. A l'arrivée, vous constatez que la chambre présente des problèmes et vous refusez d'y dormir. Vous vous expliquez avec le réceptionniste, mais il n'y a plus de chambres au même prix. Vous essayez de trouver une solution.

Le professeur joue le rôle du réceptionniste.⁷

Список литературы

1. Бубнова Г.И. Компетентностный подход: методика оценивания речевой продукции // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009, № 2. С. 15-28.
2. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003, № 5.
3. Крутских А. В. Коммуникативная направленность как основа для реализации компетентностного подхода // Филологические науки в МГИМО: сборник научных трудов ; вып. 53 (68). М.: МГИМО-Университет. 2014. С. 160-173.
4. Конышева А.В. Игра в обучении иностранному языку : теория и практика / А.В. Конышева. Минск : ТетраСистемс, 2008. 288 с.

⁴ Йоко Мицуми
← Япония, Токио
→ Финляндия, Хельсинки

⁵ Наташа Чернышева
← Россия, Москва
→ Сенегал, Дакар

⁶ Вы живете во Франции. Вам нужен проездной/транспортная карта. Вы обращаетесь к работнику общественного транспорта и узнаете у него, какие существуют транспортные карты, каковы сроки их действия, цены и необходимые для их приобретения документы. Преподаватель играет роль работника.

⁷ Вы забронировали номер во французской гостинице с видом на море. На месте Вы обнаруживаете, что в номере Вас не все устраивает, и Вы отказываетесь в нем останавливаться. Вы пытаетесь решить проблему с администратором, но выясняется, что свободных номеров той же ценовой категории больше нет. Вы пытаетесь найти решение. Преподаватель играет роль администратора.

5. Миньяр-Белоручев Р.К. Методика обучения французскому языку : учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Иностранный язык» / Миньяр-Белоручев Р.К. М. : Просвещение, 1990. 224 с.
6. Положение о языковой подготовке в МГИМО МИД России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mgimo.ru/upload/2016/10/lang-statute_27.09.2016.pdf – Заглавие с экрана. – (Дата обращения: 18.08.2017 г.)
7. Прилипко Е. В. Оценивание при компетентностном подходе к обучению иностранному языку // Иностранные языки в школе. 2014, № 5. С. 47-52.
8. Семенова Т.В. Ролевые игры в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2005, №1.
9. Смирнова Е. О. Психология и педагогика игры / Е. О. Смирнова, И. А. Рябова. М. : Юрайт, 2017. 233 с.
10. Хуторской А. В. Ключевые компетенции : технология конструирования // Народное образование. 2003, № 5.
11. Шукин А. Н. Методика обучения речевому общению на иностранном языке / А. Н. Шукин. М. : Издательство Икар, 2014. 454 с.
12. Cadre europeen commun de reference pour les langues. Les Editions Didier, 2000. 153 p.
13. Réussir le Delf Niveau A1 du Cadre européen commun de référence. Les Editions Didier, 2005. 96 p.
14. Réussir le DELF B1. Les Editions Didier, 2010. 192 p.

Сведения об авторе:

Полянская Ирина Эдуардовна – старший преподаватель кафедры французского языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера профессиональных интересов: методики преподавания иностранного (французского) языка, международные экзамены DELF-DALF, лингвокультурология, политический перевод, политический дискурс. E-mail: irena.polanskaya@gmail.com.

FROM HOMO LUDENS TO HOMO COMPETENS: EXERCISES IN INTERACTION AS A TOOL FOR A COMMUNICATIVE COMPETENCE DEVELOPMENT

Irina E. Polianskaya

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *The article focuses on the formation and development of communicative competence components in the process of practicing interaction exercises in French classes. The comparison of the format of exercises with the theoretical provision of the Common European Framework of Reference: Learning, Teaching, Assessment – brings us to the conclusion about their compliance and efficiency in a communicative competence development in the study process. Multilevel process of competence acquisition and development, and the inclusion of existential competence (savoir-être) and ability to learn (savoir-apprendre) into this process allow us to make a working hypothesis about the formation of a new educational concept of Homo competens. While choosing tools for the assessment of oral language proficiency, there is touched upon the question of evaluative descriptors as one of the benefits of the Common European Framework of Reference.*

Key Words: *the French language, communicative competence, general competences, knowledge of the world (culture générale), existential competence, Common European Framework of Reference, DELF – DALF, exercises in interaction, assessment tools, speech products evaluation.*

References

1. Bubnova G.I. Kompetentnostnyi podkhod: metodika otsenivaniia rechevoi produktsii [Competency-based Approach : Methodology for Assessment of Speech Products] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. 2009, № 2. S. 15-28.
2. Zimniaia I.A. Kliuchevye kompetentsii – novaia paradigma rezul'tata obrazovaniia [The Core Competencies – a New Paradigm of Educational Performance] // Vysshee obrazovanie segodnia. 2003, № 5.

3. Krutskikh A. V. Kommunikativnaia napravlennost' kak osnova dlia realizatsii kompetentnostnogo podkhoda [Communicative Orientation as the Basis for Competency-based Approach Realization] // Filologicheskie nauki v MGIMO: sbornik nauchnykh trudov ; vyp. 53 (68). M.: MGIMO-Universitet. 2014. S. 160-173.
4. Konysheva A.V. Igra v obuchenii inostrannomu iazyku : teoriia i praktika [Game in the Foreign language Learning: Theory and Practice] / A.V. Konysheva. Minsk : TetraSistems, 2008. 288 s.
5. Min'iar-Beloruchev R.K. Metodika obucheniia frantsuzskomu iazyku : uchebnoe posobie dlia studentov ped. in-tov po spetsial'nosti «Inostrannyi iazyk» [French Teaching Methodology : the Training Manual for Students of Pedagogical Universities] / Min'iar-Beloruchev R.K. M. : Prosveshchenie, 1990. 224 s.
6. Polozhenie o iazykovoii podgotovke v MGIMO MID Rossii [Language training regulation at MGIMO-University] [Elektronnyi resurs]. –Rezhim dostupa: http://mgimo.ru/upload/2016/10/lang-statute_27.09.2016.pdf – Zaglavie s ekrana. – (Data obrashcheniia: 18.08.2017 g.)
7. Prilipko E. V. Otsenivanie pri kompetentnostnom podkhode k obucheniiu inostrannomu iazyku [Assessment in the Competency-based Approach for the Foreign language Learning] // Inostrannye iazyki v shkole. 2014, № 5. S. 47-52.
8. Semenova T.V. Rolevye igry v obuchenii inostrannym iazykam [Role play in Foreign language Learning] // Inostrannye iazyki v shkole. 2005, №1.
9. Smirnova E. O. Psikhologiya i pedagogika igry [The Psychology and Pedagogy of the Game] / E. O. Smirnova, I. A. Riabova. M. : Iurait, 2017. 233 s.
10. Khutorskoi A. V. Kliuchevye kompetentsii : tekhnologiya konstruirovaniia [The Core Competencies: Construction Technology] // Narodnoe obrazovanie. 2003, № 5.
11. Shchukin A. N. Metodika obucheniia rechevomu obshcheniiu na inostrannom iazyke [The Verbal Communication Training Methodology] / A. N. Shchukin. M. : Izdatel'stvo Ikar, 2014. 454 s.
12. Cadre europeen commun de reference pour les langues. Les Editions Didier, 2000, 153 p.
13. Réussir le Delf Niveau A1 du Cadre européen commun de référence. Les Editions Didier, 2005. 96 p.
14. Réussir le DELF B1. Les Editions Didier, 2010. 192 p.

About the author:

Irina E. Polyanskaya – French language Senior Teacher of Department of French Studies, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of professional interests: French Teaching Methodology, DELF-DALE, cultural linguistics, general interest translation, political discourse. E-mail: irena.polanskaya@gmail.com.

* * *

ГЕТЕРОТОПИЯ ЖИВОПИСНОГО ЭКФРАСИСА В РОМАНЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «БЕЛАЯ ГОЛУБКА КОРДОВЫ»

Т.Н. Бреева

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет,
420008, Казань, ул. Кремлёвская, 18

В статье рассматривается один из романов трилогии Дины Рубиной «Люди воздуха» в контексте женской прозы конца XX – начала XXI веков. Своеобразие романа «Белая голубка Кордовы» как гендерномаркированной прозы раскрывается посредством исследования гетеротопии тела, приобретающей особую значимость в транслировании и осмыслении специфического женского опыта. В исследуемом романе формой гетеротопии тела является особое трансгрессивное пространство живописного экфрасиса, проблематизирующее мужской дискурс.

«Сюжет творчества», непосредственно связанный с демиургическим типом личности художника, становится способом реализации гендерной проблематики. Основой демиургизации выступает доминантная модель маскулинности, предполагающая господство властного дискурса. При этом властный дискурс утрачивает свой традиционный статус, становясь результатом травмы «расщеплённого тела» (Ж. Лакан).

Гетеротопия живописного экфрасиса характеризуется подвижной структурой, определяющей её двойную направленность. С одной стороны, гетеротопия воплощает собой фантазм «расщеплённого тела» (Ж. Лакан), овеещающий демиургические претензии героев; а с другой, фиксируют преодоление властного дискурса, разрушая границу между героем и жизнью.

Ключевые слова: женская литература рубежа XX – XXI веков, гендерномаркированная проза, женский опыт, женская травма, гетеротопия живописного экфрасиса.

Трилогия «Люди воздуха» («Почерк Леонардо», 2008; «Белая голубка Кордовы», 2009, «Синдром Петрушки», 2010) становится одним из первых текстов в творчестве Д. Рубиной, концептуализирующих гендерную картину мира, основной формой художественной репрезентации которой выступает гетеротопия тела. В женской литературе рубежа XX – XXI веков гетеротопия становится способом проживания специфического женского опыта, основу которого составляет опыт травматический. Травматический опыт вовлекает в себя переживание всех основных сфер существования, начиная от интимно-личной и заканчивая социально-исторической. Особое место в этом ряду занимает переживание телесного опыта, который становится специфическим женским опытом. Причём если в произведениях, тяготеющих к эссенциалистской концепции гендера, внимание авторов сосредоточивается на буквально физическом выражении телесного, то в контексте перформативных представлений о гендере гетеротопия тела достаточно часто воплощается как трансгрессивное пространство, производящее «особые режимы телесности и субъективности» [2, с. 200].

В рубиновской трилогии отражением подобного типа трансгрессивных пространств становится гетеротопия цирка – «Почерк Леонардо», экфрастическое пространство – «Белая голубка Кордовы» и гетеротопия пражского текста – «Синдром Петрушки». Все три типа трансгрессивных пространств фиксируют тему пограни-

ческого женским опытом. Причём если в произведениях, тяготеющих к эссенциалистской концепции гендера, внимание авторов сосредоточивается на буквально физическом выражении телесного, то в контексте перформативных представлений о гендере гетеротопия тела достаточно часто воплощается как трансгрессивное пространство, производящее «особые режимы телесности и субъективности» [2, с. 200].

чья, «двоящейся реальности», которую сама писательница называет звеном, объединяющим все три романа в одно.

В «мужских» романах трилогии гетеротопия тела проблематизирует мужской дискурс, выступающий «местом власти, угнетения и регламентации». В этом случае «сюжет творчества»¹ начинает приобретать особую значимость, играя роль своего рода проявителя гендерной проблематики.

Традиционно в литературоведении проблема героя-творца в рубиновском творчестве лишена гендерной артикуляции. Однако представляется необходимым внести гендерную дифференциацию в типологию этого образа. «Сюжет творчества» в произведениях Д. Рубиной предполагает особый характер решения антиномии «творчество – жизнь», основу которого составляет сохранение равновесия составляющих данной антиномии, проявляющееся в эффекте двойного видения, одновременной включенности и отстранённости от потока жизни. Нарушение этого принципа ведёт к превращению творчества в игру, оборачивающуюся тотальной театрализацией жизни. При этом исходной точкой нарушения равновесия выступает либо страх героя перед жизнью, следствие которого становится акцентированная театрализация собственного существования, либо демиургизация дара художника, приводящая к капсулированию жизни.

Второй вариант характерен для поздних рубиновских текстов, и в отличие от первого варианта он гендерномаркирован. Основой демиургизации выступает доминантная модель маскулинности, предполагающая господство властного дискурса. При этом властный дискурс утрачивает свой традиционный статус, становясь результатом травмы «расщеплённого тела» (Ж. Лакан).

Исходной точкой возникновения данной травмы оказывается в романах процесс формирования маскулинной идентичности героев, поэтому её преодоление связывается с поиском альтернативной маскулинности, которую С.Ю. Воробьёва называет «положительным мужским типом». Реализация альтернативной маскулинности в отношении образов Захара Кордовина и Петра Уксусова одновременно становится решением иаковского кода, знаменующего поединок героев с Богом². Осуществлением этого выступает в романах гетеротопии живописного

экфрасиса и пражского текста, подвижная структура которых определяет их двойную направленность. С одной стороны, гетеротопии воплощают собой фантазм «расщеплённого тела» (Ж. Лакан), овеществляющий демиургические претензии героев; а с другой, фиксируют преодоление властного дискурса, разрушая границу между героем и жизнью.

В «Белой голубке Кордовы» осуществление гетеротопии живописного экфрасиса происходит благодаря функциональной нетождественности отдельных его составляющих. С одной стороны, живописный экфрасис включает в себя оригинальные произведения Захара Кордовина, среди которых центральное место занимают цикл «Иерусалимка» и портрет Пилар, а с другой, ряд картин-имитаций, вписанных в ряд русского авангарда (Р.Р. Фальк, М.Ф. Ларионов и т.д.) и картин-«близнецов» («Спящая Венера П.П. Рубенса»).

Функциональная направленность этих составляющих неоднородна; если картины-«близнецы» выполняют преимущественно сюжетную функцию, то оригинальные произведения Кордовина и его картины-имитации становятся частью гетеротопии живописного экфрасиса. Сюжетная функция картин-«близнецов» связана с фиксацией этапов живописного экфрасиса, обеспечивая тем самым его подвижность и превращение в гетеротопию. В этом случае трудно согласиться с мнением Г.С. Зуевой, которая указывает на символическую функцию данных картин, рассматривая её как вариант переосмысления традиционной пушкинской этической концепции творчества. Отталкиваясь от размышлений Э.Ф. Шафранской о «разрыве привычной культурной парадигмы в образе *“плохого хорошего”* Кордовина» [4, с. 123], Г.С. Зуева приходит к следующему выводу: «...копирование картин для Захара – это способ борьбы с нечестностью других людей. Он думает, что победить их можно их же оружием – обмануть, и тогда удастся получить превосходство над ними. В подобной этически сложной ситуации нелегко определить, на чьей стороне правда, ведь герой-художник, с одной стороны, борется со злом, но с другой стороны, сам он тоже поступает нечестно» [4, с. 123 – 124]. В контексте такого прочтения функция картин-«близнецов» видится исследовательнице в символизации того демонического начала, которое пробуждает в За-

¹ См. об этом подробнее: [8].

² См. об этом подробнее: [3].

харе Кордовине Босота: «Другие же его полотна, называемые и в романе, и в научных исследованиях (К.В. Загородневой, В.Ю. Пановицы и др.) “близнецами”, имеют не созидющую, а разрушающую природу. Так, из-за “Спящей Венеры” Захар лишился друга, а “Святой Бенедикт” привёл к гибели его самого» [4, с. 129].

Однако смерть Андриюши и гибель самого Захара Кордовина совершенно нетождественны по смыслу: гибель Захара Кордовина в контексте национального мифа становится обретением утраченного «удела», причём этот процесс структурирован именно историей «Святого Бенедикта». Поэтому сюжетная функция картин-«близнецов» сводится именно к фиксации символической границы: «Спящая Венера» открывает тот этап гетеротопии живописного экфрасиса, который представлен картинами-имитациями, подчёркивая тем самым ситуацию расщеплённости героя; а «Святой Бенедикт» становится точкой, определяющей появление последнего третьего этапа гетеротопии, который представляет собой ограничение властного дискурса, отказ героя от демиургических претензий.

Копию «Спящей Венеры» Захар Кордовин делает по заказу Босоты; причём эта единственная упоминаемая в романе картина – двойной двойник: Босота после продажи двойника заказывает ещё один для себя. Удвоение копии выступает вполне прозрачным указанием на призрачный, симулятивный характер этого отрезка гетеротопии живописного экфрасиса. Упоминание Венеры сопровождает весь этот этап, включаясь, например, во внутренний аккомпанемент Захара Кордовина, которым он сопровождает экспертизу фальковской картины-имитации: «Сейчас, когда была сыграна увертюра, когда прозвучали все главные темы симфонии под названием “Рождение новой Венеры из пены морской”, можно перейти к свободным вариациям. Он любил такие внезапные переходы к вроде бы незначимым байкам, сплетням о великих, к поучительным историям, с кем-то произошедшим... Это напоминало ему прелюдию в любви, когда любое нетерпеливое движение может смять нарастающее сладкое томление, тягу к обладанию... – в нашем случае, картиной, а не женщиной, но это одно и то же. Венера уже нарождалась... Уже, можно сказать, среди пенистых волн показалась её спутанная рыжая макушка...» [7, с. 31].

Содержание гетеротопии живописного экфрасиса раскрывается характером презентации каждого из этапов: «погибшие картины» пред-

ставлены поляризацией дискурса жизни и критического дискурса, картины-имитации подаются через призму профессионального дискурса, портрет Пилар через призму дискурса творчества. Подобная неоднородность становится отражением движения от властных претензий демиурга-творца к органической модели творчества.

Принципиально важным в соотнесении первого и второго этапов экфрасиса становится характер соотнесения жизни и творчества. Как отмечает Г.С. Зуева: «Экфрасис “Иерусалимки” – неполный и разрозненный, дискретный. В основном этот район описывается от лица повествователя или второстепенных персонажей. Отмечается отсутствие курсивных фрагментов, содержащих экфрастические описания картин, автор упоминает только их названия: “Глейзер”, “Банный день”, “Цар! Вкрал! У Пушкина! Жыну!” и др. Восстановить примерное содержание кордовинских картин можно только по авторскому тексту романа, в котором описано то, что видел герой в детстве, а затем перенёс в свои картины» [4, с. 126 – 127].

Дискретный характер экфрасиса сочетается с достаточно настойчивой поляризацией дискурса жизни и критического дискурса. Например: «Ещё кружила по улицам и рынкам Сильва со своим грязным кружевным платочком, с залоснившимся пледом на плечах. Подходила к прилавкам и просто брала, что нравится. А когда торговки, свирепея, обзывали её воровкой, она каркала своё: “Цар вкрал у Пушкина жыну!” или невозмутимо напевала..., и кружилась, и приседала, и платочком плескала» [7, с. 254] и «– А про что, собственно, эта отличная живопись. <...> ... эта вот баба, которая ноги расставила и мочится посреди улицы, это что – искусство? И почему эта мерзость называется какой-то абракадаброй: “Цар! Вкрал! У Пушкина! Жыну!” – он что, безграмотный, этот ваш умник Кордовин?» [7, с. 382].

Помимо открытого обыгрывания несостоятельности критического дискурса как части традиционного для Д. Рубиной мотива противопоставления творчества и «введение» им, подобная презентация экфрасиса «Иерусалимки» становится внутренним обоснованием гибели картин. «Погибшие картины» – это не просто определение физического уничтожения полотен, но и акцентирование границы, предваряющей ситуацию расщеплённости, отражением которой становится экфрасис картин-имитаций.

Несостоятельность властного дискурса героя в отношении этого этапа гетеротопии подчёркивается особым характером развёртывания экфрасиса картин-имитаций, определяемого господством профессионального дискурса. Этот этап гетеротопии складывается из трёх составляющих: эпизод экспертизы картины Р.Р. Фалька, затем описание готовой картины-имитации М.Ф. Ларионова, у которой, однако, отсутствует провенанс, и, наконец, работа над созданием имитации картины Нины Петрушевской. Подобное расположение экфрасиса, обнажающее единый процесс создания картин-имитаций, наиболее наглядно демонстрирует демиургические претензии Кордовина, следствие реализации которых становится капсулирование жизни.

Как и в случае с Петром Уксусовым происходит оживление мёртвого «мира «клиппот»» (не случайно в романе появляется вполне узнаваемая параллель героя и кукловода: «Это десятки разнонаправленных действий, похожих на мельчайшие движения распяленной пятерни кукловода, с привязанными к каждому пальцу нитями, благодаря которым арлекин одновременно топает ножкой, вертит головой, бренчит на струнах гитары и раскрывает рот: картинку надо выцганить так, чтобы адвокатица не упёрлась каракатицей; временами звонить Морису, намекая, что нащупанный им, Кордовиным, *неизвестный Фальк* вот-вот попадёт к нему в руки, и можно присматривать клиента...») [7, с. 53].

Дискурс творчества как части акта Творения начинает поглощаться профессиональным дискурсом. Сравним: «...долгая мучительно-сладостная работа над самой картиной, когда ты не то что погружён в манеру художника, не то что живёшь ею, а просто становишься им, этим единственным мастером, с его единственным стилем, его взглядом на свет и предметы, в которых свет этот преломляется, способом держать кисть или мастихин, привычкой работать только в утренние или полуденные часы... – одним словом, когда ты, подобно Всевышнему из космогонической теории каббалы, сжимаешься и умаляешься сам в себе, дабы освободить место рождению *новой сущности*...» [7, с. 53] и «Картина была завершена, и вот уже покрыта слоем лака... но не готова. То есть она могла бы украсить собой любую выставку и стену любого музея... но не была готова зажить реальной *подлинной* жизнью: ещё не придумана была, не найдена *история находки*, не выбраны *приёмные родители*, не намечен покупатель. Три-четыре года пройдут, пока *усядется*

живописный слой... Три-четыре года, в течение которых будут выплетаться искусные узоры случайных встреч и любопытных знакомств, вестись переписка с владельцами, осуществляться медленные рокировки на шахматной доске обстоятельств. Плавная паванна, его любимый период сотворения мифа, как микроскопический скол *сотворения мира*: созревание ситуации, наполнение картины плотью и кровью *судьбы*.

Да-да: “и вдохнул дыхание жизни в ноздри ея...”

Всё ещё было у неё, у воздушной красавицы, впереди...» [7, с. 52].

Дискредитация дискурса творчества в отношении картин-имитаций подчёркивается ещё и обыгрыванием внутренней природы авангарда. Крут имен художников, чьё творчество имитирует герой, Р.Р. Фальк, М.Ф. Ларионов, «Нина Петрушевская из окружения Ларионова и Гончаровой» – это достаточно очевидная отсылка к русскому авангарду, для которого, как известно, принципиально важным является напряжённая взаимосотнесённость дискурсов подлинности и копии. По замечанию Р. Краусс, «единственная тема, которая всегда была неизменной частью дискурса авангарда, – это тема оригинальности. <...> Для авангарда оригинальность – это подлинность в прямом смысле этого слова, это изначальность, начало с нуля, рождение. <...> ... дискурс подлинности ... подавляет и дискредитирует свою оборотную сторону – дискурс копии» [5, с. 159 – 170]. Соответственно имитации Кордовина подрывают самую основу создаваемых им картин.

Несовпадение профессионального дискурса и дискурса творчества особенно отчётливо обнаруживает себя в экфрасисе создаваемой Кордовиным картины Нины Петрушевской, противопоставляя её «Иерусалимке», с одной стороны, и портрету Пилар, с другой. Здесь особую значимость приобретает характер наррации; несобственно-прямая речь, господствующая в романе, осложняется активным включением курсива, который, как правило, фиксирует одну из разновидностей свободного косвенного дискурса, направленного «на воспроизведение внутренней точки зрения субъекта речи. В этом случае основной функцией приёма несобственно-прямой речи становится передача ментального плана героя (героев). Несобственно-прямая речь вербализует неакциональное сознание персонажа посредством воспроизведения двух модусов – рефлексивного и перцептивного; субъектным

центром мысленного дискурса становится сам герой-нарратор, который объективирует себя с помощью форм внутренней речи (внутреннего монолога или внутреннего диалога)...» [1, с. 176]. По свидетельству Н.В. Максимовой, «курсив сигнализирует о переходе от описания внешних событий к изображению внутреннего мира героя, о смене точек зрения» [6, с. 134].

Преобладание профессионального дискурса особенно наглядно обнаруживает себя при сопоставлении экфрасисов картины Нины Петрушевской с портретом Пилар. Последний экфрасис характеризуется открытым взаимодействием дискурса жизни и творческого дискурса. При этом дискурс жизни представлен двумя разновидностями свободного косвенного дискурса, формальными маркерами которых выступает объём присутствия в них курсива. Взаимодействие речевых форм, передающих внешнюю и внутреннюю точку зрения Захара Кордовина, отражается минимальным включением курсива, в основном на уровне отдельных слов. «Воспроизведение внутренней точки зрения субъекта речи» полностью оформляется курсивом.

Экфрасис портрета включает в себя два плана изображения: передний план составляет образ Пилар, дальний – «старого Толедо», по одной из улиц которого проходит процессия *paazagenos*. Каждый из этих планов подключает ещё и дискурс жизни, который и в том, и в другом случае реализуется в двух формах свободного косвенного дискурса.

Так, первоначальное воспоминание о процессии *paazagenos* отмечено появлением всего одного графически маркированного слова – *косталерос*. Однако затем несобственно-прямая речь персонализируется, курсивом выделяется воспоминание Захара Кордовина об «одной жутковатой встречи в Толедо». Причём сопоставление этих двух фрагментов демонстрирует, что единственное слово, выделенное курсивом в первом фрагменте, во втором оказывается закавыченным, приобретая значение «чужого слова». Курсив в первом случае становится знаком косвенного «присвоения» воспоминания при сохранении господствующей внешней точки зрения. Закавыченность во втором случае вписывается в активизацию мотива родовой памяти. Этот фрагмент начинается и завершается многоточием, создающим эффект потока сознания, который осуществляет своеобразный «прорыв» родовой памяти у Кордовина, обретение «удела»: *«И вот тогда*

ничем не объяснимый ужас пробежал по корням его волос. С необыкновенной ясностью он осознал, что уже видел и слышал всё это: голос флейты, шарканье босых ног, глубокий блеск враждебных глаз в прорезях колпаков и отблески огня на старых стенах. Главное же: он должен был скрыться, немедленно согнуться, провалиться сквозь землю! Дождавшись, когда мимо прошаркают последние статисты процессии, он бросился бежать, сам не зная куда, вниз по улице...» [7, с. 430].

В противовес этому процесс создания картины-имитации, с одной стороны, отмечен присутствием профессионального взгляда живописца (характер описания альпийского озера практически полностью повторяет этапность экфрасиса картины М.В. Ларионова), а с другой, принципиальную значимость получает отсутствие графической маркировки, «освобождая» тем самым этот пейзаж от призмы сознания Захара Кордовина. Именно это и демонстрирует подчинение творческого дискурса дискурсу профессиональному.

Экфрастическое описание портрета Пилар становится последним этапом развёртывания гетеротопии, на котором происходит ограничение властного дискурса в отношении Захара Кордовина. Символическим знаком этого оказывается появление образа орла, выступающего в иудейской мифологии олицетворением вселенского присутствия Творца. Особую значимость приобретает характер презентации женского образа, его присутствие обозначается, но не изображается. «Двумя сильными плавными дугами парил в высоком окне мастерской орёл. Застыл, завис, как на портрете Пилар – недаром он поместил фигуру девушки на фоне именно этого – широкого, как Врата Милосердия, арочного окна, а не того, небольшого окошка её убогой студии. И воздух, обнимающий на холсте её тело, это здешний воздух Иудейских гор. Правда, на дальних планах в картине виднеются отнюдь не крыши мирных кибуцев, а старый Толедо в тревоге закатного солнца, когда сизые тени от плывущих облаков глушат пожары улиц, когда всё в движении, на небе и на земле» [7, с. 428].

Таким образом, гетеротопии в «мужских» романах трилогии имеют двойную функциональную направленность, в равной степени демонстрируя реализацию фантазма «расщеплённого тела» и избавления от него как способа обретения искомого единства.

Список литературы

1. Арзамова О.В. Особенности организации несобственно-прямой речи в русской новейшей художественной прозе // Вест. Балтийск. гос. ун-та им. И. Канта. – Сер. Филология, педагогика, психология. 2011. № 8. С. 172 – 177.
2. Беззубова О.В. «Другие пространства» Мишеля Фуко: современные стратегии интерпретации // Вест. Гражданских инженеров. 2011. № 2(27). С. 199 – 204.
3. Зиятдинова Д. «Иаковский код» как способ репрезентации культурной модели еврейской национальной идентичности в трилогии Д. Рубиной «Люди воздуха» // Известия УрФУ. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2014. №4(133). С. 178 – 187.
4. Зуева Г.С. Живописный экфрасис как способ создания образа героя-художника в прозе Дины Рубиной: дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2017. 174 с.
5. Краусс Р. Подлинность авангарда и другие модернистские мифы / пер. с англ. А. Матвеева. М.: Худ. журнал, 2003. 320 с.
6. Максимова Н.В. Курсив в романе Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы» // Гуманитар. исслед. 2012. № 3(43). С. 133 – 136.
7. Рубина Д. Белая голубка Кордовы. М.: Эксмо, 2009. 544 с.
8. Феномен творческого кризиса: монография / [Т.А. Снигирева и др.]; под общ. ред. Т.А. Снигиревой и А.В. Подчиненова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 400 с.

Сведения об авторе:

Бреева Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы КФУ (Россия, Казань). Сфера научных и профессиональных интересов: русская литература рубежа XX – XXI веков, гендерные исследования, национальный миф в литературе. E-mail: tbreeva@mail.ru.

HETEROTOPY OF PAINTING EKFRASIS IN DINA RUBINA'S NOVEL «THE WHITE DOVE OF CORDOBA»

T.N. Breeva

Kazan Federal University,
420008, Kazan, ul. Kremlevskaya, 18

The Abstract: *In the article one of the novels of Dina Rubina's trilogy «People of Air» is considered in the context of women's prose at the turn of the XXI century. The peculiarity of the novel «The White Dove of Cordoba» as gendered prose is revealed through the study of heterotopy of the body, which acquires special significance in broadcasting and comprehending the specific female experience. In the novel under analysis the heterotopia of the body is a special transgressive space of the pictorial ecphrasis, which problematises male discourse.*

«The plot of creativity», directly associated with the demiurgic type of personality of the artist, becomes a way of implementing a gender perspective. The basis of demiurgization is the dominant model of masculinity, which presupposes the domination of power discourse. At the same time, the power discourse loses its traditional status, resulting from the trauma of the «split body» (J. Lacan).

Heterotopia of pictorial ecphrasis is characterized by a mobile structure that determines its double directionality. On the one hand, heterotopy embodies the fantasy of a «split body» (J. Lacan), which embodies the demiurgic claims of heroes, on the other hand, they fix the overcoming of power discourse, destroying the border between the hero and life.

Key Words: *female literature at the turn of the XXI century, gendered prose, female experience, female trauma, heterotopy of pictorial ecphrasis.*

References

1. Arziamova O.V. Osobennosti organizatsii nesobstvenno-priamoï rechi v russkoi noveishei hudozhestvennoi proze [The peculiarities of reported speech organization in Russian latest prose] // Vest. Baltijsk. gos. un-ta im. I. Kanta. – Ser. Filologiya, pedagogika, psihologiya. 2011. № 8. S. 172 – 177.

2. Bezzubova O.V. «Drugie prostranstva» Mishelya Fuko: sovremennye strategii interpretatsii [“Other spaces” of Michel Foucault: modern strategies of interpretation] // Vest. Grazhdanskikh inzhenerov. 2011. № 2(27). S. 199 – 204.
3. Ziatdinova D. «Iakovskii kod» kak sposob reprezentatsii kul'turnoi modeli evreiskoi nacional'noi identichnosti v trilogii D. Rubinoi «Liudi vozdukha» [“Language code” as a means of cultural model representation of the Jewish identity in Dina Rubina's trilogy “Liudi vozdukha”] // Izvestiia UrFU. Ser. 2: Gumanitar. nauki. 2014. №4 (133). S. 178 – 187.
4. Zueva G.S. ZHivopisnyi ehkfrasis kak sposob sozdaniia obraza geroia-hudozhnika v proze Diny Rubinoi [Artistic ecphrasis as a means of creating an image of a character-artist in Dina Rubina's prose]: dis. ... kand. filol. nauk. Penza, 2017. 174 s.
5. Krauss R. Podlinnost' avangarda i drugie modernistskie mify [Originality of Avant-guard and other modernistic myths] / per. s angl. A. Matveeva. M.: Hud. zhurnal, 2003. 320 s.
6. Maksimova N.V. Kursiv v romane D. Rubinoi «Belaya golubka Kordovy» [Cursive in D. Rubina's novel “The White Dove of Cordoba”] // Gumanitar. issled. 2012. № 3(43). S. 133 – 136.
7. Rubina D. Belaia golubka Kordovy [The White Dove of Cordoba]. M.: EHksmo, 2009. 544 s.
8. Fenomen tvorcheskogo krizisa: monografiia [The Phenomenon of artistic crisis: monograph] / [T.A. Snigireva i dr.]; pod obshch. red. T.A. Snigirevoj i A.V. Podchinenova. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2017. 400 s.

About the author:

Breeva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian and Foreign Literature of the Kazan Federal University. E-mail: tbreeva@mail.ru.

* * *

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И АКТУАЛЬНОСТЬ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

М.В. Мельников, М.А. Морозова

Ульяновский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина,
432017, г. Ульяновск, бульвар Новый Венец, 1
Ульяновский институт гражданской авиации им. Главного маршала авиации Б.П. Бугаева,
432071, г. Ульяновск, ул. Можайского, 8/8

В статье рассматривается актуальность изучения в российских вузах политически корректной лексики английского языка, которая является в настоящее время нормативной для формального стиля общения на Западе. «Политическая корректность» определяется как термин, который относится к языку и политическим идеям, затрагивающим вопросы, связанные с дискриминацией, отчуждением политически, социально или экономически обездоленных групп людей. В соответствии с зарубежными источниками политически корректный (ПК) – это язык, поведение и отношение к чему-либо, тщательно выверенные, чтобы не обидеть и не оскорбить кого-либо. С целью дополнения активного вокабуляра студентов гуманитарных специальностей, изучающих английский язык, была проведена исследовательская работа, в ходе которой осуществлялся ретроспективный анализ возникновения и трансформации понятия «политкорректность» и выявлялись наиболее частотные политкорректные слова и словосочетания. Изучение лексических единиц, которые рекомендуются для использования в формальном общении, позволило определить тематическое содержание политкорректного словаря для студентов гуманитарных специальностей. Выбор лексики осуществлялся по признаку частотности, выявляемой на основе анализа её употребления в средствах массовой информации – «The Guardian, Encyclopaedia Britannica. Авторы приходят к выводу о том, что политкорректность в настоящее время используется в основном как средство контроля и манипуляции общественным сознанием. В статье обосновывается необходимость изучения политкорректной лексики как части современной языковой культуры.

Ключевые слова: политическая корректность, западный мир, языковые реалии, англоязычная среда, уничижительное значение, феминистическое движение, средства массовой информации, дискриминация, этническая группа.

В настоящее время западный мир одержим идеей политической корректности. Так называемая «политкорректность» проникла во все сферы жизни западного общества. Если человек обращается к большой аудитории, он должен следить за словами, которые он произносит или пишет. Лексика формального общения должна подвергаться тщательной самоцензуре, «некорректный» язык может вызвать большой негативный резонанс в обществе.

Приведём лишь несколько примеров. В США детскую сказку «Три поросёнка» назвали «Три щенка», чтобы не оскорбить чувства правоверных мусульман. В Японии карликовые пингвины были переименованы в сказочных пингвинов, чтобы не обидеть людей с небольшим ростом. Легендарную историю про «Белоснежку» также не обошла стороной политкорректность. Американское общество «За равные права героев мультипликационных фильмов» заявило, что в мультфильме должно быть три карлика европейского

происхождения, двое должны быть со смуглым цветом лица, один – латиноамериканского и один индийского происхождения соответственно.

Так называемый «политически корректный язык» стал нормативным для формального стиля общения – основы содержания обучения английскому языку в вузе. Трансформирующаяся лексика современного английского языка, как правило, входит в контент отечественной учебно-методической литературы с большим опозданием, а в зарубежных учебных комплексах не делается акцента на политкорректную лексику. Таким образом, очевидна необходимость дополнения тематического вокабуляра дисциплины «Английский язык».

С этой целью была проведена исследовательская работа, в ходе которой осуществлялся ретроспективный анализ возникновения и трансформации понятия «политкорректность» как наиболее актуальной тенденции изменения языковых и социальных реалий в западном мире. Изучение лексических единиц, которые рекомендуются для использования в формальном общении, позволило определить тематическое содержание политкорректного словаря для студентов гуманитарных специальностей. Выбор лексики осуществлялся по признаку частотности, выявляемой на основе анализа её употребления в средствах массовой информации.

Материал, собранный на основе частотности употребления политкорректной лексики, оформляется в учебно-методическое пособие по использованию современных аутентичных языковых единиц в ситуациях формального общения.

Таким образом студенты гуманитарных специальностей получают возможность ознакомиться с существующими языковыми реалиями англоязычной среды. Кроме того, информированность о мерах, направленных на обеспечение адаптации и принятия традиционных жизненных укладов разнообразных этнических групп в англоязычных странах, поможет студентам легко адаптироваться к коммуникации на английском языке с его носителями. Это особенно важно для тех, кто хочет работать в англоязычной среде в условиях делового или академического сотрудничества. Знакомство с «политкорректными» языковыми единицами не только даёт важную для студентов информацию о приемлемости употребления тех или иных слов или словосочетаний, но и о том, какие вопросы коммуникации стоят перед англоязычным сообществом в настоящее время.

Политическая корректность (ПК) – это термин, который в первую очередь относится к языку, политическим идеям, затрагивающим вопросы, связанные с дискриминацией, отчуждением политически, социально или экономически обездоленных групп и лиц, которые имеют физические особенности. В академических английских и американских словарях приводятся схожие определения понятия «политическая корректность». Так, например, словарь американского английского языка Лонгман (Longman Dictionary of American English) даёт следующее определение ПК – «politically correct (abbreviation P.C.) adj. politically correct language, behavior, and attitudes are carefully chosen so that they do not offend or insult anyone»... (политически корректный (сокращённо ПК) – это поведение и отношение к чему-либо, тщательно выверенные, для того, чтобы не обидеть и не оскорбить кого-либо) [2, с.773].

В Оксфордском онлайн словаре даётся следующее определение ПК – «The avoidance of forms of expression or action that are perceived to exclude, marginalize, or insult groups of people who are socially disadvantaged or discriminated against» (Уклонение от форм выражения или действий, которые, как предполагается, исключают, маргинализуют или оскорбляют группы людей, находящихся в социально неблагоприятном положении или подвергающихся дискриминации) [11].

Исторически сложилось так, что этот термин был «коллоквиализмом», который использовался в уничижительном значении в начале – середине XX века коммунистами и социалистами в политических дебатах, в отношении «партийной линии», которая обеспечивала «правильные» координаты по многим вопросам политики.

Понятие «политически корректный» берёт своё начало во Франкфуртской школе (Институт социальных исследований) в Германии, созданной в 1923 году. Франкфуртская школа являлась научно-исследовательским центром социальной инженерии, направленным на распространение коллективизма (или его ответвлений социализма, марксизма и коммунизма) во всём мире. Как говорится в документах Института Шиллера: «Задача Франкфуртской школы заключалась, во-первых, в том, чтобы подорвать иудео-христианское наследие посредством «ликвидации культуры» (Aufhebung der Kultur в немецком языке); и, во-вторых, определить новые культурные формы, которые увеличили бы отчуждение населения, создав таким образом «неоварварство» [15].

В 70-х годах на Западе новые левые приняли термин «политическая корректность». Политическая корректность в новой интерпретации стала актуальной на волне феминистического движения во второй половине прошлого века. Так, например, в эссе «Чернокожая женщина: антология» (1970) Тони Кейд Бамбара отметила, что человек [мужчина] не может быть политически корректным и шовинистом одновременно [5].

Новые левые применили этот термин как «самокритичную сатиру», о которой Дебра Шульц отозвалась следующим образом: «...в течение 1970-х и 1980-х годов новые левые, феминистки и прогрессисты ... использовали свой термин «политическая корректность» иронично, в качестве защиты своей собственной ортодоксальности в попытках изменить общество» [4, с. 19]. В качестве иронического термина ПК часто используется в книге комиксов «Merton of the Movement», написанной Бобби Лондоном, после чего в комиксах Барта Дикона появился термин «идеологически обоснованный». А Эллен Уиллис в своём эссе «К вопросу о революции феминизма» (1992) указывала на то, что в начале восьмидесятых годов, когда феминистки использовали термин «политкорректность», его употребляли саркастически в отношении движения против порнографии [6].

Стюарт Холл (британский социолог культуры и массовых коммуникаций марксистского направления) предлагает версию превращения первоначального значения термина в его современную интерпретацию.

Согласно этой версии, «политическая корректность» фактически начиналась как шутка левых: радикально настроенные студенты в американских университетских городках иронически копировали «старые недобрые времена» (до шестидесятых), когда каждая революционная группировка имела партийную линию во всём. Они иронично использовали политкорректные выражения, подражая речам «красных гвардейцев» (Red Guards), в отношении своих сокурсников, которые демонстрировали сексистское или расистское поведение [1].

В конце 1990 года в двух статьях журналов *Forbes* и *Newsweek* («Форбс» и «Ньюсуик») в заголовках по этой теме использовался термин «полиция по мыслепреступлению», который иллюстрировал новую коннотацию термина «политкорректность», но именно работа «Не-либеральное образование: расовая и сексуальная политика в кампусе» Динеша Д'Сузы (1991)

«поразила воображение прессы» [17]. «Политическая корректность» была ярлыком для целого ряда политических программ в академических кругах в поддержку мультикультурализма. Эти программы отражали позитивные действия: они содержали санкции против «словесного разжигания ненависти» в отношении национальных и сексуальных меньшинств и предполагали пересмотр учебных программ (иногда определяемый как «уничтожение канонов»).

В 90-х годах «политическая корректность» была принята консерваторами США как уничижительный термин в попытках продвижения политики мультикультурализма и идентичности. Особенное значение этот термин имел с точки зрения необходимости ввести новые понятия, которые должны были заменить старые «дискриминационные» и перевести их в разряд табуированных. Это явление было обусловлено изменением языка академических кругов и укреплением политики идентичности как внутри, так и за пределами академического сообщества. Комплекс политических модификаций и языковых нововведений, которые учитывали культурологические, национальные особенности, делает английский язык гендерно-нейтральным и актуализирует изменение социальной реальности.

Несмотря на то, что в США никогда не было официального «движения за политическую корректность», либеральные обозреватели заявляли, что консерваторы и реакционеры, которые использовали этот термин, делали это специально, пытаясь отвлечь политическую дискуссию от насущных вопросов социальной дискриминации: расового, социального, полового и правового неравенства.

Актуализация современной политической корректности – это пример изобретательного способа, с помощью которого работают социальные инженеры, такие как манипуляторы Нового мирового порядка. Политическая корректность – это мягкая цензура. Это нетерпимость, замаскированная под толерантность. По словам Джорджа Карлина, именно фашизм прикрывается манерностью. Она широко распространяется не только в государственных институтах, но и почти во всём обществе.

Ещё Джордж Оруэлл очень точно определил «политическую корректность» в своём романе-антиутопии «1984» как «Новояз», который угрожает ограничением нашей возможности свободно говорить и думать, сокращая количество доступных слов в нашем словаре, заменяя

их стандартными, эмоционально нейтральными клише.

Политическая корректность основывается на несуществующем «праве» «не быть обиженным». Политическая корректность диктует то, что вы можете и что не можете сказать, исходя из того, насколько слово является «оскорбительным».

Более того, не определены должностные лица или представители государственной власти, в компетенции которых входит определение лексики, которую нужно считать оскорбительной, т.е. «неполиткорректной». В соответствии с конституциями всех развитых демократических государств, свобода слова была подлинным и законным правом человека, тогда как «право не чувствовать себя оскорблённым» является законодательно не закреплённым, мнимым и несуществующим.

Практика использования «политкорректных» языковых единиц заключается в рекомендации использовать описательную лексику, которую оратор или писатель применяет в попытках устранить предвзятую негативную коннотацию, присущую культурным, сексуальным и расистским стереотипам при помощи нейтральных в культурном отношении терминов, таких как речевые обороты, парафразы и эвфемизмы, представленные в официальном словаре политкорректности за 1993 год.

Противники слов сложного дескриптора и многосложных словосочетаний используют термин «политически корректный» в качестве уничижительной и обскурантистской критики, подчёркивая тем самым «чрезмерное» стремление проявить уважение к чувствам определённых социальных групп, пренебрегая здравым смыслом в употреблении языковых единиц. В свою очередь, некоторые публичные люди стали использовать термин «политически некорректный», чтобы показать, что они не боятся игнорировать социальные ограничения, присущие политически правильной речи.

Из оппозиции «политкорректности» возникла культурно-либеральная телевизионная программа ток-шоу «Politically Incorrect» (Политически некорректный 1993–2002 гг.) и культурно-консервативная книжная серия «The Politically Incorrect Guide» (руководство по политической некорректности) по отношению к определённым объектам или понятиям, например, Конституция США, капитализм или Библия.

«Политическая корректность», как уже отмечалось выше, – это ярлык, который обычно употребляют правые в отношении действий и

специфики лексических единиц, используемых левыми. Тем не менее, термин «политкорректность правых» иногда применяется обозревателями для того, чтобы проводить параллели между правыми и левыми. У некоторых авторов в дискуссиях, касающихся высшего образования в США, встречается термин «консервативная корректность», который подчёркивает тот факт, что «корректность» консерваторов часто не попадает в поле зрения критиков. Чаще всего дело полностью игнорируется или цензура левых оправдывается как добродетель. ... Сбалансированная панорама была утеряна, и все упустили тот факт, что все стороны иногда подвергались цензуре» [7, с. 57].

Философ пост-структуралист Юлия Кристева была одним из первых сторонников пропаганды феминизма и мультикультурализма, посредством анализа языка доказывая (цитата Нью-Йорк Таймс, 2001) «...что недостаточно просто проанализировать структуру языка, чтобы найти скрытый смысл. Язык также следует рассматривать через призму истории и с точки зрения индивидуальных психологических и сексуальных переживаний ... такой подход, в свою очередь, позволил конкретным социальным группам отследить источник их угнетения в самом языке, на котором они говорят» [18]. Однако в 2001 году Кристева отметила, что эти взгляды были многими упрощены и выставлены карикатурно в Соединённых Штатах и что (цитата Таймс) «политическое притязание на право сексуальной, этнической и религиозной идентичности в конечном итоге разрушает демократию».

В Соединённых Штатах левые силы, выступающие за «политкорректность», обвинялись в действиях, которые в значительной степени проводились правыми группами. Так, например, «Time» ссылалась на кампании правых групп против показа сцен насилия на кабельном телевидении, укоренившегося в «господствующей культуре». Некоторые общественные деятели считают, что кампании против демонстрации сцен насилия, секса и гомосексуальных отношений по телевидению, сделали «господствующую культуру» осторожной, «санитарной», пугающей своей собственной тенью из-за бдительного взгляда «полиции политкорректности» [17].

В научном мире считается, что верификация полученных научных данных достигается с помощью наблюдения и количественной оценки. Сэтой целью нами была проанализирована «политкорректная» лексика и частотность её употребления

в СМИ, которые являются наиболее актуальным средством распространения информации, отражающим изменения социально-политического характера в мировом масштабе. Из обширного списка «политкорректных» слов и фраз было отобрано несколько стилистически нейтральных единиц, рекомендованных к применению в рамках политкорректной коммуникации. Частота использования этой лексики анализировалась по статистике наиболее авторитетных медийных источников – The Guardian, Encyclopaedia Britannica («Гардиан» и энциклопедия «Британника»). Далее по тексту приводятся данные до 2017 года из обозначенных источников.

Вот некоторые примеры политкорректной лексики, которая используется в современном мультимедийном пространстве:

- “Intellectually challenged” (Умственно неполноценные) вместо «mentally retarded» (слабумный) (по результатам поиска на сайте газеты «Гардиан» и энциклопедии «Британника» выражение встречается более 700 раз в различных средствах массовой информации до 2017 года);
- “African American” (Афроамериканец) вместо “Black” и “Negro” (чернокожий и негр), в Соединенных Штатах (более 60000);
- “Native American” (коренной американец) вместо “Indian” (индеец) в Соединённых Штатах (более 20 000 раз);
- “First Nations” (коренные народы) вместо “Indian” (индейские племена аборигенов) Северной Америки (более 100 000 раз);
- Гендерно-нейтральные термины “Firefighter” (пожарный) вместо “Fireman” (пожарник) and “Firewoman” (более 20 000 раз);
- Гендерно-нейтральный термин “Humankind” (человечество) вместо “Mankind” (более 13 000 раз);
- термины, описывающие физические недостатки, такие как “Visually challenged” (слабовидящие) вместо “Blind” (слепой) и “Hearing impaired” (слабослышащий) вместо “Deaf” (глухой) (более 2000 раз);
- термины, обозначающие общественные праздники: “Holiday season” (новогодние праздники) вместо “Christmas” (Рождество) (более 18 000 раз);
- термины, описывающие отношение к домашним животным: “Companion animal” (животное-компаньон) вместо “Pet” (домашний питомец) (более 5000 раз);
- термины, связанные с наличием или отсутствием образования: “Lacking formal education”

(отсутствие формального образования) вместо “Uneducated” (необразованный) (более 800 раз).

Кроме того, актуальность отобранного языкового материала проверялась на основе анализа случайно выбранных статей, опубликованных в конце 2017 – начале 2018 года, в которых используются некоторые из перечисленных выше лексических единиц политкорректного вокабуляра: «Former San Francisco 49ers star Dana Stubblefield is hauled off to jail after pleading not guilty to raping an intellectually disabled woman and threatening her with a gun» written by Ariel Zilber, published: January 2018 [9] («Бывшая звезда Сан-Франциско 49-летний Дана Стэбблфилд отправляется в тюрьму после того, как не признал себя виновным в изнасиловании умственно отсталой женщины и угрожал ей оружием», автор: Ариэль Зильбер, опубликовано в январе 2018 года);

“African American literature” written by: William L. Andrews [10] («Афроамериканская литература», автор: Уильям Л. Эндрюс);

“Indigenous peoples of Canada and United States” written by: Elizabeth Prine Pauls published: January 2018 («Коренные народы Канады и Соединенных Штатов», автор: Элизабет Прайн Паулс опубликовано в январе 2018 года);

“Ovide Mercredi Canadian First Nations Leader” written by: Diane Lois Way [12] («Овайд Меркредди – лидер коренного населения Канады», автор: Дайэна Лоис Уэй).

Как уже отмечалось выше, ПК это явление, относящееся к общественно-политической жизни западного общества и воспринимающееся без особого энтузиазма представителями среднего класса, как в Европе, так и в США. Поэтому рекомендации администраций крупных фирм и малых частных предприятий не рассылать рождественские открытки с пожеланием «Счастливого рождества» в 2017 году были восприняты с критикой Лондонским региональным отделением Британской национальной партии [14].

Некоторые представители правого политического движения, такого как Британская национальная партия, считают, что ПК используется для контроля сознания населения.

Некоторые слова не заменяются, а приобретают новое значение. Например, слово «фашист» теперь означает любого, кто не согласен с крайними левыми. Кроме того, слово «диктатор» теперь означает любого лидера, который не согласен с правительством Великобритании. На сайте Британской национальной партии опубликован список из 100 политкорректных слов и фраз [14].

Проанализировав историю возникновения и модификации понятия «политкорректность» в западном мире на примере США, которые, безусловно, существенно влияют на политическую и общественную жизнь в мировом масштабе, можно прийти к выводу, что политкорректность в настоящее время используется в основном как средство контроля и манипуляции общественным сознанием. Тем не менее, существующие языковые реалии нельзя игнорировать и как часть современной языковой культуры, поэтому политкорректная лексика должна изучаться.

Поскольку политкорректная лексика постоянно меняется, бывает трудно определить, какие слова могут в большей степени ущемлять чувства людей и какие лучше подходят для конкретной ситуации. Во избежание оскорбления людей «неподходящими словами», предлагается выполнять следующие рекомендации:

1. Прежде чем осуществить речевое взаимодействие с представителями определённой расовой, этнической или другой культурной группы, поинтересуйтесь заранее, какие термины для них наиболее приемлемы. Лучше получить информацию из компетентных источников, чем рисковать оскорбить непреднамеренно.

2. Избегайте использования сленга при обращении к представителям различных культур. Сленговые слова воспринимаются как оскорбление.

3. Нельзя использовать слова, подчёркивающие физические особенности людей, которые могут восприниматься ими как недостатки.

Обучая политически корректному языку, преподаватель должен чётко сформировать ясное понимание различий между сексистской, уничижительной или табуированной лексикой. Сексистский язык – это термин, обозначающий использование фраз с характерной мужской доминантностью, указывающей на то, что представители слабого пола обладают меньшими умственными или физическими способностями. Так, например, словарь американского английского языка Лонгман (Longman Dictionary of American English) даёт следующее определение сексизму: «sexism – the belief that one sex is weaker, less intelligent, or less important than the other,

especially when this results in women being treated unfairly» (сексизм – убеждение, что один пол слабее, менее умный или менее значимый, чем другой, особенно, когда это приводит к тому, что женщины подвергаются несправедливому обращению) [2, с. 927]. Уничижительная лексика (со стороны кажущаяся интеллигентной и искусной) – это лексика, которая представлена словами или фразами, воспринимаемыми как неодобрительные (например, национальность, пожилой возраст и т. д.). В том же словаре Лонгман «уничижительная лексика» определяется как: «pejorative – (formal) a pejorative word or phrase is used in order to insult someone or to show disapproval» (уничижительное – (формальное) уничижительное слово или фраза, которая используется для того, чтобы оскорбить кого-то или проявить неодобрение) [2, с. 739]. Язык табу включает в себя оскорбительные слова или фразы, относящиеся к национальности, определённой расе, сексу или половым органам и экскреции. В Кембриджском онлайн словаре язык табу определяется как «...word that is avoided for religious or social reasons» (слово, которое следует избегать по религиозным или социальным соображениям) [8].

Вопрос использования политкорректного английского языка связывает между собой исторические, культурные, социальные и языковые проблемы. Так как этот вопрос стоит достаточно остро в современном западном мире и оказывает существенное влияние на качество коммуникации, преподаватели и студенты должны знать, как фактически сегодня носителями используется политкорректный английский язык.

Таким образом, политкорректный английский язык может быть интересным и необходимым предметом изучения в рамках дисциплины «Английский язык как иностранный» ESL (English as a Second Language) или EFL (English as a foreign language). Данные вопросы рассматриваются в рамках курса «Преподавание английского языка» ELT (English Language Teaching / Training), чтобы помочь преподавателям глубоко изучить эту тему и дать возможность сформировать у студентов навыки адекватного использования современных аутентичных языковых единиц.

Список литературы

1. Hall, S. Some 'Politically Incorrect' Pathways Through PC (<http://www.ram-wan.net/restrepo/hall/some-politically-incorrect-pathways.pdf>), in S. Dunant (ed.) *The War of the Words: The Political Correctness Debate*, 1994. p.164–184.

2. Longman Dictionary of American English 4th ed., © Pearson Education Limited, 2009, ISBN 9780137052677 p. 773.
3. Ruth Perry, «A Short History of the Term «Politically Correct», in Beyond PC: Toward a Politics of Understanding, by Patricia Aufderheide, 1992.
4. Schultz, Debra L. «To Reclaim a Legacy of Diversity: Analyzing the «Political Correctness» Debates in Higher Education», 1993.
5. Traylor, Eleanor W. The Black Woman: An Anthology Author(s): ISBN: 0-7434-7697-2 / 978-0-7434-7697-3 (USA edition) Publisher: Washington Square Press, 2005.
6. Willis, Ellen «Toward a Feminist Revolution», in No More Nice Girls: Countercultural Essays. Wesleyan University Press, 1992. ISBN 0-8195-5250-X. p. 19.
7. Wilson, John. «Conservative Correctness», 1995. The Myth of Political Correctness: The Conservative Attack on High Education Available at: <http://books.google.co.uk/books?id=jl-mXwLH0kC>. (accessed 20 November 2017) Durham, North Carolina: Duke University Press. p. 57.
8. Cambridge dictionary. Available at: <https://www.dictionary.cambridge.org/dictionary/english/taboo> (accessed 25 November 2017)
9. Dailymail. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2571565/Theyre-called-vertically-challenged-short-people-intellectually-challenged-too.html> (accessed 12 December 2017).
10. Encyclopaedia Britannica. Available at: <https://www.britannica.com/> (accessed 12 December 2017).
11. English Oxford living dictionaries. Available at: https://en.oxforddictionaries.com/definition/political_correctness (accessed 18 February 2018).
12. Institute of Education Sciences. Available at: <http://www.eric.ed.gov> (accessed 17 November 2017) New York: National Council for Research on Women.
13. Katz I. Jonathan «What is Political Correctness?» Available at: <http://katz.fastmail.us/pc.html> (accessed 18 February 2018).
14. Politically-correct-words. Available at: <https://bnp.org.uk/politically-correct-words/> (accessed 19 February 2018).
15. Schiller Institute – The new Dark Age. Available at: http://www.schillerinstitute.org/fid_91-96/921_frankfurt.html (accessed 3 December 2017).
16. The Guardian, Available at: <https://www.theguardian.com/international> (accessed 17 December 2017).
17. The New York Times newspaper article “The Rising Hegemony of the Politically Correct”, Western Humanities Conference. Available at: <http://www.humanities.uci.edu/wha/about/> (accessed 28 November 2017).
18. The New York Times Available at: <http://www.nytimes.com/2001/07/14/arts/correcting-her-idea-of-politically-correct.html>. (accessed 30 November 2017) Riding, Alan, Correcting Her Idea of Politically Correct. 14 June 2001.

Сведения об авторах:

Мельников Максим Владимирович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» УлГАУ (Россия, Ульяновск). Сфера научных и профессиональных интересов: методика преподавания иностранных языков, социолингвистика. E-mail: mensch777@mail.ru.

Морозова Марина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков УИГА (Россия, Ульяновск). Сфера научных и профессиональных интересов: методика преподавания иностранных языков, социолингвистика. E-mail: mmrozova@yandex.ru.

POLITICAL CORRECTNESS IN THE ENGLISH LANGUAGE AND RELEVANCY OF ITS STUDY IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Maxim V. Melnikov, Marina A. Morozova

Ulyanovsk State Agricultural University, 1, boulevard Novy Venets, Ulyanovsk, 432017, Russia.
Ulyanovsk Institute of Civil Aviation, 8/8, Mozhayskogo Street, Ulyanovsk, 432071, Russia.

The Abstract: *The article considers the relevance of studying politically correct English language in Russian universities, which is currently normative for a formal style of communication in the West. «Political correctness» is defined as a term that refers to a language and political ideas which addresses the issues related to discrimination, alienation of politically, socially or economically disadvantaged groups of people. According to foreign sources, the term is defined as «politically correct (P.C.) language, behavior,*

and attitudes that are carefully chosen so that they do not offend or insult anyone». In order to enhance the active vocabulary of students of humanitarian sciences studying the English language, we conducted research work, in the course of which the historic development and modification of the concept «political correctness» was analyzed and the most frequent politically correct words and phrases were identified. The study of lexical units that are recommended for use in formal communication made it possible to determine the content of a politically correct dictionary for students of humanitarian sciences, based on the analysis of the most authoritative media and observers (The Guardian, Encyclopedia Britannica etc.). The authors come to the conclusion that political correctness is currently used mainly as a means of control and manipulation of public consciousness. The article makes the case for studying politically correct vocabulary as a part of modern linguistic culture.

Key Words: *political correctness, the Western world, language realities, English-speaking environment, pejorative connotation, feminist movement, mass media, discrimination, ethnic group.*

References

1. Hall, S. Some 'Politically Incorrect' Pathways Through PC ([http:// www. ram-wan. net/ restrepo/ hall/ some politically incorrect pathways. pdf](http://www.ram-wan.net/restrepo/hall/some_politically_incorrect_pathways.pdf)), in S. Dunant (ed.) *The War of the Words: The Political Correctness Debate*, 1994. p.164–184.
2. Longman Dictionary of American English 4th ed., © Pearson Education Limited, 2009, ISBN 9780137052677 p. 773.
3. Ruth Perry, «A Short History of the Term «Politically Correct», in *Beyond PC: Toward a Politics of Understanding*, by Patricia Aufderheide, 1992.
4. Schultz, Debra L. «To Reclaim a Legacy of Diversity: Analyzing the «Political Correctness» Debates in Higher Education», 1993.
5. Traylor, Eleanor W. *The Black Woman: An Anthology* Author(s): ISBN: 0-7434-7697-2 / 978-0-7434-7697-3 (USA edition) Publisher: Washington Square Press, 2005.
6. Willis, Ellen «Toward a Feminist Revolution», in *No More Nice Girls: Countercultural Essays*. Wesleyan University Press, 1992. ISBN 0-8195-5250-X. p. 19.
7. Wilson, John. «Conservative Correctness», 1995. *The Myth of Political Correctness: The Conservative Attack on High Education* Available at: [http:// books. google. co. uk/books?id=jl-mXwLH0JkC](http://books.google.co.uk/books?id=jl-mXwLH0JkC). (accessed 20 November 2017) Durham, North Carolina: Duke University Press. p. 57.
8. Cambridge dictionary. Available at: [https://www dictionary.cambridge.org/dictionary/english/taboo](https://www.dictionary.cambridge.org/dictionary/english/taboo) (accessed 25 November 2017)
9. Dailymail. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2571565/Theyre-called-vertically-challenged-short-people-intellectually-challenged-too.html> (accessed 12 December 2017).
10. Encyclopaedia Britannica. Available at: <https://www.britannica.com/> (accessed 12 December 2017).
11. English Oxford living dictionaries. Available at: https://en.oxforddictionaries.com/definition/political_correctness (accessed 18 February 2018).
12. Institute of Education Sciences. Available at: <http://www.eric.ed.gov> (accessed 17 November 2017) New York: National Council for Research on Women.
13. Katz I. Jonathan «What is Political Correctness?» Available at: <http://katz.fastmail.us/pc.html> (accessed 18 February 2018).
14. Politically-correct-words. Available at: <https://bnp.org.uk/politically-correct-words/> (accessed 19 February 2018).
15. Schiller Institute – The new Dark Age. Available at: http://www.schillerinstitute.org/fid_91-96/921_frankfurt.html (accessed 3 December 2017).
16. The Guardian, Available at: <https://www.theguardian.com/international> (accessed 17 December 2017).
17. The New York Times newspaper article “The Rising Hegemony of the Politically Correct”, Western Humanities Conference. Available at: [http:// www. humanities. uci. edu/ wha/ about/](http://www.humanities.uci.edu/wha/about/) (accessed 28 November 2017).
18. The New York Times Available at: <http://www.nytimes.com/2001/07/14/arts/correcting-her-idea-of-politically-correct.html>. (accessed 30 November 2017) Riding, Alan, Correcting Her Idea of Politically Correct. 14 June 2001.

About the authors:

Maxim V. Melnikov – PhD, Assistant Professor of Department of Foreign Languages, UlsAU University (Ulyanovsk, Russia). Spheres of research and professional interest: language teaching methodology, sociolinguistics.
E-mail: mensch777@mail.ru.

Marina A. Morozova – PhD, Assistant Professor of Department of Foreign Languages, UICA Institute (Ulyanovsk, Russia). Spheres of research and professional interest: language teaching methodology, sociolinguistics.
E-mail: mmorozova@yandex.ru.

* * *

ДВА РОМАНА – ДВА ДОКУМЕНТА ЭПОХИ («О МАРИЯ» СИНАНА АНТУНА И «ФРАНКЕНШТЕЙН В БАГДАДЕ» АХМАДА СААДАВИ)

Н.М. Шуйская

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья посвящена анализу двух значимых произведений современной арабской литературы, номинировавшихся на самую престижную в арабском мире премию в жанре романа «Арабский Букер». Это роман иракского писателя Синана Антуна «О Мария» (шорт-лист 2013) и роман его соотечественника Ахмада Саадави «Франкенштейн в Багдаде» (Арабский Букер 2014). Оба сочинения, рисуя художественный образ своего времени, являются по сути документами эпохи, написанными языком художественной прозы, поскольку затрагивают события остро-кризисного периода истории Ирака (2005, 2010 гг.), последовавшего за падением режима Саддама Хусейна. Авторы-«фактографы» повествуют о воцарившемся в стране хаосе, бесчисленных террористических актах, гибели людей и массовом бегстве преимущественно христианского населения в силу ужесточившихся условий их существования в окружении мусульманского большинства и обострения межконфессиональных противоречий. Это и романы – обвинения в абсолютной беспомощности, присущей иракским властям, во вседозволенности и пренебрежении национальными интересами Ирака, характерными для политики американской оккупационной армии.

Ключевые слова: взрывы, террористические акты, анархия, эмиграция, религиозно-этнические меньшинства, конфессионализм, оккупационные власти.

Обращение иракских литераторов Синана Антуна (роман «О Мария») и Ахмада Саадави (роман «Франкенштейн в Багдаде») к событиям недавнего прошлого (действие первого романа происходит в конце октября 2010 г., второго – в 2005 г.) продолжает писательскую традицию откликаться в своих произведениях на актуальные социально-исторические проблемы, присущие данному времени. Именно образ современности стал тем центральным художественным образом, к которому стягивается круг волнующих авторов общественно-политических вопросов, порождённых динамикой событий первого десятилетия нового века. Отечественный прозаик и драматург А. Вампилов считал: «Писать нужно о том, от

чего не спится по ночам» [4, с.43]. Вот и арабские писатели, которых немало тревожит неутраченная на их родине драма близкого и дорогого им мира, откликнулись на происходящее в Ираке произведениями, получившими высокую оценку и известность в арабском регионе и за его пределами.

Проза С. Антуна и А. Саадави – не документальная, она художественная. Но, как известно, художественное произведение порой не меньше, чем документальное, важно для формирования у читателя образа того или иного исторического события. Разве не по лермонтовскому «Бородино» и «Войне и миру» Толстого мы представляем Отечественную войну 1812 года? И разве не документы эпохи блоковское «Двенадцать», «Виш-

нёвый сад» Чехова или «Как закалялась сталь» Островского?

Документальной достоверности добавляет рассматриваемым иракским романам упоминание реальных персонажей истории Ирака (преимущественно у С. Антуна), подлинных исторических событий (например, ирано-иракская война, оккупация Ираком Кувейта), а также фактов известного всему миру – по сообщениям информантов – иракского лихолетья, ознаменовавшего натиск тирании иного типа (по сравнению с прежним авторитарным режимом) – торжества хаоса, нарастающей энтропии социума.

Вампиловское «не спится по ночам» находит в романах буквальное воплощение: причина – американские бомбардировки Багдада (1991), взрывы заминированных автомашин, атаки террористов-смертников, перестрелки членов вооружённых формирований противоборствующих группировок. Персонаж романа «О Мария» Хинна наутро после ночных обстрелов столицы спрашивает: «Что это творилось всю ночь? Бум, бум, бум... Может, хватит? Не наелись ещё, что ли?» [1, с.31]. Этой «физиологической» лексемой «наелись» автор стремится передать не только усталость, но и накопившееся раздражение населения запредельной вседозволенностью американцев и оцепенелостью иракских властей перед засильем заокеанских демократизаторов.

Упомянутое иракское повседневно – взрывы, атаки, перестрелки – порождает в душах людей гнетущее ощущение нависшей угрозы, непреодолимого чувства ежеминутной опасности, абсолютной незащищённости и беспомощности гражданского населения. «Франкенштейн...» начинается с того, что одна из главных действующих лиц – пожилая ассирийка Умм Даниэль, села в автобус, чтобы поехать в церковь на воскресную службу. «Взрыв произошёл через две минуты после отправления автобуса. Все в автобусе быстро обернулись и увидели страшную завесу дыма, чёрной тучей поднимавшегося вверх над автостоянкой у площади ат-Тайаран в центре Багдада» [3, с.11]. А во второй половине дня, когда Умм Даниэль возвращается из церкви домой, «тротуары чистые, сгоревшие автомашины убраны. Мёртвых отправили в отделения судебной медицины, раненых – в госпиталь аль-Кинди¹. Немного битого стекла там и здесь, закопчённый столб, яма в асфальте улицы» [Там же, с.13]. Погружённая в свои невесёлые думы о погибшем

ещё в ирано-иракскую войну сыне и уехавших в далёкую Австралию дочерях, она не замечает, что за электрический столб зацепились человеческие останки: «пятна крови и клочья волос» [Там же, с.14]. Итожащая фраза автора-повествователя «Возможно, это был самый мощный взрыв в этом районе за сегодняшний день» [Там же, с.14] красноречиво свидетельствует о нескончаемости и повсеместности череды подобных кровавых событий, которые делают жизнь «местом, где жить нельзя» (выражение М. Цветаевой). Иракские писатели представляют решение своих персонажей эмигрировать совершенно оправданным, благоразумным и единственно возможным. Однако мотивы, диктующие его непростое принятие, «задокументированы» двумя авторами «с вариациями».

Один мотив – смертельная опасность, угрожающая одинаково всем гражданам в условиях политической нестабильности, безвластия, анархии. В таком ключе он получает воплощение в «Франкенштейне...». В романе «О Мария» этот мотив усложнён: вопрос жизни и смерти встал особенно остро для иракских христиан. Обращаясь к бесстрастному языку цифр, напомним, что, по данным мировых информантов, в годы правления С. Хусейна в Ираке проживало полтора миллиона христиан. В последующие десять лет страну покинул 1 миллион христиан. В настоящее время их численность (по сравнению с 2003 г.) сократилась в десять раз [7].

Ирак, бывший домом для разных народов, исповадовавших разные религии, перестал восприниматься своими христианами как непоколебимая данность. Иракские христиане лишились уверенности не только в завтрашнем дне, но и во всех последующих. С. Антун фиксирует это сравнением «вчерашнего Ирака», оживающего в воспоминаниях протагониста романа 77-летнего Юсефа, с Ираком сегодняшним, невыносимые тяготы жизни в котором артикулирует другое главное действующее лицо – племянница Юсефа, 25-летняя Маха. Родные сёстры Юсефа уже давно выехали и обустроились: одна – в Швеции, другая – в Канаде. Они настойчиво зовут к себе брата, но тот упорно отказывается: не хочет подвергаться неизбежным унижениям из-за эмигрантского статуса, а главное – всё, что его привязывает к жизни, остаётся здесь, на родине: родной дом, его стены, увешенные фотографиями родных, которые воссоздают в его памяти всю

¹ Главный госпиталь в современном Багдаде, носящий имя видного интеллектуала эпохи Аббасидов, «философа арабов» Якуба ибн Исаха аль-Кинди.

прошедшую жизнь, ещё оставшиеся в живых – и в Ираке – друзья.

Кроме того, этот персонаж на протяжении всего романа является носителем и выразителем чувства исторического оптимизма, он старается убедить племянницу и её мужа в том, что этот морок – не навсегда: «Некоторые страны и народы переживали и худшие времена, но потом всё налаживалось. Таково движение истории» [1, с.25].

У Юсефа деятельный период жизни, протекавший во «вчерашнем Ираке», вполне удался. В детстве он был окружён многочисленной любящей роднёй, ближайшими друзьями были юноши – мусульманин и иудей, ему посчастливилось заниматься любимым делом – работал в финиковой компании, изучал пальмы, дослужился до поста генерального директора. Ни с какими притеснениями ему сталкиваться не доводилось, он даже полюбил девушку-мусульманку, но отец-профессор не отдал за него дочь, впрочем, вовсе не из-за различий в вере, а потому, что Юсеф был старше своей избранницы и не имел диплома о высшем образовании.

Но время этого поколения прошло, будущее страны – за молодёжью. Но какую «автобиографию» своей молодой героини пишет автор?

Жизненный опыт Махи полон горьких обид и душевных травм: начать с того, что её первые осознанные воспоминания связаны с тревогой и страхами, когда она, будучи тогда ребёнком, вместе с семьёй укрывалась в бомбоубежище (начало 90-х – американские бомбардировки). В отрочестве и юности она страдала от недобрых, осуждающих взглядов мусульманского окружения, смотревших на неё, не носившую хиджаб, как на девицу с низкой социальной ответственностью. Она никогда не чувствовала себя абсолютно полноценной, наоборот, она «устала, потому что всё и все по поводу и без, напоминают мне, что я [Маха. – Н.Ш.] – меньшинство» [1, с.112].

Но чудовищная трагедия в её жизни была, как оказалось, впереди. Под окнами их дома в тихом христианском районе Багдада взорвалась заминированная автомашина. Из-за страшного испуга беременная в ту пору Маха потеряла не успевшего родиться сына. Она была уверена, что этот террористический акт был направлен против жителей именно их квартала как населённого преимущественно христианами.

Так автор-«документалист» аргументированно «протоколирует» единственный инвариант судьбы своей героини-христианки – навигацию на Запад, на чужбину, подальше «от заминированных автомашин, терроризма и конфессионализма» [1, с.113]. Не случайно статья арабского литературного критика Маи аль-Хадж о романе С. Антуна имеет заглавие: «“О Мария” – крик, который вскрывает страдания меньшинств» [5].

В «Франкенштейне...» автор-хроникёр видит свою художественную задачу в том, чтобы нарисовать наиболее реалистическую, в деталях, картину современного ему Ирака. А. Саадави скрупулёзно внимателен к бытийному укладу жизни своих персонажей, он, словно прислушавшись к совету М.А. Булгакова², любит их, подробно описывая их жилища, повседневные занятия, отмечает изменения в их одежде и т.п. Вещный мир (обоих романов) детализирован и может удивить, в частности, обилием материалов, из которых состоят окружающие героев предметы (до 20 наименований).

Всё подчинено задаче зафиксировать приметы окружающей среды, оставить их «оттиск», «слепок», «задокументировать». Вместе с тем, как и С. Антун, А. Саадави даёт образцы межконфессиональных отношений в полиэтническом Ираке. Священник ассирийской церкви один имел мобильный телефон. Так, после службы к нему выстраивалась очередь прихожан, чтобы позвонить своим эмигрировавшим родственникам. Более того, приходили люди из близлежащих районов, в том числе мусульмане, отказа никто не встречал. А одна из главных героинь – Умм Даниэль – добровольно и охотно исполняла «обеты» по наведению порядка у ворот англиканской церкви, у стены «заброшенной синагоги», в палисаднике ассирийско-православной церкви, у ворот мечети [3, с.105].

Однако далеко не везде дела обстоят так благостно. Персонаж «Франкенштейна...». Махмуд ас-Савади и Хади аль-Аттак договорились поделиться друг с другом самой сокровенной тайной. Оказалось, что главный секрет жизни Махмуда – то, что «мы не мусульмане и мы не арабы» [3, с.127]. Его предок – сабеец, который когда-то принял ислам, чтобы жениться на мусульманке. Так это и продолжало бы оставаться лишь в анналах семейной истории, если бы не разыгравшаяся в стране драма, до крайности обострившая все, в том числе, межконфессиональные противоре-

² «Героев своих надо любить; если этого не будет, не советую никому братья за перо (...)» Цит. по: М.А. Булгаков, Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита: Романы. Л., 1978. С. 370.

чия. Поэтому перспектива этнических чисток для некоторых персонажей жизнеопасна.

Автор пишет и о целых «семьях, бежавших из соседних районов по конфессиональным причинам или из-за угрозы старой мести, возобновившейся после падения прежнего режима» [3, с.19].

Е.М. Примаков в статье о Саддаме Хусейне дал следующую характеристику рассматриваемого периода: «Бездумная вооружённая интервенция американских войск без всякого решения СБ ООН (...) привела к катастрофическим последствиям. Ирак был погружен в хаос (...) Практически каждодневные террористические акты, уносящие жизни тысяч мирных жителей, миллионный исход из Ирака беженцев, достигшая кульминации вражда и кровавые столкновения между суннитами и шиитами (...) – это далеко не полный перечень итогов американского вторжения (...)» [2, с.271-272].

Иракским авторам не свойственна идеологическая абберация зрения. Несмотря на то, что С. Антун с 2005 года живёт в США (преподаёт арабскую литературу в Нью-Йоркском университете), он уже на первых страницах своей книги пишет, что Ирак стал «местом, заражённым смертью» [1, с.12], упоминает об американских обстрелах столицы («В ту ночь американские самолёты разрушали Багдад, подвергая город массированной бомбардировке, от которой содрогалась земля» [Там же, с.28]). Именно эти обстрелы были теми первыми неизгладимыми впечатлениями ранимой души ребёнка, которые вынесла из детства Маха: они навсегда поселили в ней ощущение ужаса от своей абсолютной незащитности и бессилия.

В своей уже взрослой жизни иракская христианка в конце романа высказывает твёрдое убеждение: «Америка не помогла нам. Наоборот, наше положение только ухудшилось» [1, с.155]. «Вначале мы все обрадовались падению Саддама, – вспоминала Маха события семилетней давности. – Больше всех был рад мой отец, хотя он и не верил в добрые намерения американцев. Он, подобно многим, считал, что Ирак превратится в Гонконг, как об этом говорили в выпусках новостей. Ему не приходило в голову, что они превратят его в подобие Сомали» [Там же, с.119].

«Не верят» американцам и персонажи «Франкенштейна...». Сам генерал Сурур Маджид, возглавлявший целое управление по вопросам безопасности, «сомневался в американцах. Они используют получаемую от него информацию, чтобы отслеживать маршруты передвижения интересующих их лиц, но никогда не делают это с тем пониманием пользы, которое имеет в виду генерал Сурур» [3, с.124]. Иными словами, используют единственно к своей выгоде, полностью игнорируя законные интересы страны своей дислокации.

Все упоминания присутствия и деятельности американцев в Ираке выдержаны в романах в критической тональности, нет и намёка на какую-либо благодарность и признательность. Более того, устами главного редактора журнала Бахера ас-Саиди автор «Франкенштейна...» прямо говорит, что американское посольство в Багдаде выполняет миссию «по обеспечению равновесия насилия в Ираке между суннитскими и шиитскими группировками, чтобы обеспечить в дальнейшем равновесие и за столом переговоров о будущем страны. Американская армия неспособна или не желает остановить насилие, поэтому намерена, по крайней мере, добиться равенства в количестве убитых. Без этого не будет успешного политического процесса» [Там же, с.195]. Эта открытая инвектива в адрес американских демократизаторов с их спрутовой вездесущностью, одержимых навязчивой идеей «закачивать» демократию в другие страны, вызывает в памяти строку А. Вознесенского «Всё прогрессивное реакционно, если рухнет человек».

Сочинения иракских писателей – настоящие документы эпохи, где зафиксированные события, а также всевозможные детали необходимы читателям, не являющимся очевидцами происходящего, чтобы получить представление, возможно более полное и исчерпывающее, о том, чем и как жила эта страна и её народ в конкретный, критический период своей истории, о том, как уязвим человек и как хрупко его существование. Уместно, думается, привести следующее высказывание иракского писателя Луэя Хамзы Аббаса: «Творчество в условиях, подобных нашим, это защита жизни в различных её проявлениях перед лицом сил варварства и мрака» [6]. Миссия, выполняемая только писателями.

Список литературы

1. Антун Синан. Йа Марьям (О Мария). Ривайа (Роман). Бейрут-Багдад: Маншурат аль-джумаль, 2012, изд.1. 159 с.

2. Политические портреты деятелей стран Ближнего и Среднего Востока: очерки. М.: МГИМО-Университет, 2015. 274 с.
3. Саадави Ахмад. Франкенштейн фи Багдад (Франкенштейн в Багдаде). Ривайа (Роман). Бейрут-Багдад: Маншурат аль-джумаль, 2014. изд. 4. 352 с.
4. «Свой». Ежемесячное приложение к газете «Культура», июль-август 2017.
5. Аль-Хадж Мая. Йа Марьям... сарха такшифу алям аль-акаллийят («О Мария» – крик, который вскрывает страдания меньшинств). Аль-Хайат, № 18041, 26.08.2012.
6. Хамза Аббас Луэй. Аль-Китаба аль-иракыййа тасиру фи хакль альгам (Писательская работа в Ираке – хождение по минному полю). Аль-Хайат, № 18813, 07.10.2014.
7. <http://www.sedmitza.ru/text/4259151.html> (Седмица.RU 21 ноября 2013 г.)

Сведения об авторе:

Шуйская Наталья Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока, МГИМО. Сфера интересов: речевая практика, современная арабская литература, художественный перевод. E-mail: shnata55@mail.ru.

TWO NOVELS AS TWO HISTORICAL DOCUMENTS ("AVE MARIA" BY SINAN ANTOON AND "FRANKENSTEIN IN BAGHDAD" BY AHMED SAADAWI)

N.M. Shujskaya

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *The article analyzes two landmark works of contemporary Arabic literature, which were nominated for 'Arabic Booker', the most prestigious novel prize in the Arab world. These novels are "Ave Maria" by Sinan Antoon (short listed in 2013) and his compatriot Ahmed Saadawi's work "Frankenstein in Baghdad" (Arabic Booker, 2014). Both works offer literary images of the time, essentially being documents of the historic period written as pieces of fictional prose. They touch upon what happened during the grave crises (2005, 2010) of Iraq's history following the fall of Saddam Hussein's regime. The authors provide a factographic record of the havoc wreaked in the country, endless terrorist attacks and deaths, the exodus of Christian population as a result of toughening living conditions among the Muslim majority and escalating confrontations between religions. This is an accusation in complete helplessness against the Iraqi authorities and in permissiveness and disrespect for Iraq's national interests against the American occupation army.*

Key Words: *explosions, terrorist attacks, anarchy, emigration, religious and ethnic minorities, confessionalism, occupation authorities.*

References

1. Antun Sinan. Ya Mar'yam (O Mariya) [Ave Naria]. Rivaya (Roman). Beirut-Baghdad: Manshurat al'-dzhumal', 2012, ed.1. 159 p.
2. Politicheskie portrety deiatelei stran Blizhnego i Srednego Vostoka: ocherki [Political Portraits of People from Near and Middle East: Essays]. Moscow: MGIMO-University, 2015. 274 p.
3. Saadavi Akhmad. Frankenshteyn fi Bagdad (Frankenshtein v Bagdade) [Frankenstein in Baghdad]. Rivaya (Roman). Beyrut-Bagdad: Manshurat al'-dzhumal', 2014, ed. 4. 350 p.
4. «Svoy». Ezhemesiachnoe prilozhenie k gazete «Kul'tura» [«Your own». Monthly supplement to the newspaper «Kultura»], July-August 2017.

5. Al'-Khadzh Maya. Ya Mar'yam... sarkha takshifu alyam al'-akalliyyat («O Mariya» – krik, kotoryi vskryvaet stradaniia men'shinstv) [«Ave Maria» is a cry that reveals the sufferings of minorities]. Al'-Khayat, № 18041, 26.08.2012.
6. Khamza Abbas Luey. Al'-Kitaba al'-irakyya tasiru fi khakl' al'gam (Pisatel'skaia rabota v Irake – khozhdenie po minnomu poliu) [Writing in Iraq – Walking in the minefield]. Al'-Khayat, № 18813, 07.10.2014.
7. <http://www.sedmitza.ru/text/4259151.html> (Седмица.RU 21 ноября 2013 г.) [Sedmitsa.RU November 21, 2013].

About the author:

Natalia Michaylovna Shuyskaya – PhD, Associate Professor of Middle East Languages, MGIMO. Spheres of interest: Arab speech practice, modern Arab literature, literary translation. E-mail:shnata55@mail.ru.

★ ★ ★

Уважаемые читатели!

Подписаться на наш журнал можно по полугодиям в дни открытия подписки
в почтовых отделениях России и стран СНГ.

Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» **80991**.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № 2 (14) 2018

Главный редактор: В.А. Иовенко.

Корректурa: Т.А. Ивушкина

Компьютерная верстка: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 27.03.2018 г. Формат 60х84¹/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 17,75. Тираж 500 экз. Заказ 850.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России:
119454, Москва, пр. Вернадского, 76.